

Лицей

ПЯТЫЙ
ВЫПУСК 2021

18+

 LOTTE HOTELS

 LOTTE KF RUS

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ «ЛИЦЕЙ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ

**Таша Соколова
Екатерина Макарова
Ислам Иманалиевич Ханипаев
Катерина Кожевина
Михаил Бордуновский
Иван Купреянов
Сорин Брут
Лицей 2021. Пятый выпуск**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66285312

Лицей 2021. Пятый выпуск: АСТ: Редакция Елены Шубиной; Москва;

2021

ISBN 978-5-271-48701-9

Аннотация

20 июня на главной сцене Литературного фестиваля на Красной площади были объявлены семь лауреатов премии “Лицей”.

В книгу включены тексты победителей – прозаиков Катерины Кожевиной, Ислама Ханипаева, Екатерины Макаровой, Таши Соколовой и поэтов Ивана Купреянова, Михаила Бордуновского, Сорина Брута.

Тексты произведений печатаются в авторской редакции.

Используется нецензурная брань.

Содержание

По направлению к звёздам	9
Попытка утешения	12
Номинация Проза. Первое место	20
Глава 1	20
Глава 2	30
Глава 3	38
Глава 4	44
Глава 5	53
Глава 6	63
Глава 7	72
Глава 8	79
Глава 9	86
Глава 10	94
Глава 11	100
Глава 12	108
Глава 13	115
Глава 14	123
Глава 15	135
Номинация Поэзия. Первое место	145
Номинация Проза. Второе место	173
Пятница. Делать уроки для слабаков	173
Суббота. Я люблю ходить в школу, и это проблема	189

Лицей 2021. Пятый выпуск

Литературная премия “Лицей” имени Александра Пушкина для молодых писателей и поэтов

Наблюдательный совет Премии:

Сергей Степашин

Ким Тэ Хон

Ким Чжун Ен

Владимир Григорьев

Михаил Швыдкой

Алексей Варламов

Сергей Филатов

Максим Замшев

Павел Негоица

Состав жюри Премии 2021 года:

Андрей Лазарчук

Татьяна Вольтская

Кирилл Анкудинов

Герман Садулаев

Ирина Богатырёва

Сергей Носов

Председатель жюри

Леонид Юзефович

Издание осуществлено в партнёрстве с Литературной премией “Лицей” имени Александра Пушкина для молодых писателей и поэтов и группой компаний “ЛОТТЕ” в России

В логотипе премии “Лицей” используется гравюра В.А. Фаворского “Пушкин-лицеист”, 1935 г.

“Редакция Елены Шубиной” выражает благодарность фотографам авторов-лауреатов – Всеволоду Волоколамскому и Валерию Незымаеву

© Кожевина К., Ханипаев И., Макарова Е., Соколова Т.,

Купреянов И., Бордуновский М., Брут С.

© Ким Тэ Хон, предисловие

© Григорьев В., предисловие

© Юзефович Л., Вольтская Т., предисловие

© Бондаренко А., художественное оформление

© ООО “Издательство АСТ”

2021 год продолжает испытывать нас на прочность, а жизнь предлагает всё новые и новые обстоятельства, словно эдакий умудрённый опытом учитель, насквозь пропахший мелом школьной доски и с каждой строчкой усложняющий условия задачи для ученика, желая проверить, а справится ли?

И мы справились. Сегодня в свет выходит пятый сборник с произведениями победителей Пушкинской премии. Я очень горжусь и хотел бы выразить благодарность всем участникам проекта и лауреатам, без которых не состоялось бы столь знаменательное мероприятие.

Александр Сергеевич Пушкин – больше, чем поэт. Он мыслитель, философ, наставник, друг. Наконец, он целитель и врачеватель, ибо порой слово – это единственное возможное лекарство от человеческого безразличия, туманного безрассудства и засасывающей в тёмную бездну безграмотности.

Мне приятно наблюдать за юными талантами и поддерживать молодое увлечённое поколение, пытающееся думать, а не бездумно следовать с закрытыми глазами по проторен-

ной дорожке, жаждущее творить, а не обречённо пребывать без малейшей толики смысла, стремящееся чувствовать, а не безнравственно существовать где-то на задворках жизни. Спасибо вам за ваши горящие глаза, добрый ум и умное сердце!

Безусловно, отдельную благодарность хочу выразить председателю Наблюдательного совета премии Сергею Вадимовичу Степашину, заместителю руководителя Федерального агентства по печати Владимиру Викторовичу Григорьеву, специальному представителю Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству Михаилу Ефимовичу Швыдкому, Чрезвычайному и Полномочному послу Республики Корея господину Ли Сок Пэ, Полномочному министру, Советнику, директору культурного центра Посольства Республики Корея госпоже Ви Мен Чже, а также организаторам премии (Георгий Урушадзе), уважаемому жюри (председатель Леонид Юзефович) и партнёрам премии – агентству ТАСС, газете “Аргументы и факты”, издательскому сервису *Ridero*, журналу “Юность” и другим.

Коллеги, благодарю вас за ваш труд, вклад и помощь в развитии нашего проекта на всероссийском уровне!

До встречи в следующем году!

Генеральный директор АО “ЛОТТЕ РУС”

Ким Тэ Хон

По направлению к звёздам

Премии “Лицей” имени Александра Пушкина пять лет. И это, перефразируя известную цитату астронавта Нила Армстронга, маленький шаг для всего человечества, но огромный – для тех, кто за эти годы благодаря премии шагнул в большую литературу. У тридцати пяти “лицеистов” уже вышли книги в ведущих российских издательствах.

Популярность премии ежегодно набирает обороты: в 2021 году она снова разбила рекорд по числу поступивших заявок. Почти две с половиной тысячи новых произведений молодых авторов – это не может не радовать и не вдохновлять. Писательство – занятие одинокое. А в одиночестве, как писал Артур Шопенгауэр, “каждый видит в себе то, что он есть на самом деле”. Писатель подобен небесному телу в космической пустоте. Но стоит только сменить оптику, посмотреть шире, и нам откроется множество соседей, удивительных взаимосвязей, плеяды доселе невидимых звёзд.

В жюри этого года был наш космический экипаж – писатель-фантаст Андрей Лазарчук, прозаик, лауреат премии “Книгуру” Ирина Богатырёва, поэт Татьяна Вольтская, поэт и прозаик Герман Садулаев, финалист премии “Большая книга”, прозаик Сергей Носов, поэт, литературный критик Кирилл Анкудинов. Председатель жюри – дважды лауреат “Большой книги” и многих других премий Леонид Юзефо-

вич. Членам жюри снова пришлось непросто – ну а когда выбор победителей в литературном состязании давался легко? В номинации “Поэзия” отмечены подборки Ивана Купреянова (1 место), который умеет видеть гармонию в окружающем хаосе: “Я жил под небесной дорогой, // я знаю, как выглядит рай”; студента Литинститута Михаила Бордуновского (2 место), искусствоведа Сорина Брута (3 место). В прозе лауреатами стали социолог из Питера Катя Кожевина с романом “Лучшие люди города” – о долгой командировке девушки из Москвы на Сахалин и том, какой разной может быть наша огромная страна; сценарист из Махачкалы Ислам Ханипаев с повестью о жизни второклашки “Типа я”. Третье место разделили журналист Таша Соколова со сборником рассказов “Дневник волонтерки” и лингвист Екатерина Макарова с повестью “Цветущий кориандр”. Дипломами жюри премии отмечены тексты Ильи Лебедева и Сергея Кубрина. Впрочем, все авторы, попавшие в короткий список, очевидно, заслуживают читательского внимания.

...Новое поколение талантливых поэтов и писателей уверенно осваивает литературную Вселенную. А “Лицей”, открывая новые галактики, зажигает новые имена, приобщает множество читателей к сонмам пока неизведанных, но манящих и многообещающих звёзд, может пока – ещё только “звёздочек”.

Благодарю за поддержку премии южнокорейскую группу компаний “ЛОТТЕ” в России, Литературный институт им.

А. М. Горького, Российский книжный союз, “Российскую газету”, “Литературную газету”, Ассоциацию литературно-художественных журналов и всех равнодушных – литераторов, критиков, издателей, библиотекарей, – кому небезразлична судьба отечественной словесности.

*Заместитель руководителя Федерального агентства по
печати и массовым коммуникациям*

Владимир Григорьев

Попытка утешения

Средний возраст лауреатов премии Лицей-2021 – меньше тридцати, и их тексты могут, кажется, дать представление о том, какой будет новая русская литература третьего десятилетия XXI века. Если говорить о прозаиках, у них нет ни пышной барочной метафорики, которая ещё лет десять назад считалась неотъемлемым признаком высокой литературы, ни едва ли не обязательной для писателей 1990-х иронии, ни честной, но мрачноватой трезвости «новых реалистов», входивших в литературу в начале 2000-х. Даже в “Записках волонтерки” Таши Соколовой, нон-фикшне о буднях ковидного отделения одной из московских больниц, упор делается не на пережитом ужасе, а на способности человека ему противостоять. Это спокойный, стоический взгляд на происходящее: “Вирус, увы, не экспертное жюри, он не решает, кто достойней, а кто нет. Умирают многодетные матери, умирают награждённые орденом мужества, умирают научные деятели и врачи, умирают совсем молодые и ничего не успевшие в жизни”. Тем не менее вывод даёт надежду: “Пандемия научила меня бороться до конца. Я вижу ежедневную работу медиков: не действует одно лекарство? – меняем; умер один пациент – лечи другого; нет правильного времени, чтобы сдать”.

По большому счёту, все премированные прозаические

тексты – литература милосердия и утешения. Это в полной мере применимо к разделившей третью премию с “Записками во лонтёрки” повести москвички Екатерины Макаровой “Цветущий кориандр”. Её герой, уроженец сибирской деревни, становится авангардным композитором с европейской славой и всем своим музыкальным опусам даёт одно и то же название – “Цветущий кориандр” с добавлением порядкового номера. Поначалу это воспринимается как чудачество, комичная странность или даже рекламный трюк, но по мере погружения в прошлое героя оборачивается символом его творческого постоянства, верности избранному пути, неслиянности искусства и жизни. Кориандр цветёт всегда, а любовь приходит и уходит. В психологически тонкой и точной по фактуре повести Екатерины Макаровой поэзия соседствует с мягким юмором, логика уникальной человеческой судьбы сочетается со столь же причудливой композицией, а насыщенный бытовыми подробностями и в то же время музыкальный авторский язык даёт почувствовать главное: старость и смерть органично входят в состав жизни, если она прожита достойно, и не разрушают её красоту. Повесть печальна, но это умиротворяющая печаль осени, столь же необходимая в любом жизненном цикле, как радость весны.

Тоже смешная, грустная и, может быть, ещё более утешительная повесть “Типа я” серебряного призёра, режиссёра Ислама Ханипаева из Дагестана написана от лица восьми-

летнего мальчика. В послесловии автор честно признаётся, что интонацию и сюжетную идею позаимствовал из популярного романа американца Джонатана Фоера «Жутко громко и запредельно близко», но читатель быстро об этом забывает: мир второклассника Артура из Махачкалы – совершенно оригинальный. Этот несчастный, трогательный и отважный мальчик, потерявший в автокатастрофе мать, не сразу осознаёт, как важна для него любовь усыновившей его женщины, и пытается найти забывшего о нём родного отца. “Мой герой, – пишет автор, – родился из стремления создать глубоко травмированного и совершенно уязвимого в современном Дагестане мальчика, который знает единственный способ защиты в агрессивной среде – выдумать свой мир, свои правила и закономерности и через них объяснить себе происходящее... Я хотел показать нормального доброго ребёнка, который, как множество сегодняшних детей, старается искусственно сделать себя крутым и плохим, чтобы стать популярным”. Свою задачу Ислам Ханипаев выполнил: пронзительная история маленького Артура может быть интересна и подросткам, и взрослым, а это всегда было приметой настоящей литературы.

Получивший первую премию роман “Лучшие люди города” петербургского социолога Катерины Кожевиной – редкий в нашей словесности гибрид женской и производственной прозы, тем более удачный, что основан на личном опыте автора. Главная героиня, молодая сотрудница централь-

ного офиса крупной газодобывающей компании совершает служебный промах и в наказание отправлена на Сахалин, в маленький город с вымышленным названием Крюков, в котором узнаётся реальный Холмск. Её дело – нанять пятьсот рабочих для строящегося в городе завода сжиженного газа, и несколько прожитых здесь месяцев позволяют ей понять людей, обитающих в этом экзотическом медвежьем углу на окраине России. Эти люди – не фон душевных терзаний героини, а суть и смысл романа. Рыбаки и безработные, сельские жители и бизнесмены, районные чиновники и наркоманы, местные интеллигенты, заключённые, работники лагерной администрации, русские и корейцы, чьих предков когда-то завезли сюда японцы, мужчины и женщины, взрослые и дети – каждый из этих персонажей написан мастерски, с пониманием и любовью, которая в итоге берёт верх над недоверием, высокомерием, столичным снобизмом героини и свойственными нам всем штампами восприятия современной российской жизни.

Говоря о Катерине Кожевиной, можно вспомнить слова Н. С. Лескова о своём творческом методе: “Я сберегал хорошее в каждом лице и думаю, что в этом долг правдивого писателя. Отрицательные типы я писал хуже, чем положительные, потому что мне тяжело изображать такие характеры, не гармонирующие с моим личным настроением, но всё же не мог я и рисовать без теней, по-китайски”. Тени в романе есть, но света больше, и даже невесёлый конец, когда земле-

трясение разрушает надежды героев, не отменяет заложенного в нём утешительного потенциала.

Внимание к повседневности отличает и стихи Сори́на Брута (третья премия в номинации “Поэзия”). Его цикл стихотворений “Бесконечный район” как будто проводит нас среди современных новостроек, заставляя рассматривать балконы, вглядываться в окна, вникать, кто выходит из подъезда, а кто возвращается домой, слушать “голоса – // алкашей и школьников, // фанатов и их подруг”. Это верлибры, но лёгкие и прозрачные, как будто автор не ставит целью творческое преображение мира, а просто идёт куда глаза глядят и куда ведут слова.

*Когда меняется песня в наушниках, на секунду
проступают звуки квартиры. Чайник кипит на кухне.
Гул стиральной машины и шорох клавиатуры спелись,
сирены вой заносит из окон.*

*Когда меняется песня – кто-то в мусоропровод
бросил пакет в подъезде. И слышно – пакет летит
вниз по трубе...*

Мир Сори́на Брута проникаем и узнаваем, и текст почти неотличим от того, что глаз видит вокруг каждый день. Почти: на это и надежда, в этот узкий зазор обычно и влетает поэзия.

Вторую премию получил студент Литинститута Михаил Бордуновский за сборник “В оптическом парке”. Это тоже

верлибры, но их не назовёшь непосредственными – автора увлекает величественная в своей хаотичности сложность мира, и он умеет найти в ней свой образный строй. Он пишет пастозными импрессионистическими мазками, то отступая перед натиском словесной материи, то делая шаг вперёд и выхватывая штрих, образ, цепочку образов:

*Преображение птиц над пыльной
провинциальной Аллеей Славы —
и поливальные тракторы обезоружены, и
дикие гроздья Су-24 над городом
в итурмовом фехтовании застывают:
республика светотени, любовь моя,
брось камень в стекло проезжающего автомобиля,
или он выйдет из рук твоих, говоря: “Поздно,
раньше я камнем был, но ныне я самый
камень камня и требую власти”.*

Михаил Бордуновский очень молод, в его стихах подкупает желание зачерпнуть строкой как можно больше подробностей видимого мира и выстроить их по-своему. Возможно, когда-нибудь из этого вырастет узнаваемый поэтический мир.

От первого же стихотворения подборки Ивана Купреянова, лауреата первой премии, веет свежестью, непринуждённостью речи и свободой в обращении с языком. Языковая свобода бывает разной: если её цель – “раскрутить” автор-

ское это за счёт демонстративного слома языковых конструкций, она обычно оборачивается развязностью и даже наглостью; но если она идёт от любви к языку, то может давать удивительные плоды. Как писала Елена Шварц, “Родной язык как старый верный пёс, – когда ты свой, то дёргай хоть за хвост”. Именно так и происходит в самых удачных стихах Ивана Купреянова:

*Не страшно, скорее – противно
смотреть на пустеющий мир.
Налей, Антонина Крапивна,
в стаканчик, замытый до дыр.*

*Мы виделись мельком и прежде —
четыре ли раза ли, пять...
Я вырос до той безнадежды,
когда это можно считать.*

Тут на восемь строк два неологизма, но они такие негромкие, домашние, что даже не хочется их так называть – будто человек действительно гладит родную речь по голове и чешет за ухом, нащёптывая что-то ласковое. Такие стихи бегут впереди читателя, натягивают поводок и весело оглядываются, как будто приглашая вместе порадоваться прелести мира. И правда, игра продолжается: «Як-40, як пёсик, задирист» – как не улыбнуться этому «як», вдруг выскочившему то ли из-за украинского, то ли из-за древнеславянского забора – и

надо же, оказавшемуся кстати.

У Ивана Купреянова музыкальное ухо и цепкий глаз: «Голубь – жадная птица, отрывисто в нём // исчезает обрывок батона», – читаем в другом стихотворении. Это надо увидеть. Надо уметь обратиться к советской «двухкопейке» так, чтобы из крохотной монетки, рыбьей чешуйки выплыл целый мир: «Некто в шапочке вязаной смотрит с тебя на меня, // а не глобус в колосьях, которому больше не светит». Купреянов не боится писать регулярным стихом, не сливается с бесконечным морем верлибров, он любит предметный мир и умеет заразить своей радостью читателя.

*На тарзанке тарзанке
я качался качался,
и скрипела скрипела
надо мной высота...*

Возможно, стихи Ивана Купреянова, Михаила Бордуновского и Сорина Брута тоже будут набирать высоту – если они не изменят своей любви.

*Леонид Юзефович,
председатель жюри премии «Лицей-2021»*

*Татьяна Вольтская,
член жюри*

Номинация Проза. Первое место

Катерина Кожевина

Лучшие люди города

Фрагмент романа

Глава 1

“Николай Гоголь” провалился в яму. На задних рядах кто-то вскрикнул, по салону прокатился лязг металлических пряжек, грудной ребёнок дотянулся до ноты си второй октавы. У Лены внутри всё сдавило, тело перестало слушаться. Ей казалось, что чья-то невидимая рука трясёт аэробус, словно игральные кости, и вот-вот швырнёт с высоты десять тысяч метров. Мужик на соседнем сиденье начал креститься, с отчаяньем втыкая троеперстие в круглый тугой живот. Лена заметила, что он крестится не справа налево, а слева направо, по-католически. Это наблюдение отвлекло её от собственного страха. Через пару минут всё успокоилось. Католик встал, открыл багажную полку, достал из сумки мерзавчик столичной и отхлебнул.

Лена прикрыла глаза и запрокинула голову. На джинсах и рукавах свитера расцвели томатные пятна, но это уже не

имело значения. После восьми часов полёта она чувствовала, как будто её руки и ноги состоят из миллиарда маленьких сжатых пружин. Вот бы сейчас раскинуться на кровати в позе морской звезды, укрыться одеялом с головой и спать десять, двадцать часов подряд. Но вскоре из динамика зашелестела стюардесса: “Уважаемые дамы и господа, просьба убрать откидные столики, открыть шторы на иллюминаторе и пристегнуть ремни безопасности”. Тоска по дому затянула Лену в узел.

Как конькобежец на вираже касается рукой льда, самолёт тронул крылом облако, развернулся и пошёл на посадку. Белая пелена рассеялась, и показался рваный берег острова. В аэропорту было жарко, хотя стоял октябрь. Резиновая лента навернула уже несколько кругов, а клетчатого чемодана всё не было. Лена представила, что её багаж вывалился во время турбулентности и приземлился где-то на площади в Улан-Удэ, а может, его по ошибке отправили в Таганрог или Астрахань. И все её кашемировые свитера, австралийские джинсы и французские сорочки примеряют сотрудницы аэропорта. Впрочем, сорочки ей здесь ни к чему.

Чемодан выехал из тоннеля самым последним, с помятыми боками и расстёгнутой молнией на кармане. Еле стащив его с ленты, Лена двинулась к выходу. У дверей она заметила невысокого парня в камуфляжном костюме, с мясистым носом и короткой чёлкой. Он мял в руках листик, на котором печатными буквами было выведено – “Нефтепромрезерв”.

Лена подошла:

– Кажется, нефтепромрезерв – это я.

– А я – Коля. Едем?

Он выхватил багаж и покатил его в сторону стоянки. Колёсики с трудом преодолевали трещины на асфальте – даже чемодан сопротивлялся глупому повороту судьбы. Коля остановился у машины, точнее у настоящего вездехода – высота колёс не меньше метра, из капота торчит труба, похожая на кобру в боевой стойке.

– А это что такое? – Лена тронула металлическую змею.

– Да это шноркель, чтобы по дну реки ездить. У вас таких нету поди в Москве, – Коля тщательно изучил Лену и задержал взгляд сначала на заляпанных джинсах, а потом на белых кроссовках *New balance*, – прошу садиться в карету, мадмуазель.

Из аэропорта Южно-Сахалинска до Крюкова ехать не меньше четырёх часов. На улице моросило, за окном мелькали невзрачные коробки гаражей и рекламные билборды – “Бестраншейная прокладка трубопроводов”, “Мир пайки”, “Союз православных пчеловодов”. Лена задремала. Где-то через час Коля тронул её за плечо:

– Вы, наверное, кушать хотите? Я позвонил тут Валере, сказал, что встречаю гостя из Москвы, он обещал свежих чебуреков сделать. Наши все у него берут.

Когда в игру вступают “наши”, пасовать неудобно. Коля выскочил у придорожной забегаловки и вернулся со стака-

ном чая и масляным полумесяцем, обёрнутым в серую бумагу. Лена отхлебнула глоток, и нёбо моментально онемело от кипятка. К тому же чай оказался с сахаром. В Москве она старалась не есть сладкое и мучное, вставала на весы утром и вечером, но если жизнь теперь неслась под откос, то почему бы не придать ей ускорение. Лена отломил кусочек чебурека и положила в рот. В середине мясо показалось сырым. Джип медленно двинулся с места. Разобравшись с обедом, будто пройдя инициацию, Лена прилипла к стеклу. У самой дороги под пляжными зонтами сидели женщины в фуфайках и бриджах поверх колготок, а рядом с ними на столах вместо яблок или банок с огурцами, беспомощно раскинув щупальца, пылились огромные крабы.

– А сколько здесь стоит краб?

– Тараканы-то? Ну, этим рублей триста красная цена. Но лучше брать по пятьсот. Я знаю надёжных людей, обращайтесь.

После крабов начались грибные ряды. На капотах, на леопардовых покрывалах и просто на земле стояли вёдра слисичками, белыми, груздями и неизвестными шариками, похожими на большие шампиньоны.

– Надо же, какие боровики красивые! Вот бы их с картошкой пожарить.

– Э, нет. Грибы я у трассы не советую брать. Вы что же, не знаете, как людей дурят?

– Не-а.

Коля снисходительно посмотрел на Лену и покачал головой:

– Самые лучшие грибы кладут сверху и на дно ведра. В середине – всякий лом и даже червивые. Вот ты купишь ведро, перевернёшь его в пакет, и не заметишь, что тебя развели, – Коля решил, что настало время перейти на “ты”. – Сама-то в Москве родилась?

– В Москве, да, – от этого признания Лене стало как-то не по себе, как будто её уличили в nepотpeбcтвe.

– Ну, ты вроде ничего, хорошая девчонка. Но вот ваши к нам когда приехали завод строить, столько гонора у них. Нет, подзаработать, конечно, дали. Я сразу возить народ на стройку подрядился. Но мужики у нас недовольны. Говорят, москвичи посуду не моют, а выбрасывают.

– Что?

– Грязную работу вы не любите и деньгами напоказ сорите. Но это я не про тебя конкретно, ты не думай, – сжалился Коля.

Машина ехала между голых сопok, напоминающих куски халвы. Вдоль дороги вытянулись трёхметровые растения с толстым стеблем и широкими листьями.

– Коля, а это у обочины бамбук растёт?

– Это? Да борщевик обычный. Он у нас и по пять, и по шесть метров вырастает. А бамбук я покажу тебе потом, когда подъезжать будем. Ты лучше про себя расскажи. Замужем? Дети есть?

– Нету, – Коля полез на приграничную зону острых тем.

– А чего так?

– Не хочу, – Лена не сдержала раздражение в голосе.

– Да ты не нервничай так. Ну нет и нет. Успеешь ещё.

Я вот недавно открыл для себя одного духовного деятеля, Ошо, знаешь такого? Так теперь вообще не волнуюсь. Он говорил: “То, что есть – есть. Остановитесь и увидите”. Никуда теперь не бегая, спокоен как удав, с женой хорошо стало. Вот смотри, что она подарила, – Коля щёлкнул подвеску на зеркале заднего вида. Рядом с георгиевской лентой, крестиком и ёлочкой болталась разноцветная нитяная мандала.

Полчаса ехали молча, но тут сзади пристроился чёрный BMW, резко подрезал Колин вездеход и умчался за горизонт.

– Ах ты, сука! Куда ж ты так торопишься, унитаза на лыжах! Чтоб тебе там шину пробило, урод, – Коля воспринял обгон как личное оскорбление.

Наконец они добрались до перетяжки над дорогой: “Крюков – город будущего”. Лена подумала, что в России есть города светлого будущего и славного прошлого, но хорошо бы нашёлся хоть один город настоящего.

Двухэтажные бараки из дерева, чёрного от влаги, торчали у дороги, как мокрые грачи. Деревьев почти никаких нету, только низкие кустарники. Кое-где встречались кирпичные дома, огороженные двухметровым металлическим забором. На калитках висят таблички-предупреждения про стороже-

вых собак: “я добегу до забора за две секунды, а ты?” или “собака злая, а кот вообще ниндзя”.

Лене нужно было забрать ключи в офисе “Нефтепромрезерва” – компания на первое время, пока не построит свой посёлок, снимала для сотрудников квартиры в центре Крюкова. Хотя различить, где именно у Крюкова центр, почти невозможно – за сорок минут город можно пройти насквозь. Офис открыли в “районе пятиэтажек”. Вскоре Лена поняла, что это местный даунтаун. Маленький пятачок стал эпицентром общественной жизни – больница, две школы, Сбербанк, ДК, улица Ленина, площадь Ленина, памятник Ленину, церковь-новодел, администрация города и два кафе-конкурента, “Ветерок” и “Тополёк”. Она быстро забежала в контору, расписалась в журнале и взяла ключи у секретаря. Сюда Лена вернётся завтра и будет приходить ещё сто восемьдесят дней, которые тогда представлялись ей худшим временем в жизни.

Коля завёл мотор и повёз московскую пассажирку в её временный дом. На перекрёстке они остановились. По улице двигалась похоронная процессия, каких Лена никогда не видела. Впереди мужчина нёс красный стяг с золотыми иероглифами, за ним на плечах тащили открытый гроб и крышку. На женщинах – белые платки, пара старушек одеты в бежевые халаты поверх тёмных курток и пальто. Вот-вот замашут крыльями и взлетят, как сороки. Коля перехватил Ленин удивлённый взгляд:

– Да, это корейцы хоронят. Они вообще странный народ. Меня как-то позвали на поминки, так у них надо садиться и есть прямо перед гробом, пока его ещё не закопали. Кусок в горло не лезет.

– Ужас!

– А ночью родственники играют с покойником в карты, развлекают его.

– А почему они в белом?

– Вроде как белый у них цвет смерти, как у нас чёрный. Типа волосы к концу жизни седеют. И полюса у Земли белые. У меня есть друг-кореец, так прикинь, он, когда родителям хотел новые окна ставить, они увидели, что белые, и ни в какую. Дурной знак, говорят. Помереть бояться.

– А у корейцев тут своё кладбище есть?

– Да прямо. С нашими рядом закапывают. А иногда и жгут трупиков своих. У них положено. Уезжают на берег и разводят костры, крематория-то нету.

– А это законно вообще?

– А что им за это будет? Они же не убивают. У нас тут, Лена, свои законы.

Через пару минут Коля тормознул у одной из пятиэтажек. Жёлтая штукатурка начала сыпаться и обнажила рыжие кирпичные веснушки. Квартира на верхнем этаже. Коля обещал занести чемодан, но сначала хотел покурить. Лена вошла в подъезд, преодолела пару пролётов и поняла, что на третьем этаже не горит свет. Сунула руку в карман, достала айфон –

что за чёрт, батарея села. Придётся идти на ощупь. В подъезде воняло уксусной кислотой. Вдруг она почувствовала, что правая нога вместо твердой поверхности уткнулась во что-то мягкое и бугристое. Лена вскрикнула, рванула вниз через ступеньку, и чуть не упала, вылетая из дверей.

– Коля, там человек лежит! Мертвец!

– Сейчас посмотрим, не кричи.

Он взял телефон с фонариком и двинул в подъезд. Лена осторожно пристроилась за ним. На третьем этаже Коля хотел:

– Ну, что ты так вопила? Лежит парень, отдыхает. Ну, принял немного, не сухопутным же ходить.

Лена подошла ближе и увидела в луче фонаря оплывшее лицо. Человек среднего возраста в таком же камуфляже, как у Коли, лежал на площадке, положив руку под щетинистую щеку, и размеренно сопел. Он даже не почувствовал, что его потревожили.

Коля сделал ещё одну ходку вниз за чемоданом и вернулся:

– Ну, бывай, подруга. Телефон мой сохрани. Я тебе, если хочешь, дам Ошо почитать. Тебе надо.

Лена попрощалась и вошла в светлую однушку. За окном гнули шею жирафы подъёмных кранов и виднелся кусочек моря. В комнате было чисто, из мебели – стенка, стол и грязно-розовый разлохмаченный диван, весь в затяжках и нитках. Над диваном висел плюшевый ковёр с золотистыми оле-

нями. Лена села, с силой выдохнула и погладила оленя рукой: “Ну что, будем дружить?” Олень ударил копытом и подмигнул.

Глава 2

Всё началось с того, что Андрей Андреевич Корольков, владелец компании “Нефтепромрезерв”, дочери большого нефтяного холдинга, посмотрел фильм “Матильда” про балерину Кшесинскую. Его настолько вдохновил антураж картины, что он вызвал к себе Лену и сказал:

– Скоро наш юбилей, Лена, серьёзная дата, пятнадцать лет в отрасли, это всё-таки не шубу в трусы заправлять. Денег не жалея. Закатим царский бал. Всё должно пройти на высшем уровне, позовём партнёров, важных гостей.

– А может, позовём ещё лучших работников из региональных филиалов, с заводов? Чтобы они тоже почувствовали себя частью команды, – Лена рвалась в бой.

– Слушай, я тебе доверяю. Сделай так, чтобы мне перед товарищами не стыдно было. И сразу по месту – это должен быть центр, недалеко от Кремля.

Корольков нанимал молодых заместителей, выпускников программ *MBA*, платил им большие зарплаты и даже делал вид, что слушает их советы. Он отчаянно пытался угнаться за временем, но чувствовал, что его золотой век остался где-то в 90-х. Бывший комсомолец, рано занялся кооперацией, торговал машинами, попал в банковскую сферу, нарастил мышцы, и вот уже там, наверху, дали добро на допуск к телу № 1, а затем и к кровеносной системе Родины. Правда, неф-

тянка нулевых оказалась делом скучным. Из предпринимателя Корольков превратился в чиновника средней руки, добровольно позволил приручить себя и поселить в контактный зоопарк. Каждый год он обновлял айфоны, менял любовницу на улучшенную модель и даже встал на сноуборд, но это не помогало. Вместе с волосами, которые покидали голову шеренга за шеренгой, уходило и чувство атаки. Он больше не ощущал себя полководцем, которому нужно вести затяжные войны за рынок, власть и собственную жизнь. Теперь он боролся с запахом изо рта и дряхлеющим телом. Недавно Корольков закрутил роман с Ириной Шу, финалисткой шоу “Холостяк”, и даже подумывал жениться. Сама Ирина называла себя бизнесвумен, выпускала духи *Russian sterkh* и числилась сопредседателем в одном из фондов развития, то ли инноваций, то ли моногородов.

Лена состояла у шефа на особом счету. Среди коллег-эйчаров она была самой активной, сыпала идеями и часто подменяла директора по персоналу Виолетту Шелягину. Корольков чувствовал в Лене родственный дух антрепренёра, не столь очевидный для неё самой. Она отвечала за мероприятия, программу студенческих стажировок, иногда вела собеседования. Лена стойчески приняла идею проводить юбилей компании в стиле благородного дворянства, наняла приличное агентство и занялась организацией праздника. Вскоре для царского бала было решено снять галерею Мылова, расположенную в нескольких минутах от Кремля. Вместе с

агентом Лена отправилась смотреть помещение. На входе её заставили надеть бахилы, просторные залы пустовали. Со стен на Лёну уставились известные актёры и политики кисти народного художника, все в мехах, с помятыми черепами, как будто наклеенные на картонные задники и покрытые по-смертным макияжем.

В головном офисе “Нефтепромрезерва” работало четыреста человек, ещё сто, прошедших конкурс на лучших сотрудников компании, приехали из регионов. Руководители северных офисов и заводов, аппаратчики, газорезчики и вышкомонтажники прибыли в Москву и поселились в гостинице “Пекин”. В программе – венский оркестр, парочка оперных певцов второго ранга, Сосо Павлиашвили и ещё настоящий медведь с ненастоящими цыганами. Всех желающих пригласили в костюмерную Мосфильма, чтобы подобрать платье в пол, сюртук, кадетскую гимнастёрку, расшитый кафтан или поповскую рясу.

После концерта и торжественных речей Корольков, Ирина Шу, высший менеджмент, Сосо Павлиашвили и VIP-гости удалились в отдельный камерный зал. Лена, наряженная в голубое платье с воротником-стойкой и длинной юбкой в пол, раздавала поручения помощникам из агентства, пытается уследить одновременно за капризными артистами, медленными официантами и буйными гостями. Она чувствовала себя дрессировщиком-универсалом, у которого в одной клетке оказались попугаи, морские котики и тигры. В ка-

кой-то момент Корольков пропал и вернулся в костюме Николая II, наклеил бороду, усы и надел мундир с эполетами. За столиками велись беседы о триатлоне, детоксе, кэш кау, адженде, аджайле и дюдилиженсе. Товарищ Королькова из Госдумы делился впечатлениями от поездки в Колумбию:

– Недавно я съездил на ретрит. Там один шаман учил меня правильно пить айваску, чтобы постигнуть, кто я на самом деле.

– А что такое – айваска?

– Ну, это такой индейский напиток на травах, помогает контакт с духами находить. Неделю только её пьёшь и ничего не ешь. Нас у него в группе было человек десять, кого он вёл к познанию себя. Бизнесмены, топы, один мэр. В хижине под потолком для каждого подвешен гамак, а вокруг гамака – москитная сетка. Ложишься в гамак и видишь, что где-то на уровне лица есть специальная дыра. Это чтобы блевать. Первые три дня вся айваска выходила из меня наружу. А потом перестала. И в какой-то момент я почувствовал, что спускаюсь в преисподнюю. И знаешь, кого я там встретил?

– Ну?

– Хворостовского!

– Да ладно!

– Ну! Мы же с ним из одного города. Из Красноярска, выпивали даже. И говорит: “Хочу, чтобы моим именем аэропорт назвали”. Я его спрашиваю – тебе что, оперы мало что ли? Он – хочу аэропорт, и всё тут. Пришлось позвонить на-

шим в Красноярск. Он потом по голосованию победил этого, как его? Который боярыню Морозову нарисовал.

– Репина?

– Ну да, точно. Репина.

В соседнем зале, где выпивали рядовые сотрудники, праздник ещё стремительнее набирал обороты. Распутин присел на пол, опёршись на диван с золотыми вензелями. Его борода, инкрустированная кусочками рубиновой колбасы и перламутром майонеза, уже наполовину отклеилась и свисала жалкой мочалкой. Плотно сбитая балерина в сиреневой пачке лила слёзы, глядя на себя в ростовое зеркало. За столиками дамы из бухгалтерии продолжали вести светские беседы, допивая по восьмому бокалу *Моёт*:

– Ну, и нахрена ты дала этому прыщавому сисадмину? Маша, ты что, не знаешь себе цену?

– Конечно знаю. Но мне уже тридцать семь, скоро стукнет сезон распродаж.

Музыка Малера, Шопена и Чайковского отражалась эхом от арочных потолков, официанты в атласных кушаках разносили закуски, придерживая над головой круглые подносы. Пьяный начальник хозотдела снял с себя пиджак и накинул на плечи мраморной Афродиты: “Прикройся, стерва, распустила груди, стыдоба какая”. Тут Лену потянула за руку секретарь:

– Там это, Эмилии Петровне плохо, надо скорую вызвать.

Лена бросилась в туалет. Эмилия Петровна, матрона лет

шестидесяти, возглавляла финансовый отдел одного из региональных офисов, частенько навещалась в Москву и была приглашена на праздник лично владельцем бизнеса. Видимо, знала что-то такое, отчего состояла на особом счету. Работать к себе брала не только после успешного собеседования или по рекомендации, но и делала для каждого кандидата расклад на таро. А вот тельцов не нанимала ни в коем случае – у них плохая энергетика. Эмилия Петровна сидела в углу женской уборной, широко расставив полные ноги, и верещала:

– Ой, девки, сердце защемило. Щас помру, дышать нечем. Грудь пятого размера почти вывалилась из декольте с пышным жабо. Рядом на коленках ползала её заместитель, она же старшая дочь, и обмахивала мать кокошником. Пока ждали врачей, решили высвободить ценное руководство из тесной одежды. Лена попыталась расстегнуть платье, но собачка почему-то не двигалась. Наконец молния сдалась. Оказалось, что под платьем Эмилия Петровна обмотана для стройности какой-то силиконовой пленкой. Пришлось разрезать смертоносный кокон столовым ножом.

В самый разгар вечера, уже после того, как Эмилию Петровну увезли на скорой, Корольков решил переместиться из своего уютного зала с депутатами и менеджерами в зал к остальным подчинённым. Он поправил ордена, встряхнул эполеты, взял шампанское, Ирину Шу, и двинул в соседний холл. Госпожа Шу выглядела сногшибательно. На ней было

обтягивающее боди, расшитое стразами, сапоги-ботфорты, а сверху накинута полупрозрачный халат из органзы. Высокую причёску довершала миниатюрная шапка Мономаха.

Один из лучших работников Ханты-Мансийского завода даже присвистнул:

– Жень, ты посмотри, какая Чيو-Чю-Сан идёт!

А вот Корольков, который сновал между столиками и чокался со всеми по очереди, делегатам не понравился. Они не признали в ряженном Николае собственного начальника.

– Это что за пидорок с усами к нашим бабам клеится!

– Так это ж, сука, царь! Николай, н-на!

– Ну-ка, отошёл отсюда, фраер. Сейчас мы устроим тебе взятие Зимнего.

И трое крепких мужиков подошли вплотную к царю, отгородив его от столика с бухгалтерами. Один из рабочих попытался приобнять Ирину Шу.

– Это что за цирк? Вы кто вообще такие? – Корольков пришёл в бешенство.

– Красные комиссары, н-на, – с этими словами самый высокий из троицы зарядил Королькову в челюсть.

Ирина Шу завизжала, зазевавшийся охранник рванул от дверей и скрутил пролетариат. Злой Корольков, вытирая кровь салфеткой, удалился с поля битвы. В зале продолжала играть музыка, но все внезапно замолчали. Веселье дало трещину.

Лена присела за бухгалтерский столик, налила *Hennessy* и

хлопнула рюмку до дна.

Глава 3

Корпоратив завершился в ночь с пятницы на субботу. Выходные Лена провела скверно. Ощущение нависшей гильотины мешало нормально спать, есть, читать. Она отменила все встречи и просто слонялась по квартире в пижаме, с грязной головой. Лена ненавидела, когда что-то двигалось не по плану. Она не боялась наказания. Тяготило то, что её образ безупречного организатора трещал по швам, как брюки на начальнике хозотдела, когда он остервенело крутил фуэте. И теперь презирала своё отражение в зеркале.

В понедельник она с трудом вытащила себя из дома и всю дорогу мечтала стать невидимой. Кажется, даже дворники и сонные смотрители эскалаторных будок сверлили в ней дыры – “Ты облажалась, Лена”. Это был не первый косяк в её профессиональной биографии.

Пару лет назад Лена предложила Королькову выступить на крупном молодёжном фестивале, чтобы привести в компанию новую кровь. Он воодушевился, купил модные кроссовки и надел цветные носки. Лекция началась прекрасно. Сначала Королькову пели дифирамбы и спрашивали, как устроиться работать в “Нефтепромрезерв”. Потом спросили про капитализацию и разницу в зарплатах между бурильщиком и топ-менеджером. Он легко парировал: “Джентльмены не говорят о деньгах”. Корольков сам указывал на того чело-

века, которому следовало поднести микрофон.

– Вон тот рыжий парень, я вижу, тянет руку, с задних рядов.

– Здравствуйте, меня зовут Андрей, – микрофон начал фонить и плевать, – так слышно?

– *Yes, of course*, – Лена давно собиралась намекнуть Королькову, что использование английских слов не делает его Илоном Маском.

– Вот у вас в совете директоров семь человек. И все они мужчины. Почему же там нет женщин?

Корольков перестал улыбаться. На щеках дёрнулись желваки, но он тут же взял себя в руки и решил отшутиться:

– Вы знаете такую поговорку? У семи нянек, – он на секунду замялся, – четырнадцать титек. А дитя без глазу. Так же и с компанией.

Лена с шумом втянула воздух сквозь стиснутые зубы. В первых рядах кто-то прыснул, по залу покатился шепоток. Корольков принял это за одобрение и попросил, чтобы задали следующий вопрос. Через день на Ютубе появилось видео, как шеф выступает на форуме. Феминистки выпустили несколько разгромных статей, по интернету разлетелись мемы и шутки. К Королькову накрепко прилипло прозвище “четырнадцать титек”. Лена боялась, что это приведёт шефа в ярость. Но он был доволен. Ему позвонили пара друзей и похвалили, как же здорово он пошутил, так и надо с этим либеральным дурачьем. Скоро вообще начнут требовать, что-

бы страной управляла чернокожая лесбиянка без ноги.

В тот раз Лене повезло, но сейчас другое дело. Раскачиваясь в такт движению поезда, она представляла, с каким позором ей придётся собирать личные вещи в картонную коробку и сдавать пропуск начальнику охраны. На “Лубянке” вошла женщина в хиджабе, длинной юбке и чёрной куртке. Пассажиры стали напряжённо оглядываться и расползаться ближе к дверям вагона. Лена поймала себя на мысли, что ей тоже тревожно. Она понимала, что всё это предрассудки, платок – всего лишь религиозный атрибут, как крестик. Она ведь не шарахается от каждого православного, хотя, может, и стоило бы. Но тревога только нарастала. Когда Лена три года назад купила себе машину, мать обрадовалась: “Ну, слава богу, будешь реже ездить на метро, там же теракты”. Хотя вероятность погибнуть возросла в десятки раз. Через пару минут Лена всё-таки не сдержала натиск неприятных мыслей:

“А если рядом и правда террористка? Что я успела за свои двадцать девять? Не поставила ни одного великого спектакля. Впрочем, и не великого тоже. Ипотеку не закрыла. Кто придёт на мои похороны? Корольков теперь точно не явится. А гроб будет открытый или закрытый?”

Тем временем девушка в хиджабе достала из сумки зеркальце, гильзу помады и накрасила губы сливовым. У Лены отлегло. Вряд ли смертница стала бы прихорашиваться перед тем, как её тело разлетится на миллион кровавых кусков.

В офисе Лене передали, что Корольков будет ждать её к

двенадцати. Она дошла до приёмной и села на малиновый диван. Секундная стрелка двигалась по циферблату резко и шумно, как будто кто-то всё время передёргивал затвор пистолета. Руки горели и стали влажными, но хуже всего – под мышками разрослись пятна пота.

Секретарь жестом показала, что можно войти. Лена с трудом открыла массивные двустворчатые двери и поздоровалась. Корольков ничего не ответил и даже не кивнул. Она несколько секунд простояла у входа, потом доковыляла до длинного Т-образного стола и отодвинула дальше от шефа кресло. Когда Лена садилась, блестящая кожа, перехваченная круглыми таблетками, пронзительно скрипнула. Корольков раскладывал какие-то бумаги, что-то подписывал, сверял, будто рядом никого не было. На дубовом столе уместились два серебристых компьютера *Apple*, золочёная лампа с синим атласным абажуром, чёрный кнопочный телефон и ещё один дисковый, с наклейкой в виде двуглавого орла. В углу стоял книжный шкаф с коллекционными изданиями Ключевского, Бисмарка, Макиавелли и Сунь-цзы. За спиной шефа, почти у самого потолка, растопылив пожелтевшие ладони, висели старые лосиные рога. Не меньше минуты она просто молча сидела, уставившись на календарь “Служба экономической безопасности. Отечество. Честь. Доблесть”. С каждой секундой ей становилось всё хуже, подступила тошнота.

– Что ты хочешь мне сказать? – Корольков заговорил спо-

койно, не отрываясь от своих бумаг и не смотря на Лену.

– Я? Я думала, что вы меня вызвали, чтобы... – она запнулась.

– Ты думала? А чем ты вообще думала, когда звала этих уродов? – Корольков швырнул перед собой ручку *Montblanc*. – Ты меня идиотом хотела выставить?

Лена полагала, что идиотом он выставил себя сам, когда нацепил царские усы. Но, естественно, промолчала. Шеф быстро загасил ярость и продолжил деловым безапелляционным тоном.

– С твоей северной лимитой разговор короткий. Они уже уволены. А вот по тебе вопрос не решён, – Корольков поднял на Лену полый, бесчувственный взгляд. Ей захотелось спрятаться под стол, но вместо этого она уставилась на него в ответ. Самым страшным наказанием была неизвестность.

Через полминуты он всё-таки сжалился.

– Поедешь в командировку. Мы включились в большой партнёрский проект, – Корольков намеренно цедил информацию.

– Куда?

– С глаз моих подальше, – он снова назидательно замолчал, – на Сахалин.

– И что за проект?

– Новый завод сжиженного газа.

Лена представила безжизненную машину с тысячами баллонов, труб и датчиков.

– Что я там буду делать?

– Как что? Людей искать. Архитекторы, инженеры, конечно, есть. А вот ты будешь нанимать на стройку местных, чернорабочих, раз ты их так любишь. Должен ведь кто-то копать и дерьмо носить.

Лена мысленно примерила на Королькова лосиные рога.

– Ты чего улыбаешься? Времени – полгода. Должна трудоустроить минимум пятьсот человек.

Казалось, что проще самой устроиться землекопом.

– Мне нужно подумать.

Корольков откинулся в кресле. Сразу не прогнулась. Это хорошо.

– Ну, думай. Два дня у тебя. Но имей в виду. Я ведь могу просто пальцами щёлкнуть, и тебя ни одна собака на работу не возьмёт. Если не начальство, так безопасники зарубят.

Лена резко поднялась, попыталась одёрнуть платье, но оно приклеилось к ногам. Когда она была уже в дверях, Корольков добавил:

– И вот ещё что. Как говорят мои друзья-виноделы, чтобы ягода вышла хорошей, лоза должна страдать. Может, и выйдет из тебя толк.

Глава 4

Страдать Лена начала уже в своё первое сахалинское утро. Она проснулась от протяжного звука, чуть не проломившего стекло. Ей показалось, что за окном одновременно замычали сотни, тысячи коров. Потом звук повторился, но был уже глуше – стадо отступало. Из старого порта отчалила баржа. Солнце, не пойми откуда взявшееся, полезло из окна, как дрожжевое тесто. Тонкие нейлоновые шторы в ромашку совершенно не спасали от воинственного света. “Господи, всего полночь. Только полночь”, – Лена посмотрела на свои ручные часы, которые, конечно, забыла перевести. Она даже толком не успела уснуть, а в Крюкове уже наступило утро. Кто вернёт ей восемь часов жизни?

В подъезде по-прежнему было темно. Но на третьем этаже вместо знакомого колдыря теперь валялась упаковка от презервативов “Эротика Де Люкс” – знамя любви, победившей морок. Лена облегчённо выдохнула и поспешила на свежий воздух. Пора раздобыть еды.

К торцу соседнего дома примкнул магазин “Магнат”. Лена толкнула тяжёлую дверь, обитую ветхим дерматином, и вошла. Продавщица в голубой пилотке и клеёнчатом фартуке листала газету. Возле ящиков с овощами копались две старушки. Мужик в пиджаке поверх фланелевой тельняшки разглядывал витрину с баклажками пива. Они оторвались от

своих занятий и завороченно уставились на Лену, как будто вместо грязного половика постелили красную дорожку, и вошла сама Джулия Робертс.

– Вы почему за собой не закрываете? – наконец отошла от лёгкого оцепенения продавщица. – Тут швейцаров нет!

– Извините, – Лена с трудом прикрыла пудовую дверь.

Она огляделась. Обычный такой магазинчик. Кроме еды продаются шампуни, трёхлитровые банки под соленья, уголь для мангала и женские панталоны.

– Мне йогурт, питьевую “Активию”, можно?

Продавщица протяжно, испытующе посмотрела на Лену, а потом бросила с вызовом:

– Можно. Двести девяносто семь рублей.

– Сколько?! – Лене показалось, что она ослышалась. Это в шесть раз дороже, чем в Москве.

– Девушка, я так посмотрю, что вы не местная. Хоть бы ценники сначала изучили.

Если бы в Москве Лену спросили, сколько стоят яйца или масло, она бы растерялась. Лена давно перестала смотреть на цены в продуктовых и кидала в корзинку всё, что ей хочется. Но сейчас она оглядела магазин ещё раз и обнаружила, что самые привычные продукты – яблоки и помидоры – стоят баснословных денег, как будто их везут из соседней галактики, а не из братского Азербайджана. В центре зала в одном из ящиков лежал маленький, похожий на пушечное ядро, чёрный от пыли арбуз. Кто-то пальцем подрисовал ему улыбку.

На ценнике было даже не написано, а выдавлено ручкой без чернил – “1400 руб”. Похоже, арбуз лежал здесь вовсе не для того, чтобы его купили, а как символ лучшей богатой жизни, которая когда-нибудь непременно настанет.

– Ну так что, брать будете? Если хотите, вот есть с нашего комбината – “Утро Родины”. Он дешевле. И есть можно.

Продавщица поставила на прилавок литровый тетрапак с клубничным йогуртом.

– Нет, я возьму “Активию”, – Лена не забыла пытку чебуреком. Лучше повременить с местной едой.

– Как хотите, – продавщица, кажется, обиделась.

Лена расплатилась, но потом всё-таки решила спросить:

– А почему так дорого?

– Почему-почему. Пока с материка довезут – этому надо на лапу дать, другому надо на лапу дать. А платит кто? Правильно, мы. А у народа выбора нет. Всё равно берут.

Сбоку подкрался мужичок в пиджаке:

– Да, нищает народ. Всё у нас отобрали. Мишка Меченый развалил Союз, зла на него не хватает, – он вытащил из одного кармана несколько скомканных купюр, а из другого пригоршню монет, – Людочка, мне “Жигулей” полторашку и “Путинку”.

– А чего это ты с утра нарисовался? Оля на дежурстве что ли?

– Да нет, к матери уехала.

Лена вышла. Она выпила свой самый дорогой йогурт в

жизни и направилась в офис “Нефтепромрезерва”. За пять минут пути ей встретилась только одна бабулька, которая катила гружёную сумку, будто тащила за руку непослушного внука. Лена представила, что оказалась в компьютерной игре про пандемию, когда по пустынным улицам слоняются зомби, кочуют перекасти-поле и одинокие мусорные пакеты. В этой игре она была, конечно же, зомби – под глазами залегли фиолетовые синяки, лицо отекло, мозг вынули. Над дорогой нависла труба с жёлтой грыжей стекловаты. К этой трубе был приделан фанерный баннер – на фоне еловых веток и новогодних шаров надпись – “Тепла, уюта, благополучия”. Висел он здесь, похоже, не первый год. Лена на секунду остановилась, а потом шагнула через арку теплотрассы. Это и есть её портал в новую жизнь.

Под офис для сотрудников “Нефтепромрезерва” сняли второй этаж типовой двухэтажной школы. Детей в городе становилось с каждым годом всё меньше, две школы уплотнили в одну, и здание на год осталось сиротой. Потом первый этаж заняли офисы и магазины – точка микрокредитования “Честное слово”, ломбард “Залог успеха” и целый павильон с товарами для охоты и рыбалки “Мужской рай”.

Лена поднялась на второй этаж. В коридоре наскоро сделали ремонт – поклеили светлые обои с деликатными блёстками, положили ламинат ёлочкой, выбелили потолок, правда, таблички на закрытых дверях по-прежнему напоминали о прошлой жизни – “кабинет ИЗО”, “учительская”, “ло-

гопед”. Здесь теперь работали администраторы, бухгалтеры, инженеры, архитекторы, одним словом, планировщики. Но ничего не сдвинется с места, пока не появятся руки, которые начнут воплощать эти планы в жизнь. Три сотни вахтовиков с опытом приедут сюда и поселятся в вагончиках прямо на берегу Залива Терпения, но этого слишком мало. Королькову нужны батраки из местных. И мужчины, и женщины. Не меньше пятисот человек.

Секретарь проводила Лену на рабочее место. Ей достался кабинет географии. Беллинсгаузен, Амундсен и Миклухо-Маклай печально смотрели со стены на зарешёченное окно. В шифоньере за зеленоватым стеклом лежали минералы и какие-то сомнительные окаменелости, образцы торфа и чернозёма. Кстати, а где же глобус? Впрочем, ответ она и сама знала.

Парты были составлены пирамидкой в углу, кроме трёх. За двумя на деревянных стульях уже сидели дамы в районе сорока, одетые как близнецы – в брюки со стрелками и темные трикотажные кофты, плотно натянутые на холмистые животы. “Кадровиков” Марину и Ирину наняли, чтобы оформить всю ту армию местных рабочих, которых Лене предстояло завлечь.

Они не сразу заметили, что кто-то вошёл, увлечённо занимаясь своими делами – Марина подрезала ногти канцелярскими ножницами, а Ирина – вязала крючком. Двое из ларца подскочили со своих мест и залебезили наперебой: “Ой, Еле-

на... Фёдоровна, верно? А мы вас уже так ждём, так ждём”, “Вы хоть выпалились, а то лица на вас нету?”, “А у нас тут всё готово уже, журналы завели, квоты по бригадам Григорий Палыч прислал”.

Лена не припоминала, чтобы кто-то её называл так почти-тельно, по имени-отчеству. Только гайшники, перед тем как вымогать взятку. Она сказала, что новых заданий пока не будет, нужно во всём разобраться и провести одну важную встречу. Ленина парта стояла у окна в самом углу кабинета. На ней было нацарапано: “Помни свои корни. Есть вещи на порядок выше”. Последний раз она сидела в классе после выпускных экзаменов. За окном моросил дождь, свет лампы резал глаза, ноги замёрзли. Её взяли в кольцо директор школы, учительница литературы и классная.

– Будешь сейчас писать под диктовку, раз своей головы на плечах нету.

– Это же надо. Три года её на медаль вели, пылинки сдували, а она такое выкинула.

– И где хоть капля благодарности? Его ведь в райотдел образования отправят, какой позор для школы.

Директор скомкал её выпускное сочинение, исчерканное красной ручкой. Тема, которую Лена выбрала из утверждённого списка, показалась бы травоядной даже самому строгому педагогу – “образ родины в лирике поэтов XX века”. Сочинение начиналось с эпиграфа: “Мы – лёд под ногами майора”. В цитатах, приведённых Леной, также встречались сло-

ва “говно” и “вертухай”.

– Ты понимаешь, что это всё низкий штиль? Это вообще не литература! Такие слова мог бы использовать писатель третьего ряда... Набоков!

Лена молчала. Она давно презирала их всех, но, стиснув зубы, достала чистый двойной листок.

На подоконнике рядом с Лениным рабочим местом лежал просроченный календарик с котёнком за 2011 год. Интересно, что сейчас делает Макар? Гоняет мяч, выцарапывает на обоях руны или греет уши под батареей? Она вытащила календарик и решительно зачеркнула сегодняшний день, 12 октября. Это придало сил. Каждую неделю Лена должна сдавать в Москву сводку о нанятых на стройку, а через полгода отчитаться перед комиссией, которую возглавит лично Корольков, о “завершении комплектации трудовыми ресурсами”.

За спиной висела зелёная грифельная доска. На ней Лена будет рисовать звёзды – за каждого нанятого рабочего, который приблизит её к свободе. Так рисовали звёзды на советских истребителях за подбитые самолёты врага. Вот и Лена ощущала себя высланной на фронт.

– Елена Фёдоровна, давайте перекусим. Я с собой колбаску принесла, печенье кокосовое, – Ирина опустилась под парту и зашуршала пакетиками.

Лена чувствовала себя оглушённой рыбой, ей не хотелось ничего. Только бы закончился этот день. А за ним следую-

щий, и следующий.

– Нет, спасибо, что-то нет аппетита.

– Везёт вам, а я вот ем всё, что не приколочено. Может, хоть чайку? Марина чайник из дома специально везла.

– Чая, пожалуй, можно.

Лена открыла сумку и достала термокружку, которую купила на свою первую зарплату в “Нефтепромрезерве”. Она повертела её в руках, отскребла ногтем пятно на донышке, а потом всё-таки опустила на стол, резко, как будто поставила печать. Теперь всё. Она окончательно приняла правила игры. Своя кружка на работе будет поважнее, чем трудовой договор.

Перед тем, как пить чай, Лена решила помыть руки. Марина объяснила ей, как дойти до женского туалета. Едкий запах хлорки, впрочем, стал лучшим навигатором. Внутри не было кабинок, и только низкие бетонные перегородки отделяли унитазы, встроенные в пол. К такой близости с коллегами Лена была не готова.

– Вы не знаете, нет здесь обычных туалетов с дверями? Для учителей?

– А, все учительские остались на первом этаже, там, где “Мужской рай”. Но вы ходите, попроситесь к ним, может, пустят, – Марина раскладывала на тарелочке саями, кружочек к кружочку. Ирина разлила чай в три кружки. Ленин термос возвышался над двумя чашками в цветочек, как башня Москвы-Сити над спальным микрорайоном Камушки.

– А вы с Южного на чём добирались? – Марина закинула в чай три куска сахара.

– Откуда?

– Да это мы так Южно-Сахалинск называем.

Лена рассказала в общих чертах о своей одиссее на вездеходе.

– И мы на Коле ехали, он как дал гари, у меня чуть челюсть не отвалилась.

Выяснилось, что обе жили раньше в Южно-Сахалинске и работали в местном филиале “Нефтепромрезерва”.

– А семьи ваши там остались?

– Угу. У меня дочь взрослая уже, хоть мужиков и жалко было оставлять.

– Да, Маринка у нас мать троих мужей, со всеми в разводе. Я тоже своего на хозяйстве оставила, и деток. Сыну десять, дочке семь. Но мама там за ними приглядывать должна.

– Не скучаете?

– Скучаю сильно, но деньги-то хорошие. По пятницам буду домой ездить.

– А с собой взять не хотели?

– Нет, даже мысли не было. А что им тут делать? Дыра. Торговых центров нет, а куда их водить на выходных?

Глава 5

Лена допила чай и попрощалась. Сегодня у неё особая встреча, назначенная ещё на “большой земле” – знакомство с главой района. По дороге в администрацию Лена наконец начала встречать людей на улицах. Но все они, как и посетители магазина “Магнат”, таращились на неё в упор, нисколько не стесняясь. Лена не понимала, чем вызывает столько внимания, может, всё дело в твидовом пальто или в яркой сумке. Лучше бы в Москве её оставила. Но почему-то казалось, что дело вовсе не в одежде. Будь она хоть в ватнике и галошах или под плащом-невидимкой, её всё равно раскусили бы – чужая идёт. Она двигалась стремительно, тревожно, обгоняя прохожих, как моторный катер вёсельные лодки.

Лена вышла к главной площади и увидела издали человека тридцать, столпившихся у серебристого памятника Ильичу. Сначала она решила, что это какой-то митинг или концерт, но, подойдя ближе, поняла, что представление больше напоминает цирковой номер. По клочковатому газону напротив администрации скакали овцы, а за ними, по этому же газону, буксуя и переворачивая дёрн, гонялся полицейский уазик. Со стороны пассажирского сидения из окна торчал громкоговоритель и вещал: “Гражданин Ким! Немедленно загоните своё имущество в грузовик! Вы нарушаете общественный порядок!” Овцы выбегали на дорогу, про-

воцируя, возможно, первую автомобильную пробку. Публика вокруг Ленина потешалась. “Гражданин Ким! Вы ответите за порчу зелёных насаждений!” Недалеко от клумбы с пожухшими бархатцами стоял припаркованный фургон, на котором, скорее всего, и привезли десяток шерстяных нарушителей. Рядом, в болотных сапогах и клетчатой рубашке, курил водитель фургона. “Нам придётся применить боевое оружие! Слышите? Гражданин Ким!” Невысокий кореец сплюнул сигарету, загасил её носком сапога, и за минуту с помощью длинного прута согнал овец к машине. Коренастый парень помог ему закинуть их в кузов, как мешки с картошкой, а потом запрыгнул сам. Двое полицейских хлопнули дверями уазика и вплотную подошли к корейцу. Один всё ещё не мог расстаться с громкоговорителем.

– Гражданин Ким, вы опять за своё. Придётся выписать штраф. Порча газона – это, знаете ли...

– Да выписывай. Хоть завывайся. Где же мне их пасти, если вы всё запретили? Я в своём доме, на своей земле не могу ни чихнуть, ни пёрнуть.

– Гражданин Ким! Попрошу...

– Что ты попросишь? Как маленький был, так впереди всех бежал – дядя Миша, дядя Миша, дайте молока из-под коровы. А теперь что? Вырос, погоны напялил, и всё – гражданин Ким? – кореец махнул рукой и быстро зашагал к кабине фургона и завёл мотор. Полицейские о чём-то зашептались между собой. Публика поцокала и начала расходиться.

Лена, так и не поняв смысла происходящего, зашла в Администрацию. Под одной крышей расположились кабинет главы района, совет депутатов, ЗАГС, отделение полиции и суд. Вахтёр в очках на пол-лица читал брошюру “Группы крови, типы тела, наша судьба”. Похожие очки носил Влад Листьев. Лена хорошо помнила, как по телевизору показывали его похороны. Она тогда спросила мать, почему дяденька с цветами лежит в очках, ведь глаза у него закрыты и он всё равно ничего не видит. Мать не нашлась, что ответить.

Охранник встрепенулся, попросил у Лены паспорт, хотя пару человек перед ней пропустил просто так. Он начал медленно, тщательно выводя округлые буквы, переписывать в журнал её данные со всех страниц. На листе с пропиской остановился, несколько раз перечитал, бубня себе под нос московский адрес: “Шипиловская, Шимиловская... хрен пойми”. Потом секунд пятнадцать, как таможенник в международном терминале, сличал Ленину фотографию с самой Леной и, наконец, выдал листочек, похожий на квитанцию – “посетитель № 13, Горохова Е.Ф.”.

Кабинет Юлии Михайловны, главы Крюковского района, находился на первом этаже. Лена дёрнула дверь приёмной, но она не поддавалась, заперта на замок. Странно. Уже одиннадцать часов, даже одиннадцать ноль две. Набрала номер – вместо гудков заиграла “Лунная соната” в электронной обработке. Никто не подходит. Набрала ещё раз. На второй трюм из трубки раздался строгий голос:

– Слушаю.

– Это Елена Горохова, из “Нефтепромрезерва”, у нас встреча с вами в одиннадцать.

– А, вы уже приехали? Я подойду минут через двадцать, – и добавила со значением: – Срочные дела, сами понимаете.

– Понимаю.

Лена ненавидела, когда кто-то распоряжался её временем. Она вообще ненавидела ждать. Чаще всего приходилось ждать в районной поликлинике. Подростком она подолгу сидела в приёмной у терапевта, считала рваные раны на старом линолеуме, слушала, как лампы, перебивая друг друга, мерзко стрекочут на ржавом потолке. Перед ней в очереди обычно сидели три-четыре старушки, которые вежливо здоровались, интересовались её здоровьем и оценками в школе. Лена без труда угадывала нотки корвалола, котлет и жжёного сахара в запахе их шерстяных кофт. Дамы давно перезнакомились и ходили на приём к врачу как на светскую вечеринку:

– Нина, ты в этом году что сажать будешь, “Розетту” или “Пензенскую скороспелку”?

– “Розетту”. И ещё хочу “Ермака раннего” попробовать. Но боюсь, как бы колорад не пожрал. В прошлом году его, гада, еле собрала, потом лежала тряпочкой.

– А чего тебе колорад? Ты внуков попроси, пусть они жука собирают. Мои вон возьмётся с ним, лапы отрывают.

– А моих не допросишься. Они где сели, там и вокзал.

Когда наступал черёд Лены, она заходила в кабинет, бросала рюкзак у входа, садилась на краешек стула, стоящего боком к столу, и окликала врача:

– Привет, мам!

– А... привет, мышка, – женщина в белом халате отвечала, не отрываясь от собственных записей, больше напоминающих кардиограмму, – как в школе дела? Что за контрольную?

– Четыре.

– Четыре? Почему не пять? – мать поднимала на Лену глаза с нитками лопнувших капилляров.

Лена оправдывалась, что ей достался самый сложный вариант, что другие вообще схлопотали тройки и двойки, но мать всегда заканчивала разговор об оценках одинаково: “Неважно как все, важно как ты”.

Лена обещала, что будет лучше готовиться, потом брала на карманные расходы мелочь из маминого кошелька и мчалась за дошираком и кислющей жвачкой *Center Shock*. Лене было запрещено входить в кабинет “по блату”, не дождавшись своей очереди, даже за ключами или деньгами на обед.

Юлия Михайловна приехала через сорок минут. Она сменяла по коридору как пингвин, сопела и расстегивала по дороге своё болоньевое пальто.

– Ну, проходите, – дама открыла ключом приёмную, а потом и свой кабинет, – я раньше на четвёртом этаже сидела,

но потом решила переехать пониже, а то не набегаешься туда-сюда.

Перед входом висело прямоугольное зеркало, чтобы можно было посмотреть на себя, привести в порядок причёску перед тем, как попасть на аудиенцию. Стол в приёмной был завален бумагами, стопки разной величины напоминали тетрис, в который невозможно выиграть – даже если собрать одну строчку целиком, она всё равно не сгорит.

Юлия Михайловна выглядела то ли на сорок, то ли на шестьдесят. Точный возраст определить сложно. Полное лицо, почти без морщин, сразу вращало в плечи – шеи почти не было. Золотые серёжки с рубинами оттягивали крупные мочки ушей. На пальцах по несколько колец, как у жён арабских шейхов. Если муж прогонит – будет на что жить. Она вынула из сумки белый мешок и положила в маленький холодильник, стоявший в углу, потом села на стул и накинула висевший на нём синий рабочий пиджак. На лацкане – значок “Единой России” и герб Крюкова.

– Какие-то свиньи опять перед входом газон попортили, зла не хватает, – Юлия Михайловна, очевидно, не застала корриду с уазиком и овцами.

Лена в красках описала происходящее.

– Ким? Всё не уймётся никак, провокатор. Но ничего, суд разберётся.

– А что случилось?

– Наконец-то областное начальство обратило на нас вни-

мание. Решили территорию вокруг реки объявить заповедником. То есть там ни строиться нельзя, ни хозяйство вести. Это всё заповедная зона. Мы экологию блюдём.

– А с Кимом что?

– А у него там ферма стоит. Ещё родители его строили. Он теперь по закону ничего делать не может. Ни землю копать, ни скот пасти.

– Кошмар какой. Я представляю, как ему тяжело.

– А что тяжело? Землю-то ему легко загрязнять. Там овцы, коровы, свиньи. Нечистоты, одним словом.

– Подождите, а наш завод? Ведь нам выделили под стройку территорию как раз вокруг реки. Получается, мы тоже на заповедной зоне?

– Ну, у вас же современное предприятие, современная очистка, – она забарабанила пальцами по столу, – это особый случай. Ну, вы понимаете.

Лена прекрасно понимала, и ей стало не по себе. Вряд ли местным понравятся такие привилегии для москвичей.

Кабинет Юлии Михайловны был заставлен горшками с комнатными цветами, прямо над столом склонилась поникшая пальма в квадратной кадке. На стене висел портрет президента и, видимо, главы Сахалинской области. Они смотрели в разные стороны, как двуглавый орёл. Здесь же висели благодарности, фотографии самой Юлии Михайловны: одна с губернатором, а другая – с юмористом Геннадием Ветровым, которого то ли по нужде, то ли по недоразумению за-

несло в Крюков. На гвоздике болталась связка медалей за победы на каких-то соревнованиях.

– А что это за медали у вас?

– А, это? У нас есть секция бадминтона. Иван Ильич уже двадцать лет ведёт, в первой школе. Ребята младшего возраста все областные соревнования выигрывают, наша гордость.

– А старшие что?

– А старших нет. Уезжают они. После девятого. Кто-то тянет до одиннадцатого, – она выложила на стол два телефона, раскладушку *Samsung* и айфон последней модели, – так что вы хотели?

– Вы ведь знаете, начинается стройка завода, я отвечаю за подбор персонала. Мы бы хотели пригласить жителей Крюкова на работу. Сможете помочь?

– На работу? Я вон секретаршу нормальную найти не могу, на место тёплое. А вы говорите – завод? Конечно, со стройкой всё решилось без нас, – Юлия Михайловна бросила быстрый взгляд на портреты за спиной, – мы люди маленькие. Но вот скажите, какая польза району от этого?

– Ну, как же. Люди получают работу, смогут обеспечить свои семьи, станут меньше уезжать.

– Ну, это люди, а район?

– Разве это не одно и то же?

– Конечно нет. Район – это дороги, дома, в конце концов, безопасность. Знаете, где я была сегодня? На рыбзаводе. Мы будем закупать десять тонн рыбы. А где изыскать средства?

Налоги ведь в Москву пойдут от вашего завода, в лучшем случае – в область. Там всё съедят, а нам кость бросят.

– А зачем вам столько рыбы?

– Скоро зима. В прошлом году медведи задрали двух человек на окраине. И пять коров. Мы вынуждены раскладывать рыбу в лесу, чтобы обеспечить им “прикорм” перед спячкой. А то вот так пойдете гулять и встретите шатуна. И никто вам уже не поможет, даже они. – Она снова посмотрела на портреты.

На столе зазвонил айфон. Юлия Михайловна ответила:

– Да, Серёженька. Скоро приду, да. Нет, в магазине не бери ничего. Я рыбки красной принесу. Да. Дядя Паша передал. Ну всё, целую. Пока.

Лена улучила момент, чтобы съехать со скользкой темы:

– Подскажите, а как лучше рассказать людям про наш завод?

– Как-как. Можно развесить объявления на центральной площади, на остановках. Но вы видели, у нас стенды все поломанные? На остановках крыша течёт. Потом можем людей в ДК собрать, но там микрофоны плохие, колонкам по двадцать лет уже. Народ придёт, будет время тратить, от своих дел оторвётся, их бы чаем напоить.

– Я поняла вас, Юлия Михайловна.

– Поняли, и славно. Я вам дам телефон своего помощника, Вани. Он всё сделает как надо. И людей соберёт, и с объявлениями поможет. Но вы тоже постарайтесь.

Лена кивнула. Она всю встречу невольно разглядывала портреты за спиной Юлии Михайловны, в массивных золочёных рамках.

– А, вам портреты понравились? Это я сама специально багеты заказывала. И фотографии выбирала.

– Хорошие фотографии, – Лена подумала, что губер ещё ничего, а вот президент как-то неестественно обрезан по локти.

– Я Ваню попросила, он их в фотошопе обделал. Всё-таки нехорошо, сейчас на всех портретах видно, что президент без кольца. А я думаю, неправильно это, что он развёлся и жену новую не показывает, как будто стесняется. Мы ведь его всегда поддержим, он нам как родной. Правильно?

Лена неловко улыбнулась, записала телефон помощника и пожелала хорошего дня. Безрукий Путин безразлично посмотрел ей вслед.

Глава 6

На улице Лена заметила стенд “Лучшие люди Крюкова”. С крайнего портрета на неё смотрела сама Юлия Михайловна, с шапкой коротких кудрявых волос и висками, стриженными под машинку. Лену охватила внезапная тревога. Погода испортилась. Облака проступили на небе, как грязная пена на говяжьем бульоне. Владимир Ильич, возле которого ещё недавно толпились люди, тянул руку в сторону супермаркета “Семёрочка” и васильковых куполов церкви-новодела. По центру пятиугольной площади прогуливались две женщины с колясками, мимо промчалась бездомная собака с обрубленным хвостом. Лена вспомнила столицу и тот день, когда она своими руками выстелила дорожку в эту дыру.

После разговора с Корольковым о Сахалине и виноградных лозах она была сама не своя. Даже кофе выпила всего чашку вместо положенных семи. У выхода из бизнес-центра её чуть не сбил с ног разносчик пиццы на самокате. Но вместо того, чтобы разозлиться, она долго провожала его печальным взглядом. Москва никогда не казалась ей городом мечты, но тогда Лену накрыла острая нежность потери. Ей хотелось обнять каждый фонарь, каждого голубя, каждое транспортное кольцо, прорастающее уроборосом. И вон того парня с напмаженными волосами, которые блестят сильнее, чем его дорогие оксфорды, и китайских туристов, па-

рами переходящих дорогу, и улицы, укатанные в плитку, и шпиль дворца с триколором как из телевизионной картинки на Новый год. А вот домой ехать не хотелось. Пальцы сами потянулись к телефону.

– Эжен, нам нужно срочно встретиться. Кое-что случилось.

– Боже! Какой-то психопат сделал тебе предложение?

– Можно и так сказать.

В его голосе вспыхнуло радостное возбуждение:

– Через полчаса буду на Чистых.

С Женей Куропаткиным Лена познакомилась на заре своей *HR*-карьеры, пять лет назад. Их сблизил случай. Очередной новогодний корпоратив “Нефтепромрезерва” медленно катился к своему логическому финалу. Гости разъехались из ресторана, прихватив общественный алкоголь и столовые приборы. Лена сидела у барной стойки, отмечая боевое крещение. Кто-то похлопал её по спине.

– У вас там это... женщину забыли, – *DJ* Эжен, ведущий вечера, уже успел переодеться из смокинга в вельветовый спортивный костюм.

За колонками действительно полулежала длинноволосая брюнетка, но Лена понятия не имела, кто это. Она наклонилась и потрясла незнакомку за плечо.

– Валера, лапы убери.

– Девушка, праздник закончился, вам домой пора.

– Сдристни, сволочь. В отель не поеду.

Они побрызгали на неё воды, опять потрясли, пытаясь выяснить имя и адрес, но девица сквозь сон заявила, что никуда не собирается.

– И что дальше? – это было первое невменяемое тело, с которым Лене пришлось иметь дело. Она нервничала, как молодой интерн.

– Можно вынести её на мороз.

– Жалко, – уже через год она без единой капли сомнения выставит на улицу младшего юриста.

– Ладно. Тогда подождём, пока её не стошнит. Тут всё равно ещё убираться будут до утра.

Ждать пришлось долго. За несколько часов *DJ* Эжен пересказал Лене всю свою жизнь. Будущая звезда корпоративов появилась на свет тридцать лет назад в самом северном городе мира. Родители переехали в Норильск сразу после института. Они мечтали заработать денег и завести большую семью. Их план наполовину удался. В начале девяностых отец уже попал в менеджмент “Норникеля”. И с тех пор чета Куропаткиных стала коллекционировать квартиры в разных районах Москвы и Сочи. Надеясь, что когда-нибудь там поселятся их многочисленные потомки и они сами, когда выйдут на пенсию, наконец-то заживут по-человечески. Но после того, как родился Женя, мать так и не смогла выносить ни одного ребёнка. Четыре беременности оборвались на ранних сроках. Уже подростком сын уговаривал родителей вернуться на материк, но отец мёртвой хваткой держался за свою

службу. Дурак. Женя жалел их за синдром отложенной жизни и ничего не мог поделать. Он отучился в нефтегазовом, но его интересовала не служба, а новый мир вокруг. Пёстрый и изменчивый, в отличие от затяжной полярной ночи. Он ни в чём не нуждался, менял сценические имена и просил, чтобы так его называли и в жизни, выступал на вечеринках, путешествовал и даже снялся в клипе Анны Семенович. Но, несмотря на быстрое чередование декораций и планов, в жизни Жени была одна постоянная, о которой Лена и сама догадалась. Он всё время держал руку на пульсе, боялся, что его разоблачат и оттолкнут. Особенно близкие.

Искренность за искренность. Лена рассказала, как мечтала когда-то стать театральным режиссёром, собирать полные залы и нехотя выходить на поклон – “ну, что вы, это всё актёры, им и аплодируйте”. А потом что-то пошло не так. Сначала мать категорически отвергла её поступление в театральный вуз – “Поднимись сначала на ноги, получи хлебную профессию. С твоими-то мозгами можно поступить хоть на юриста, хоть на экономиста. А массовиком-затейником ты всегда успеешь стать”. Был бы жив отец... Он один умел гасить это воинственное благоразумие. Двадцать лет назад он даже уговорил мать потратить последние деньги на лотерейный билет вместо тушёнки. Трое суток до зарплаты они ели только макароны.

Над Лениным рабочим столом ещё со школы висел постер – “*Don't stress. Do your best. Forget the rest*”. Даже если бы она

случайно угодила в раскалённую лаву, то изо всех сил старалась бы продержаться там дольше других. Но учёба на экономическом вовсе не была купанием в вулкане, а, скорее, заплывом через пресное озеро. Очень скоро Лена стала лучшей студенткой на курсе. На кафедре ей предложили отличную стажировку, потом работу в компании, о которой мечтали многие. Колея чужих ожиданий становилась всё глубже. Лена разучилась говорить “нет”. Ей ужасно не хотелось разочаровывать других, и в конце концов она разочаровалась в себе. “Может, я никогда и не была достаточно хороша для театра?”

После этих признаний случайному попутчику Лена чуть не стала жертвой сокрушительного сплина, но тут спящую пациентку всё-таки стало тошнить. Они довели её до туалета и по очереди держали волосы, пока брюнетка окончательно не пришла в себя. Потом вместе искали по полу её потерянный телефон и звонили Валере, чтобы “наконец-то забрал свою любовь из ресторана”.

В апреле Лена получила от Жени сообщение и чуть не подавилась кофе: “Ты не могла бы стать моей девушкой?” Она не думая ответила “нет”. Через пять минут он позвонил.

– Это всего на сорок минут. Понимаешь, у меня отец из Норильска приезжает в командировку. Так уж вышло, что ты теперь знаешь меня довольно хорошо. Ну, и ты занималась в театре.

– А если обман раскроется?

– Не будь занудой. Они так переживают, что я до сих пор не познакомил их ни с одной женщиной. Все их друзья уже с внуками. Я решил, что это немного приободрит стариков.

– Слушай, ну, может будет проще сказать, что ты никогда не сможешь жениться, – и добавила после неловкой паузы, – на женщине.

– Это их просто раздавит. А отец... Нет, он точно не поймёт.

– И на что ты надеешься, что они ничего не узнают до конца жизни?

– Ну, в Норильске все живут на десять лет меньше.

– Эжен!

– Просто к слову пришлось. Короче, ты мне поможешь или нет?

Через день они встретились на застеклённой веранде итальянского ресторана. На улице стоял уверенный плюс. Эжен стянул напряжённое выражение лица и приобнял Лену за плечи. К ним приближался человек в норковой шапке и в куртке, тоже отороченной мехом. Он крепко пожал руку сыну и протянул Лене внушительный букет красных роз. Ей стало не по себе. Куропаткин выглядел значительно старше своих пятидесяти двух лет, с курчавой седой шевелюрой цвета топлёного молока. Он небрежно взял меню и громко, так, что люди за соседними столиками обернулись, сказал.

– Ну, выбирайте, что хотите. Папа с Севера приехал.

Его неловкая демонстрация достатка показалась Лене

трогательной. Разговор, на удивление, завязался легко. Куропаткины действительно относились друг к другу с теплотой, смеялись и болтали о жизни в Норильске. О канатах, которые натягивают между домами, чтобы людей не сносило ветром, о северном сиянии, о газовых тучах и чёрном снеге. А ещё Женя хвастался, как они втайне от матери бегали купаться в озеро Долгое, которое на самом деле никакое не озеро, а технический водоём ТЭЦ. Его называли “норильским чудом”, потому что даже зимой вода оставалась горячей. В конце вечера, когда отец ушёл в уборную, Эжен расплылся в улыбке и подмигнул Лене. Вскоре ему подарили ещё одну квартиру – с намёком на расширение семьи.

И вот через пять лет он приехал в кафе на Чистые, в клетчатом костюме-тройке, кепке-ватсонке, с подкрученными усами и бело-голубой улыбкой.

– Ну, выкладывай.

И Лена рассказала всё о корпоративе и предложении, от которого сложно отказаться.

– Не вздумай ехать в эту дыру! Ты же просто сольёшь в унитаз полгода своей жизни!

– Я вообще-то рискую сейчас слить всю свою жизнь целиком. Как я потом буду искать работу?

– Ну, слушай, твой Корольков ведь не Брюс всемогущий. И потом всегда есть два вариант – жёлтый и зелёный.

– Что?

– Яндекс-доставка и Деливери Клуб.

– Легко сказать, тебе ведь не нужно платить ипотеку.

Лена и сама не знала, зачем задевала друга. Его тяготило, что все его серьёзные расходы покрывает отец, но он не стремился это менять. Эжен сделал вид, что пропустил её шпильку мимо ушей.

– Помнишь ту ночь? Ты рассказывала, как мечтала стать режиссёром? Может, это повод круто поменять свою жизнь?

Лена молчала. Это была страшная мысль, которая и так не давала ей покоя. Эжен положил в рот кусочек стейка.

– Обещаю, что не дам умереть тебе с голоду.

– О, ты не знаешь, сколько я ем.

– Ничего, займёмся собирательством.

– Эжен, я тебе очень благодарна. Но подозреваю, что через десять лет я просто проснусь никем. Неудачницей с десятью котами. Я потрачу силы, молодость, энергию на воздушные замки.

– Ты в любом случае проснёшься Леной Гороховой. Понимаешь? Человек всегда больше своей работы, всегда больше любого проекта. В конце концов – как можно быть неудачником, когда у тебя десять котов?

– Но ведь только в голливудских фильмах герой ставит все деньги на zero и срывает куш. А по теории вероятностей...

– Ладно, Горохова. Я понял, что ты ссыкло, но я тебя и такой люблю. Влюбишься в бурильщика скважин – проведу свадьбу со скидкой. Кстати, как у тебя на личном?

– Стабильно, как в морге.

– Всё вздыхаешь по своему урбанисту?

– Он архитектор.

– Ты всё правильно сделала, не сомневайся. Найдёшь кого-нибудь получше.

Но она сомневалась. За последний год не было и дня, чтобы Лена не сомневалась в своём решении насчёт Лёши. Она готова была отдать свою годовую зарплату, чтобы просто поддержать его за руку.

Глава 7

Вернувшись после встречи с Эженом, Лена завалилась на грязный пол в коридоре и пролежала, не шелохнувшись, минут десять. Она решила, что вообще больше никогда не встанет, никуда не поедет и умрёт от истощения. Возможно, так бы и произошло, если бы не одно обстоятельство. Обстоятельство высунулось из комнаты, разбежалось и с наскока атаковало Ленину правую ногу. Вторжение мохнатого астероида помешало Лене и дальше погружаться в свои страдания:

– Макар, прекрати сейчас же. Я тебе немышь.

Кот продолжил грызть её носок, издавая низкочастотное урчание. Лена села и сгребла его в охапку.

– Хочешь жрать? Ладно, пойдем, жопа полосатая.

Макар послушно потрусил за Леной в кухню. Вообще он редко позволял себе такие выходки, но тут уж Лена слишком долго не обращала на него внимания – пришлось пойти на крайние меры.

У Лены с Макаром были не только дружеские, но и деловые, можно сказать, партнёрские отношения. Она его кормила и чесала, а он в свою очередь нёс службу завхоза, следил за порядком в доме, как ему казалось правильным – окапывал растения в горшках, стряхивал с комода пыль вместе с керамическими фигурками. У Макара было несколько “ны-

чек” – под кроватью, за раковиной в ванной, под ковриком у входной двери. Туда он утаскивал всё, что лежало в беспорядке на полу – случайно упавшие носки, посудные губки и винные пробки.

Из-за Макара Лена впервые пошла на кражу. До того, как подружиться с ней, кот вёл разгульный образ жизни. Он охотился на голубей, выпроваживал со двора конкурентов. Макар не был бездомным. Он жил на первом этаже их панельного дома и выпрыгивал на прогулку прямо из форточки. Как-то в феврале Лена увидела на подоконнике Макара, дрожащего, припорошенного снегом. Он поджимал переднюю лапку и тыкался мордой в закрытое окно, но никто не запускал его внутрь. Лене стало жаль кота. Она шагнула в сугроб и взяла его на руки. Макар не стал сопротивляться, а как-то сразу обмяк и прижался. Они вошли в подъезд, и Лена постучала в старую деревянную дверь со стёсанными косяками. В глубине квартиры послышалось шевеление, потом кто-то начал медленно, громко впечатывая каждый шаг в пол, двигаться к ней. Напряжение росло. Лена подумала, что сейчас выйдет лесной тролль или великан.

– Кто там? Фёдорыч, ты?

– Это соседка с пятого этажа. У меня ваш кот.

Дверь распахнулась, и Лена чуть не закашлялась от спёртого запаха перегара и гнилого лука. На пороге стояла женщина с обвисшим лицом кирпичного цвета. Байковый халат, накинутый на голое тело, едва прикрывал её грудь в рыжую

крапинку. Женщина протянула руку, схватила кота за шкуру и швырнула в тёмный коридор как шар для боулинга. Лена хотела возмутиться, но троллиха хлопнула перед её носом дверью, не сказав ни слова.

С Макаром Лена потом частенько встречалась во дворе, иногда она покупала по дороге с работы пакет кошачьего корма и угощала своего нового друга, которого хозяева, кажется, не очень-то баловали. Уже тогда она придумала ему имя и даже титул. Гордая осанка, презрительный взгляд, благородный окуневый окрас и серебристое пузо. Не иначе как перед вами его сиятельство, барон Макар фон Жоп. В одно весеннее утро Лена как всегда собиралась в офис, подошла к своей машине и увидела на капоте Макара. А рядом с ним лежалдохлый воробей. Макар чуть пошевелил воробья лапкой и посмотрел на Лену – вот тебе, подруга, от меня. Всё в лучшем виде. Уже задушенный.

Но потом Макар куда-то пропал. Лена не встречала его месяц или полтора, начала волноваться, не попал ли он под машину или под башмак хозяйки. Майской субботой, возвращаясь от матери, Лена увидела, как Макар, подранный, с откусанным кусочком уха, гноящимися глазами гордо вышагивает вдоль бордюра. Заметив Лену, он бросился ей в ноги, моментально забыв про свой титул, и начал пищать, как маленький котёнок. Лена, растроганная, прижала его к себе, даже не думая, что испачкает бежевое платье, и поняла, что больше не хочет отпускать. Она просто взяла и украла чужо-

го кота.

Так они и стали жить вместе. Лена боялась, что Макар будет вести себя как дикарь, но он быстро смекнул, что валяться на мягких простынях и есть по расписанию гораздо приятнее, чем морозить лапы и удирать от дворовых собак. Он проявил себя как педант. Ел только свежее незаветренное мясо, мог минут пять копать в наполнителе для горшка, пока не возведёт, наконец, зиккурат идеальной формы. В квартире любил занимать позиции с хорошим обзором. Когда Лена умывалась в раковине, запрыгивал на край ванной и пристально следил, чтобы ни одно чудище не напало на неё со спины. Если она приводила кого-то домой после тиндер-свидания, кот мог лечь на подушку и впиться коготочками в голову гостя, издавая при этом самое нежное и невинное урчание. Лена злилась на него за такие выходки: “Тоже мне, моральный камертон”.

После трапезы Макар прыгнул ей на колени и блаженно захрюкал. Лена залезла в Фейсбук и тут же отпрянула от экрана. На странице висело новое сообщение от бывшей одноклассницы, Оленьки Штейнберг. “Дорогая, у нас летом юбилей альма-матер, помнишь? Будут все наши, Натусик уже бронирует билеты из Нью-Йорка, Светуля отпрашивается у своего английского олигарха, Коля переносит какой-то форум. Ты ведь знаешь, у него всё на год расписано. Кстати, как у тебя дела? Ты, наверное, уже большой начальник? Или выскочила замуж за банкира? В общем, жду не дождусь на-

шей встречи. Никакие отказы не принимаются”.

Можно сказать, что всю последнюю неделю судьба щадила Ленино самолюбие, но, послав Оленьку, передумала. Ноутбук случайно упал со стола. Лена решила, что это знак, и не стала отвечать. На хер тебя, Оленька. И кот с ней авторитетно согласился: “на херррр-на херррр-урррр-урр”.

Лену всё сильнее будоражила мысль о новой жизни, трепетной темноте зрительного зала, горячем дыхании софитов. Какой спектакль мог бы стать её визитной карточкой? Может быть, “Орфей” Жана Кокто?

На следующее утро Корольков позвонил сам.

– Ну что? Решила насчёт Сахалина?

– Решила.

– Прежде чем ты скажешь “нет” и поставишь крест на карьере, хочу предложить тебе пари.

Вселенная качнулась. Лена, как несчастный Голлум, который любил загадки больше жизни, не могла пройти мимо ни одного спора.

– Какое?

– Твоя сорокалетняя начальница вдруг решила родить ребёнка. Через полгода она собирается в декрет. Если ты вывезешь Сахалин, то станешь директором по персоналу.

– А если нет?

– Пойдёшь мести улицы.

Перед глазами мигнула картина. Лена в дорогом платье, с идеальным макияжем рассказывает этим курицам из уни-

вера, что стала самым молодым директором по персоналу в нефтянке. Почти все они выросли в обеспеченных семьях, носили *Louis Vuitton*, ездили на красных «Мини Куперах». Лена чувствовала себя неуютно. С ней здоровались, иногда шутили, просили конспекты или подсказку на экзамене, но никогда не звали на вечеринки, не обсуждали парней и не хвастались косметикой. На втором курсе она полгода откладывала деньги, которые мать выдавала на обеды. Между парами вместо супа съедала булку или бутерброд с сыром, принесённый из дома, и, наконец, купила маленькую сумочку *Furla*. В эту сумочку не влезала ни одна тетрадка, но Лене было плевать. И на заработанный гастрит тоже. Она во что бы то ни стало хотела показать одноклассницам, что одной с ними крови.

Утром перед парами Лена небрежно накинула ремешок на плечо и вышла на улицу. Обычно она садилась за первую или вторую парту, но тут подошла к четвёртой, где та самая Оленька остервенело пудрила прыщ над губой. Лена спросила, не занято ли рядом, выложила на стол свою *Furla* и начала демонстративно копать в поисках ручки. Соседка заметила сумочку и протянула ладонь, чтобы погладить блестящую кожу.

– Ой, извини. Я хотела посмотреть, думала, это из новой коллекции, – длинноволосая фея убрала руку и снова уткнулась в карманное зеркало, – а это старая. Я такую два года назад носила, только жёлтую.

Пелена рассеялась. Карета превратилась в тыкву. Гастрит напомнил о себе ноющей болью. В тот момент Лена решила, что через несколько лет купит себе столько сумок, сколько нарощенных волос на Оленькиной глупой голове. Сейчас она была к этой цели как никогда близко.

Ещё пять минут назад Лена стояла на краю трамплина, готовая прыгнуть в незнакомую воду. Но сейчас снова шагнула на твердую землю.

– Я согласна. Директору ведь положен личный водитель?

– Быстро учишься, девочка.

Глава 8

Сейчас Лену не прельщало ни одно вознаграждение. Даже если бы её личным водителем вызвался быть сам Корольков. Она позвонила по номеру, который ей продиктовала глава Крюкова.

– Ваня?

– Да, кто это? – голос звучал глухо и надсадно.

– Меня зовут Лена. Юлия Михайловна дала ваш номер, сказала, что вы можете решить один вопрос.

– Вы по поводу накладных?

– Нет, я по поводу нового завода. Мы можем сегодня встретиться?

– А какой сегодня день?

– Понедельник, – Лена несколько растерялась от такого вопроса. В трубке послышалось какое-то шуршание, – Иван? Никто ей не ответил.

– Алло, вы где?

– Как раз это я и выясняю. Ладно. Приходите в “Тополёк” через час, обсудим.

Лена открыла карту. До кафе можно дойти за семь минут черепашным шагом. Чтобы убить время, она решила навёрнуть лишний круг. К противоположному краю площади пристроился мраморный мемориал. Рядом с ним скакали два

пацана лет восьми и коптили палки на Вечном огне. Лена подошла ближе. Увидев её, мальчишки бросили свои копья и помчались вверх по соседней улице. Вечный огонь жужжал в сердцевине пятиконечной звезды, как назойливая муха. На стеле рядом Лена прочитала: “Освободителям Сахалина от японских захватчиков, сентябрь 1945-го года”. Надо же, здесь даже война – своя.

“Тополёк” разделил с нотариальной конторой одно здание – бетонную коробку, упакованную в жёлтый сайдинг. Лена нырнула внутрь сквозь штору из пластиковых бусин, которые от её прикосновений нежно зажурчали. В кафе стоял полумрак, облупленные кожаные диваны манили прилечь, мятно-яблочный аромат подсказывал, что здесь недавно курили кальян. Посетителей не было. Лена заказала кофе и грибной суп. Чтобы скоротать время, она сделала несколько звонков в Москву, договориться о “социальной ответственности” в виде микрофона, колонок, чая и печенья.

Ваня появился внезапно, вспыхнул рядом с Леной, как лампочка в темноте. Ярко-рыжая шевелюра, неровная щетина, чуть выпяченная нижняя губа, одет в зелёную куртку “с погонами”. На вид – лет двадцать пять. Он плюхнулся напротив и откинулся на спинку. К ним сразу подошёл официант: – О, Ванёк, давно тебя не видели. Ты где зависал-то? – Потом, Витюша, потом.

Кажется, Ванёк не принял Лену за сколь-нибудь важную персону.

– Так вы что хотели, регистрацию на катер?

Лена вкратце описала ситуацию со стройкой и поиском людей. Ей показалось, что собеседник не уловил и половины того, что она говорит. Он смотрел мутным взглядом за Ленино плечо, ни с того ни с сего выгибал брови, двигал челюстью. Его кожа отливала серым и вокруг глаз собралась в гармошку, как колготки на коленках, под нижним веком проступила венка.

– Что скажете? Когда мы сможем договориться с ДК?

– Будет пицца, – он явно силился вспомнить пословицу целиком, – будет пиво.

Лена начала закипать. Ванёк не был пьян, уж в этом-то она разбиралась. Похоже, он всё ещё был под кайфом. Она поискала глазами официанта, чтобы попросить счёт, но в зале было пусто.

– Ладно, Ваня, мне пора. Передам Юлии Михайловне, что наша встреча не удалась.

– Аааа. Так вы от Юли Михалны. И что же вы сразу не сказали, устроим мы ваш сабантуй. И катер оформим, – он выпрямился и даже сфокусировал на Лене взгляд, но та уже поднялась со своего места и начала наматывать шарф. Ванёк тоже поднялся и уронил руку ей на плечо:

– Ну, куда вы пошли-то? Мы ведь не договорили, – Лена стряхнула его ладонь, как налипший снег, и потянулась за сумкой. Она опустила голову и увидела, как по кафелю расползлась красная клякса. Ваня стоял невозмутимо, чуть

подавшись вперёд, и как будто не замечал, что из его носа начали вылетать и пузыриться гейзеры крови. Уже через секунду на полу проявилась картина Поллока.

– Твою мать, – Лена схватила со стола салфетки и сунула Ване в руку, – садись и зажми нос, только голову не закидывай.

Она добежала до кухни и заглянула внутрь. Витюша флиртовал с посудомойщицей и примеривал её косынку. Маленькая повариха рубила картошку.

– Дайте лёд, срочно. В полотенце.

Троица не сдвинулась с места. Ножик продолжал щёлкать о разделочную доску, девушка у мойки смотрела на Витюшу, Витюша, приоткрыв рот, смотрел на Лену, как мужская версия Алёнки.

– Ну, что стоите. У человека кровь из носа.

Он стянул косынку и полез в холодильник. Когда Лена вернулась, Ванёк сидел с бордовым комком из салфеток и давил улыбку.

– Вот идиот, – она приложила полотенце со льдом к его переносице.

В это время в зал вышел Витюша с тряпкой и молча вытер пол.

– Кажется, надо вызвать скорую. Это может плохо кончиться, – Лена полезла за телефоном.

– Вот этого точно не надо, – Ванёк вдруг заговорил твёрдым уверенным голосом, – даже если помирать будешь, в на-

шу больницу ни ногой. Весь город будет знать, геморрой у тебя или сифилис.

Кровь постепенно унялась.

– Какой у тебя адрес? Я такси вызову.

– Да кого ты вызовешь? Тачки у нас на живца ловить надо.

Сам доберусь, не парься. Идти три минуты.

Лена положила под пивную кружку деньги за двоих и за локоть вывела Ваньку наружу.

– Я должник твой. Наберу завтра.

– Жду. Считаю минуты.

– Зря ты так, я тебе пригожусь, – он запустил пятерню в волосы и попытался пригладить вихор.

– Хорошего вечера, – Лена развернулась и пошла назад через площадь.

Дома она стянула одежду и залезла под душ, ей очень хотелось смыть этот бесконечный день, бесполезные знакомства, мутное небо, мутный взгляд Ивана. Горячая вода лилась медленно, волосы намокли и прилипли к шее, прозрачные ручейки обвивали, размягчали сердце, уносили в недра сливного отверстия всё раздражение и усталость. Но равновесие с миром длилось недолго – душ поперхнулся и выплеснул на Лену струю ледяной воды.

Ночью она открыла глаза и не сразу поняла, где находится. За окном кричали чайки, но откуда взяться чайкам в Орехово-Борисово? Телефон моргнул и погас – пришло сообще-

ние от Лёши. В аду должен быть отдельный котёл для бывших, которые пишут: “Привет, как ты там?” Сначала она вообще не хотела отвечать, сделала вид, что не прочитала. Потом решила написать как есть: что думает о нём каждый день даже во сне. Долго набирала, стирала, опять набирала.

– Привет, я норм.

– Чем занимаешься?

– Сплю.

– В семь вечера???

– Я тебе не рассказывала. У меня командировка на Сахалин. Тут три часа ночи.

– Круто. Надолго?

– Полгода.

– !!!????!!!!???

– Ага.

– Надеюсь, ты не из-за меня сбежала из Москвы?

– Ну нет. Слишком много чести.

Повисла пауза. Лене не хотелось заканчивать разговор.

– Лучше расскажи, чем занимаешься.

– Пишу трактат. О роли моей бывшей девушки в несовершенстве бытия.

– Ты настоящий придурок (смайлик).

– Спасибо, что не игрушечный (смайлик). Ладно, просто хотел узнать, жива ты или нет. Всё-таки не чужие люди.

– Пока ещё не чужие.

Сообщение не прочитано. Сердце бьётся где-то у щито-

видки. Пять секунд, десять секунд, наконец, синие галки. “Алексей печатает...” Господи, сколько можно. Что он там пишет, неужели и правда трактат?

– Мне жаль, Лена.

– Мне тоже.

– Береги себя (скобка).

– И ты (две скобки).

Было ощущение, что она изо всех сил держится за края мясорубки, но пальцы слабеют, и скоро её начнет скручивать от меланхолии. Уже проклюнулось опасное желание включить саундтрек из “Вечного сияния чистого разума”, напиться в дугу, позвонить и рыдать в трубку. Но как же можно сходить с ума по человеку, который даже не умеет гладить рубашку?

Глава 9

Три года назад Лена решила совершить что-то неординарное, выбивающее её из ритма белки-марафонца. Город давил и выматывал, люди, казалось, высасывали последние силы. Лене захотелось совершить побег из цивилизации, и она купила путёвку на Алтай. “Лучше гор могут быть только горы” – процитировал Высоцкого агент компании “Весёлые кеды” во время их встречи. Но уже в первый день похода Лена была готова с ним поспорить. И Саграда Фамилия, и Руанский собор, и даже жалкий Колизей гораздо лучше гор. Она смертельно устала, пятнадцатикилограммовый рюкзак натёр плечи, комары противными укусами набили на её руке созвездие лебедя.

“Боже мой, как же я, оказывается, люблю города. Вернусь и первым делом пойду в Пушкинский музей. Хотя нет, лучше в Третьяковку. Там отличные тёплые туалеты. Вот только бы выжить и вернуться”. Лена сидела на камне с тремя сухими ветками в руке. Вокруг люди в дутых жилетках и светоотражающих куртках разбрелись в поисках опавшего лапника и прутьев для костра. Чуть ниже, у подножия горы четверо парней ставили огромную палатку-полусферу, похожую на муравейник.

Телефон не ловил. Лена боялась, что там, на большой земле, без её участия что-то уже наверняка случилось. Может,

с родными, может, на работе, а может, началась революция или Северная Корея скинула ядерную бомбу на Москву. С помощью палочек связи Лена как будто могла дирижировать реальностью. А теперь весь мир за пределами их маршрута стал как бедный кот у Шредингера – он одновременно был прежним, со Спасской башней и статуями Церетели, и уже превратился в руины, по которым рыщут голодные собаки.

“Муравьи” развели огонь и уселись вокруг него. Лена медлила. Может, если я останусь здесь, никто и не заметит? Какой-то долговязый человек, сойдя с орбиты костра, зашагал по направлению к её убежищу.

– Привет, ты чего это здесь сидишь? Ужин готов.

– Загораю, – солнце уже наполовину окунулось в закатную дымку, как вишенка в мартини.

– Видел, что ты сегодня шла позади всех. Всё в порядке?

– Угу. Просто не люблю ходить толпой. Что это там происходит? – она указала палкой в сторону места, откуда раздавалась какофония смешков.

– Началась игра в снежный ком. Все знакомятся.

– Господи.

– Подожди, это они ещё гитару не достали.

Кажется, их обоих объединяла лёгкая социофобия. Лена одобрительно хмыкнула и решила наконец разглядеть своего собеседника. Худой, горбоносый, с длинными прямыми ресницами, как у коровы.

– Лёша, – он пожал Ленину руку отрывисто и твёрдо, как

будто вложил в её ладонь эстафетную палочку.

Эту палочку она чувствовала ещё долго, пока они спускались к общей палатке.

На следующее утро всей группой умывались на реке. От ледяной воды сводило зубы. Бывалые туристы заняли самые лучшие места – встали по течению выше остальных. На завтрак сварили рисовую кашу со сгущёнкой. Лёша помогал гиду накладывать липкую массу в пластиковые миски. Когда подавал тарелку Лене – дотронулся до её пальцев. Она заметила. Потом собрали лагерь и двинулись в путь. Группа из двенадцати человек растянулась метров на двести. Впереди шёл гид Серёга в шортах и лёгкой майке, несмотря на прохладную погоду. Замыкал эту змейку Роман Григорьевич, пятидесятилетний “дед” и гроза неопытных девчонок. Он был одет в парусиновую куртку, на голове – кудри ниже ушей, которые он продолжал отращивать, несмотря на залысины. Вокруг головы повязана чёрная лента, как у Рэмбо. Роман Григорьевич любил собирать пахучую траву для вечернего чаепития, умел вязать рифовые, шкотовые и брамшкотовые узлы, а ещё знал весь репертуар Юрия Кукина.

Лёша шагал рядом.

– Наш “ветеран” вчера сказал, что на этой траве можно сколотить целое состояние, – он кивнул на поляну мелких розовых цветков, сползающую с холма пятном лишая, – местные её копают, сушат, а потом в городах продают как лекарство.

– От чего?

– От импотенции.

– Это перспективно. Может, откроем свой бизнес?

– Да мне бы с одним справиться.

– А чем ты занимаешься?

– Я архитектор. У меня маленькое бюро.

– Архитекторам разве не положено проводить свой отпуск в городах?

– Воровать чужие идеи?

– Я бы сказала – вдохновляться.

– Я вдохновляюсь на природе. Запоминаю линии, ищу материалы. Как Алвар Аалто. Взял и придумал церковь, которая похожа на горный хребет.

– И табуретку из *IKEA*?

– О! Да ты знаток!

– Ага. Моя фамилия Друзь.

Они проболтали целый день и не заметили, что добрались до следующей стоянки. Когда ложились в палатку, Лёша как будто случайно постелил свой спальник рядом, так, что их плечи теперь касались друг друга. Лена боялась, что он услышит, как её дыхание стало сбивчивым, начала повторять про себя: четыре счёта на вдох, ещё четыре – задержать дыхание, четыре – на выдох. Потом внезапно поняла, что он тоже сейчас не спит, а только делает вид. Так они и пролежали полночи, как две мумии в саркофагах, опасаясь пошевелиться и порвать тонкую паутину, в которую оба угодили.

Утром произошло ЧП. Пара длинноногих девиц и маркетолог Валера не вышли вовремя к месту старта. У них начался понос. Все трое накануне вечером пили чай с “особыми травами”, которым угощал Роман Григорьевич из своего термоса. Самого Рэмбо трава не пробрала. Переход отложили на несколько часов.

Лена прочитала месяц назад, что есть двадцать три эмоции, которые человек не может объяснить. Неосознанное желание смотреть другому в глаза называется опия. Это была она. На завтраке, у костра, пока собирали палатку, Лена всё время встречалась взглядом со своим ночным соседом и замирала, как морская фигура из детской игры. Поход уже не казался ей такой отвратительной затеей. Она радовалась, когда замечала на дороге сусликов. Роман Григорьевич сказал, что местные водители зовут их “смертниками” – делают ставки, можно ли проехать пять километров и никого не задавить. Своим палкам для трекинга Лена дала имена – правую назвала Роза, а левую – Зинаида, уговаривала их не ломаться.

Часам к трём разбили лагерь на берегу озера. Под водой росли сиреневые ирисы и нежные маслянистые водоросли. Гид Серёга потащил всех купаться, хотя никто не подписывался вступать в ряды моржей. Лена сначала отказывалась, но потом, глядя, как остальные девчонки с криками бросаются в воду, решила, что она ничем не хуже. Разбежалась, пролетела долю секунды над поверхностью и окунулась с го-

ловой, потревожив отражение гор. Она никогда не ходила на крещенские купания, да и в Бога-то не верила. Но сейчас, уже стоя на берегу в полотенце, ощутила то, что могла назвать благодатью.

Между палаткой и соседней сосной натянули верёвку и повесили сушиться купальники и полотенца. Потом Роман Григорьевич повёл всех, кроме Валеры, пострадавшего от поноса, на ближайшую гору, которую прозвали фиолетовой – в её скальной породе очень много яшмы. Лёша отковырял камень в виде звезды и протянул Лене. Когда вернулись через полтора часа, с карманами, тяжёлыми от цветных булыжников, на верёвке не оказалось двух купальников. Их не было и на траве в радиусе ста метров. Валера мирно спал в палатке. У одной из девиц началась истерика – пропал её любимый *Calvin Klein*. Все занервничали, стали гадать, откуда могли прийти воры. Ложились с плохим настроением. И на этот раз между Лёшей и Леной протиснулся Серёга.

Рано утром проснулись от криков Валеры, который вышел на минуту в туалет. Он залез обратно, больно наступая коленями на тела в спальниках, и всех перебудил:

– Там лось. Лооооооось! Аааааааа!

Лена выглянула из тамбура. Мимо костровища пролетел сохатый, прижимая к брюху тонкие сложенные пополам ноги. А на рогах у него болтался купальник *Calvin Klein* и чьи-то салатные плавки.

После завтрака предстояло главное восхождение. Группа

медленно набирала высоту. У Лены началась одышка, кололо бок. Ботинки натёрли большой палец. Чем выше поднимались, тем большее было дышать полной грудью, появился привкус крови. И к чему этот героизм? Эта необъяснимая жертва? Роман Григорьевич крикнул через плечо: “Самурай не знает цели, у него есть только путь”. Вокруг уже не было никакой растительности, их окружала чёрная каменная земля и грязные половики снега, на которых можно было легко поскользнуться. Лёша шёл впереди и подавал Лене руку. Через пару часов вся группа наконец добралась до плато. Перед ними открылся вид на чёрно-белые пики гор, как будто стоя касаток плыла по океану. Казалось, что под ногами стелется туман, но это был не он. Туманом притворились облака, которые в прямом смысле теперь можно было потрогать рукой. Волосы намокли, лицо как будто кто-то облизал, но в этот момент Лена почувствовала, что находится на своей самой главной вершине. Все её внутренние пружинки распрямились, голова пошла кругом. Захотелось остаться здесь навсегда.

Спускаться было непросто, но всё же легче, чем восходить. Лена отстала от Лёши, пару раз больно ударилась о камни. В самом конце спуска она совсем потеряла равновесие и проскользила на попе несколько метров. Слёзы выступили даже не от боли, а от обиды, что цель была так близко, но она не удержалась. Леша увидел её всю в грязи, с клочками травы, прилипшей к штанам, и обнял так крепко, что

ребра захрустели. Плотину прорвало. Лена завывала в голос, и это были самые сладкие слёзы в её жизни. Ей больше не хотелось ничего контролировать. Молча дошли до места, где нужно было разбивать лагерь. Пока остальные разбирались с брезентовой ярангой, Лёша достал тёплые куртки, взял Лену за руку и повёл в лабиринт между сосен. Они, потные, уставшие, завалились прямо на пряную хвою, еле стянули влажные вещи. Мошки атаковали незащищённые части тела, корешки впивались в спину. А потом они сидели по-турецки и смотрели на звёздную сыпь. Никто их не искал.

Глава 10

Сахалинский часовой пояс всё ещё выдавливал из Лены последние силы. Утром она почувствовала себя младенцем из племени майя – их голову тоже стискивали прессом, чтобы та приняла остроконечную форму, как символ плодородной кукурузы. Кое-как придя в себя, Лена решила, что пора действовать без посредников – заскочила в офис, а потом направилась в ДК. Её то и дело обгоняли стайки визжащих детей, которых сзади подгоняли родители. Без сомнения, это было самое красивое здание в городе, построенное в стиле сталинского классицизма, с широкими расколотыми ступеньками, светлыми колоннами и двумя круглыми барельефами на фасаде: на одном – сноп сена, на другом – арфа. Над входом висела растяжка: “Шубы из добротного мутона”. В вестибюле пахло краской, старый паркет скрипел, как расстроенная виолончель, полукруглые окна прятались за лиловыми порттьерами с многослойной драпировкой. У Лены защемило сердце от ностальгии. Вот-вот из-за поворота выйдет нетрезвый худрук Голобородько и позовёт на репетицию. По этажу разносилось: “и ррраз, носочек тянем, ииии два, Маша, опять ворон ловишь, иии раз...” На стене – расписание кружков, детские рисунки с видами Крюкова и доска почёта “Передовики КультТруда”, женщины сфотографированы в жабо и кокошниках, мужчины – в бабочках.

С директором ДК, Светланой Гарьевной, Лена столкнулась в дверях кабинета. Стройная, с балетной осанкой, светловолосая, примерно одного возраста с главой района. Лена заметила, что она чуть ли не первый человек в Крюкове, одетый не во что-то тёмное и бесформенное, а в бежевое платье-сафари с голубым шейным платком. Лена сбивчиво объяснила, кто она и о чём хочет поговорить.

– У меня сейчас смотр коллективов перед отчётным концертом, вы не против, если мы всё обсудим во время прогона?

Это прозвучало скорее как единственно возможное решение, нежели как вопрос, открытый к обсуждению.

Она быстро зашагала по коридору, не оглядываясь на Лёну. Светлана Гарьевна вошла в зал и села недалеко от пульта звукорежиссёра. Лена пристроилась на соседнее кресло. За кулисами толкалась малышня в пышных юбках, расшитых пайетками. На первом ряду сидели девушки с бубнами, в костюмах какого-то северного народа, какого именно – Лена не знала. На сцене двое парнишек в косоворотках играли на баянах, вытягивая шеи и притоптывая каблуками остроносых туфель. Баяны казались такими огромными и тяжёлыми, что непонятно было, как дети не падают со стульев, растягивая меха. За их спинами возвышался баннер, который не убрали после выездного собрания пятидесятников – “Сила моя в Господе. Праздничное служение для женщин”.

– Так вам просто нужно помещение?

– Да, Юлия Михайловна сказала, что...

– Ах, Юлия Михайловна. Зачем вы тогда ко мне пришли?

– Не понимаю.

– Администрация распоряжается этим залом, как ей вздумается, моё мнение здесь не играет роли. Неважно – репетиции, не репетиции, нужен он для детей, не нужен. Для всяких шарлатанов и съездов местных чинуш из “Единой России” двери всегда открыты.

– Я не из “Единой России”.

– Вы из нефтяной компании, это почти одно и то же.

– Мы планируем закупить колонки, микрофон для ДК, – Лена решила, что самое время выложить козырь.

Светлану Гарьевну как будто подкинуло на месте. В это время из-за кулис вышли девочки-дошколята и начали изображать сороконожку.

– Спасибо, конечно. Мы не в том положении, чтобы от милостыни отказываться. Но только всё это не имеет смысла. Зачем здесь хороший микрофон, если нам некому учить детей петь?

– Простите, кажется, я задела сложную тему.

– И вы извините – она параллельно делала какие-то пометки в своём блокноте, – вы здесь, конечно, ни при чём. Наша глава района, возможно, хорошая женщина, прекрасная жена и любящая мать, но, к сожалению – плохой руководитель.

– Я ничего не знаю о её биографии.

– А вы поинтересуйтесь, вам с ней работать. Например, год назад она перенесла день города на две недели – с третьего августа на пятнадцатое. И знаете почему?

– Почему?

– Хотела сделать приятное мужу, у него день рождения пятнадцатого. Или вон видите девочку, вон ту, с длинной косой? Это Катя Синицына, моя ученица, призёр областной олимпиады по истории среди седьмых классов. Но когда пришла квота на район – одно место в лагерь “Орлёнок” на смену одарённых детей – кто поехал? Нет, не Катенька. И даже не Ваня Чернаков, бадминтонист, чемпион области по младшим. Поехал Серёжа Гусенцов, сын Юли Михалны, оболтус, который в прошлом году вылил учительнице клей на голову.

– А вы сами преподаёте?

– Да, фортепиано.

На сцене выстроился ансамбль, зачехлённый в чёрный низ, белый верх, – восемь девчонок и четыре мальчика. На вид – младшая школа. За рояль уселась немолодая дама-хормейстер, в платье с кружевным воротником. Первый ряд стоял на полу, а для второго вытащили лавочку. Так что получилась двухэтажная конструкция. Дети пихались и веселились до тех пор, пока хормейстер не гаркнула увесистым басом:

– Смии-ирно. Запеее-вай!

Ансамбль затянул на три голоса “Ой, то не вечер”. Лучше всех было слышно даму за роялем. Исполнение не отлича-

лось стройностью. Светлана Гарьевна сдвинула брови и сосредоточенно вслушалась. Лена сделала то же самое. И тут она явно поняла причину дисгармонии.

– Альты фальшивят. Им слишком низко. Я бы предложила поднять тему на тон выше, с ре на ми минор.

Светлана Гарьевна посмотрела на неё так, как будто увидела только сейчас.

– Музыкалка?

– Нет. Я в театральной студии занималась. Мы там и пели тоже. Ещё на гитаре училась.

– Но жизнь свою вы с театром не связали.

– Нет, не связала, – Лена словно заглотила кусок наждачки.

Они просидели молча до конца выступления. С последними аккордами аккомпанемента щуплый мальчик с верхнего ряда треснул по голове товарища снизу. Тот развернулся и пихнул его с лавки. Зачинщик отскочил от пола как мяч-попрыгунчик и тут же нанёс ответный удар. Завязалась потасовка. К ней моментально подключились девчонки. Дам-хормейстер бросилась их разнимать.

– Капустина, быстро слезь с Иванцова! Вот паразиты, а!

Через пару секунд на помощь хормейстеру выбежали баянисты. Мелюзгу быстро раскидали. Ансамбль покинул зал без прежнего лоска – причёски растрёпаны, из штанов торчат языки белых рубашек.

Светлана Гарьевна вздохнула:

– Господи. Цветы жизни на моей могиле, – потом развернулась к Лене, – в пятницу вас устроит? Зал будет свободен с шести вечера.

– Да, спасибо большое.

– Знаете, я буду рада, если у вас всё получится. Городу нужен завод. Но не потому что людям нужны деньги и работа. Кто хочет, найдёт и то, и другое. Можно ходить в море, собирать ягоду, где-то крутиться. А потому что им нужно время. Общее время, хоть какой-то ритм. Вот когда работал целлюлозный завод, его ещё японцы строили. Так вот, все жили по гудку, просыпались, возвращались со смены, занимались детьми. Людям было о чём говорить, они делили жизнь. А сейчас каждый живёт сам по себе, всё рассыпалось.

Лена вдруг увидела смысл в своей работе, которого раньше не замечала.

– Спасибо, – она была готова обнять Светлану Гарьевну, но сдержалась.

– Ну всё, идите. Вот мой номер, на всякий случай.

Кажется, это была первая маленькая победа. Настроение поднялось, и Лена поспешила выбраться на свежий воздух.

Глава 11

В вестибюле, когда она уже натягивала перчатки, прямо в Ленины колени врезалась маленькая девочка. Тут же подбежала женщина в кожаной куртке и грубо оттащила малышку за капюшон.

– Она сегодня чумная какая-то, вы извините.

– Да ничего страшного. Ребёнок.

В голове замелькали картинки из детства. Лене пять. Она уже умеет читать по слогам и может без запинок, как скороговорку, произнести английский алфавит. Мать подводит её к огромным воротам. Они украшены золотым гребнем. Тени от колонн расчертили площадь косой зеброй. “Лена, читай”. Она задирает голову. Солнце слепит глаза. Буквы еле различить. Ор-де-на-ле-ни-на. “Молодец, не торопись, мышка. Что это за буква?” Лена путает “Ц” и “Щ”. Мать злится. “Ну, же. Сколько палочек над хвостиком? Две? Значит, какая это буква?” Лена вспоминает, читает дальше. Цен-тра-ль-ны-й-пар-к. “Умница! Поняла теперь, куда мы приехали?”

Лена ничего не поняла. От пекла кружилась голова. Чёлка прилипла ко лбу. Ей хотелось присесть на бордюр и больше не двигаться. Но у мамы, кажется, другие планы. Она тянет её в огромную очередь шумных потеющих людей. Перед ними стоит долговязый парень в синей рубашке. Под лопатками у него два тёмных, вытянутых пятна, как будто тени от

невидимых крыльев. Лене нельзя бегать и отходить к газону, чтобы надрать охапку одуванчиков. Мать держит её за руку, отчего ладошка совсем мокрая. Через полчаса они, наконец, попадают внутрь.

Отовсюду играет музыка, дребезжат аттракционы, кричат дети. Какая-то девочка ест розовое облако. Лена просит такое же. Мать покупает, отщипывает ей по чуть-чуть. Вата тает и оставляет на пальцах сладкие кристаллики. Мама гримасничает, отрывает кусок и лепит себе усы. Лена смеётся. Потом с удовольствием катается на щупальцах осьминога. Просится на лодочки, где надо стоять и отталкиваться ногами, но пускают только с десяти лет. Лена расстроена – это две её жизни. Мать подмигивает – “не грусти, мышка, сейчас будет весело”. Они бегут наперегонки по аллее вдоль взъерошенных круглых кустов. Опять ждут своей очереди. Женщина с огромной грудью открывает перед ними голубую цепочку, цепочка вываливается из её руки и противно брякает. Мама поднимает Лену на приступок, самой приходится забираться, когда кабинка уже оторвалась от земли на полметра. Юбка-солнце соскальзывает выше маминого колена. Колесо рывками, с капризным визгом начинает новый круг. Мама улыбается. Лена улыбается ей в ответ. Но чем выше они поднимаются, тем больше Лена чувствует ужас, беззащитность перед пропастью. Она потеряла опору. Ветер покачивает их маленькую крепость. Улыбка скатывается с лица. Мама пытается отвлечь её. “Смотри, мышка, что там внизу?”

Она указывает на пруд. Лена смотрит вниз и начинает выть.

– Лен, а ну-ка, скажи, на какую букву похожи катамараны сверху?

– На “Эн”, – Лена всхлипывает, но всё-таки пытается сохранить лицо.

– А если по-английски?

– На “Эйч”.

– А лодочки, Лена, лодочки на какую букву похожи?

– На “А-А-А-А”.

Страх победил, Лена отказывается смотреть по сторонам и тем более вниз. Закрывает глаза и орёт, изо всех сил сжимая железные прутья липкими пальцами. Мать пересаживается к ней, обнимает за плечи. Кабинка даёт резкий крен, отчего Лене кажется, что они отрываются от оси и падают прямо в пруд. На земле её трясёт, Лена плачет и никак не может успокоиться. Так она узнала, что боится высоты. Потом к этому страху прибавились и другие. Она нанизывала их, как бусины на нитку, и иногда мысленно перебирала. Голуби, случайно наступить на шприц в подъезде и заразиться СПИДом, пиковая дама, Виталик из второго подъезда, который дразнит её за дырки между зубов.

Ещё до школы Лену пытались пристроить в разные секции. Для гимнастики у неё была слишком “плоская спина”, для фигурного катания – “слабая координация”, для живописи – “плохое чувство цвета”. Каждый раз, отводя её на новый кружок, родители надеялись, что Лена раскроется и до-

бьётся невероятных успехов. Причём быстро. Но когда всем вокруг и даже самой Лене становилось очевидно, что этого не происходит, её перебрасывали, как “горячую картошку”, в другую секцию. В первом классе Лену отдали в шахматный клуб. Сначала всё шло хорошо, и Лена была на хорошем счету у преподавателя, но потом, когда началось серьёзное изучение математических схем, связей, блокировок и матовых комбинаций, она стала скучать. Шахматная партия для неё была драмой, непредсказуемой и интригующей своим исходом. Лена любила делать глупые, зато неожиданные ходы. А холодный расчёт убивал всю романтику на корню. Очень скоро она начала проигрывать даже среднестатистическим игрокам. Тогда Лена выбрала другую тактику. Она поступила как сборная России по лапте. Если не можешь выигрывать в чужие игры, придумай свою. Лена поменяла правила. Она начала играть в поддавки. Её целью стало привести соперника к победе за меньшее количество ходов. Скоро все это поняли, и игры с Леной превратились в клоунаду и настоящий спектакль.

В конце года должен был состояться шахматный бал, для которого преподаватели выбирали короля, королеву и их свиту. Лене, конечно же, не досталась роль ферзя. Зато ей предложили стать конём. Мать почувствовала себя оскорблённой и, не дожидаясь бала, забрала дочь из клуба.

Последним Лениным прибежищем стала театральная студия при районном ДК. Среди родителей “одарённых” детей

прокатилась новость, что некогда популярный актёр, Роберт Иванович Голобородько, игравший в эпизодической роли сериала “Мелочи жизни”, после долгого перерыва, читай запоя, возвращается к работе. В театр и кино его, по всей видимости, уже не брали, и поэтому он решил посвятить свою жизнь преподаванию. Желающих записаться в детскую труппу оказалось так много, что пришлось устраивать пробы. Лёну, конечно же, повели и на них. Пробы проходили в небольшом зале, где обычно занимался эстрадный коллектив. По стенам развешаны постеры современных исполнителей, в углу – пианино, рядом – настоящие трёхпалые стойки для микрофонов. В комнату набились человек сорок детей и родителей. Первых отделили от вторых и вывели в центр комнаты. Голобородько сидел на крутящемся стуле, изображая скуку и лермонтовское одиночество. Директор ДК из угла выкрикивала новые задания, которые помогли бы обнаружить юные дарования. “А теперь, дети, изобразите котика”. И все начинали отчаянно мурлыкать, так что котики выходили мартовскими, задирать лапы и вилять хвостиками. Лёна видела, как красиво выгибают спину другие девочки, как нежно и мягко, с естественной грацией вышагивают по старому линолеуму. Она ничего подобного не умела. Потом нужно было прочитать стихотворение, повторить скороговорку и ещё какую-то ерунду. На скороговорке Лёна и вовсе провалилась. Вплоть до пятого класса у неё сохранялась лёгкая картавость. Коро-че, Карл и Клара были бы оскорблены Лениным прочтением

всем известной криминальной драмы. Видимо, Голобородько устал от творящейся вакханалии, соскочил со своего стула и закричал.

– Хватит! Теперь последнее задание. Кто выполнит – беру сразу на главные роли.

Родители притихли и напряглись. Девочки и мальчики застыли, готовые выполнить любой приказ, хоть прыгнуть из окна. Благо первый этаж. Голобородько вышел в центр зала и вскинул руки вверх:

– Плачьте! Я хочу, чтобы вы сейчас расплакались горячими слезами.

На секунду все замолчали. Даже директор ДК удивилась пожеланию мэтра. Но потом комната взорвалась душераздирающим воем. Девчонки куксились, закатывали глаза. Мальчишки пытались щипать и царапать себя, чтобы расплакаться от боли. Но ни один из них не смог выдавить даже одной слезы. Лена посмотрела на мать. Та ободряюще кивнула. Тогда Лена попыталась представить нечто ужасное, что привело бы её в истерику. Мама умерла. И отец умер. И бабушка тоже. И Виталик из второго подъезда тоже умер. Наелся волчьих ягод и каюк, жирный пончик – дай талончик. Так ему и надо, нечего задираться. Но от этих мыслей ей, наоборот, стало весело. И тут её взгляд упал на висящий постер – четверо полуголых парней на сцене скачут с гитарами. В углу подпись – “НА-НА”. НА-НА. Так выглядели катамараны и лодочки с высоты птичьего полёта. Лена перенеслась в тот

день. Она вспомнила в деталях, как пол под ногами зашатался, а земля, такая надёжная и твёрдая, осталась где-то внизу. Глаза застелила пелена и Лена разрыдалась, испытывая всё тот же всепоглощающий страх, что и четыре года назад. Слезы лились могучим водопадом. Все дети обернулись и уставились на Лену. Роберт Иванович смотрел, не отрываясь, а потом начал хлопать, широко разводя пухлые ладони. Родители поднялись со своих мест и тоже стали аплодировать, но Лена всё никак не унималась. Она и не поняла, что настал её звёздный час. Только заметила, как счастливо улыбается мама. В списке на зачисление Ленина фамилия, в обход алфавитного порядка, шла под номером один.

С тех пор началась совсем другая жизнь. Лена учила все роли сразу. Она была универсальным солдатом, могла подменить хоть принцессу, хоть третью берёзку справа. Сама придумывала костюмы, подгоняла родителей, чтобы ни в коем случае не опоздать на репетиции с Голобородько. Но опоздать на занятия было практически невозможно. Позже всех приходил сам Роберт Иванович.

К Новому году готовили сказку “Волшебник изумрудного города”. Лена знала абсолютно точно, какую роль хочет получить. Дом у неё был, мозги вроде бы тоже, в сердце – необъятная любовь. Даже Виталика она втайне любила и жалела за то, что он тупой. А вот смелости Лене не хватало. На репетициях она всегда искрила остроумием, прекрасно входила в роль, могла изобразить меланхолию ослика Иа, без-

различие снежной королевы, катарсис трёх поросят. Но во время открытых показов в ДК тушевалась и даже путала слова. Лена боялась ошибиться, но всё время ошибалась. В новой постановке она хотела играть трусливого Льва, который отправляется по дороге из жёлтого кирпича, чтобы обрести храбрость. Во время завтрака Лена рассказала родителям о своих творческих планах. Мать нахмурила брови.

– Это Роберт Иванович тебе такую роль дал?

– Нет, мам, это я сама так решила.

– Послушай, мышка, что я тебе скажу. Ты должна в жизни делать всё, чтобы играть только главные роли. Я думаю, ты должна выучить роль Элли.

– Но мам, она же скучная.

– Нам часто приходится жертвовать своим интересом, чтобы в чём-то преуспеть, – она бросила взгляд на отца, который мазал маслом две половинки печенья и складывал их в пирожное, – но не все это понимают.

Глава 12

На ступеньках ДК у Лены зазвонил телефон – должник из кафе хотел ей что-то сказать.

– Оля, привет! Звоню, как и обещал. Где, что, надо договориться, я готов.

– Я Лена вообще-то.

– Тем более. Юля Михална так и сказала – о чём Лена ни попросит, ты уж Ванюша помоги.

– Спасибо, я сама как-то.

– Да что ты там сама! Ты ж людей наших не знаешь. Что им надо, как с ними разговаривать вообще. Весь город уже знает про завод, но как-то в очередь пока не строится к вам. Один Ванёк за дело болеет.

– Ладно, приезжай в офис, болельщик.

– То-то же. А то всё сами да сами. Прямо каждый суслик – агроном.

– Я сейчас передумаю.

– Да пошутил я. Подскачу через час, вы там в первом питомнике сидите?

– Чего?

– Да в школе первой.

– На втором этаже, да, кабинет географии.

– Ну, чайник кипятит.

Возле школы Лена невольно притормозила, как будто уви-

дела снег в пустыне. У входа, рядом с заляпанной нивой, сплошняком покрытой надписями “помой меня, сука”, “нет, ты наказана”, “грязь лечебная, недорого”, стоял блестящий мотоцикл *Ducati* с питерскими номерами. Она даже разглядела своё отражение на синем полированном баке. В школьном фойе солнечный свет из окон выстелил на полу зебру. Лена проскакала по ней до лестницы, минуя поворот на “Мужской рай”. Кабинет географии пустовал – Марина и Ирина ушли домой обедать. Лене показалось, что внутри пахнет пыльным валенком. Точно нужно выбросить всю старую мебель и модели вулканов из папье-маше, которые рыхлыми коричневыми кучами красовались на отдельной полке. Лена открыла окно и дверь, чтобы устроить сквозняк, бросила на стул пальто и шарф. В это время из соседнего кабинета кто-то вышел, выпустив за собой в коридор агрессивный гитарный дисторшн и выкрики солиста *Black Sabbath*. Она выглянула и увидела, как в сторону лестницы удаляется невысокий парень в кожаной мотоциклетной куртке, которая чуть не лопалась на плечах, с короткими светлыми волосами и кривыми ногами жокея. Музыка разрывала его наушники.

Ванёк приехал посвежевшим. Кожа вокруг глаз разгладилась и больше не напоминала слоновью шкуру. Лена рассказала, что уже договорилась с директором ДК о времени для собрания.

– И чо, Гарьевна вот так сразу согласилась?

– Ну, не сразу, конечно. Сначала поругала твою Юлю Ми-

халну, пожаловалась, что в ДК людей не хватает, потом только согласилась.

– Конечно, не хватает, если у них танцы моя одноклассница ведёт, Светка. Она в Южном сначала три года в стриптизе отработала, потом её в проститутки взяли. Но что-то она там не поделила со шмаровозом, пришлось свалить оттуда. Теперь вон – чунга-чангу с детишками учит.

– А Светлана Гарьевна знает?

– Конечно. Она сама ей и предложила. Гарьевна вообще крутая тётка, говорят, её японец вырастил, с бабкой её жил. А потом он там то ли сам умер, то ли убили его. Не знаю. Но это ещё когда было, меня у мамки и в проекте не было. Говорят, Гарьевна до сих пор себя винит.

– А дети у неё есть?

– Откуда? Её мужики все боятся. И потом: нахрена им баба, у которой и так сто детей?

– Ладно, давай по делу. Где нам лучше объявления развесить, чтобы людей побольше пришло?

– Ну, для начала в “Семёре”. Там у нас главный центр связи, просто ЦУП. Все встречаются, трут с кассиршами, между собой. Все новости там узнать можно, кто где пёрнул, с кем переспал. Ещё на рынке у корейцев, но это не по всем дням. По выходным в основном. Ещё на точке, где боярышник продают, на Московской, вот там твоя клиентура, точно. Это всё, считай, Ванёк на себя берёт, – Лена подметила, что он вообще любит говорить о себе в третьем лице, – ты глав-

ное объяву накатай – что, где, когда. А я по каналам своим раскидаю. В соцсети кину. И сразу напиши, сколько денег минимум, а то у нас народ деловой, так просто не попрётся.

– Договорились. А ты мне помогаешь, потому что Юля Михална сказала?

– Сказала. Но я с тобой мешаюсь не потому, что она вас дойной коровой считает. Просто Ванёк при движухе любит быть.

– А ты в администрации какую должность занимаешь?

Он хмыкнул и подмигнул.

– Волонтёр. Специалист по общим вопросам.

– И как на службу попал? Волонтёрскую.

– Как-как. Учился я у Юли Михалны. Она ж у меня клас-сухой была. Дела решал, с детства. Вот и приглянулся ей.

– И что за дела?

– Это тебе пока рано знать.

– И как она руководит? Люди довольны?

– Нормально руководит. Много не ворует. Так, в Таиланд слетать. Как хозяйственник она, конечно, не очень. Зато своя и знает людей нужных в области, просвещённая. Её и главой-то выбрали, потому что у неё у одной из всех кандидатов высшее образование было – учитель начальных классов.

– Повезло вам. В общем, я объявление сверстаю сегодня и распечатаю, завтра тебе передам – развесишь.

– Да куда торопиться-то? У нас новости за полчаса разлетаются. Давай я тебе лучше завтра экскурсию проведу, пока-

жу, что тут у нас есть. Не видела ж ничего.

Лена колебалась. А что ей, собственно, терять?

– Ну, хорошо. Только не на весь день.

– Не парься, всё по красоте сделаю. Ты же гость у нас.

Завтра в одиннадцать у входа. Лады?

– Лады.

Ванёк отсалютовал и скрылся в коридоре, насвистывая чунга-чангу. Ещё через час вернулись Ирина и Марина. Кажется, их не было треть рабочего дня.

– Ой, а мы и не знали, что вы тут. Думали, вы на весь день ушли на встречу. Всё хорошо?

– Да, пора браться за дело.

Через час у Лены была назначена встреча с начальником стройки. Нужно обсудить, в какие бригады сколько рабочих ищут, какие там условия, график, кто решает брать или не брать. Она постучалась в кабинет логопеда.

Ирина сказала, что вообще-то начальник стройки – бывший ВДВшник, и Лене стоит держаться поаккуратнее. Илья Борисович оказался худощавым низким мужичком, с седой ровно подстриженной бородой и голубыми глазами. Говорил быстро, мало и по делу.

– И вот ещё что, когда оформлять народ будете, сразу берите контакты жён. И для них отдельно собрание провести надо.

– Это зачем это?

– Чтобы травматизма меньше было. Пальцы по пьяни каж-

дому второму отрываает. А в Забайкалье когда строили, у нас водитель погрузочной машины, которая грузы по семь тонн тягает, уснул и задавил трёх человек. Потом жену вызвали, спросили, почему она его бухим на работу отпустила, а она говорит: “так ему же деньги зарабатывать надо, я его и выпнула”. Непонятно, на что надеются. Вы вообще готовы, с пьянством вместе бороться будем.

– Как это?

– Ну, вот так. Обязательно алкотестеры закупим. Чтобы проверять, и на вход, и на выход. Мы раньше на стройках только на вход ставили. Так у них там нычки, дырки какие-то в заборах. Они бутылки там спрячут утром, а потом набираются прямо на работе. Тогда и на выход алкотестеры поставили. Это уже другой разговор. Но только медики, которые тесты проводят, они же местные, жалеют своих, не сдают. Вот так и ходим по замкнутому кругу, за руку ловим. Бутылка здесь дороже жизни.

– И что, в таких местах прямо все пьют?

– Ну, почему все. Большая часть, конечно, пьёт. Кто-то наркоту принимает. Правда среди нормальных мужиков это всё-таки не принято, не по-нашему это, не по-православному. Водка всё-таки роднее. Есть и святые, не пьют, не колются. Они в рабочих посёлках на вес золота среди баб. У каждого – по пять-семь женщин замужних. Пока мужики остальные бухают, жёны их спят со всеми подряд.

Лене все эти разговоры не понравились. Она притихла,

покручивая колпачок от ручки.

– Да ладно, вы не волнуйтесь. Здесь, может, и другие порядки. Люди в море ходят. А море пьяниц не любит. Разберёмся. Главное, чтобы они до нас дошли. А там уж мы из них людей сделаем. Я на несколько дней уеду в Южный, там встречи с подрядчиками. Но уверен, что вы тут пока с местными и без меня справитесь. Удачи!

Отправляясь сюда, Лена меньше всего думала про алкотестеры, собрания для жён и оторванные пальцы. Она рассчитывала, что всё-таки завод может реально помочь людям, дать им работу, уверенность в завтрашнем дне. А там, глядишь, и город разрастётся. Скоро восстановят порт, приедут иностранцы. И Крюков превратится в один из аккуратных приморских городков, может, вообще станет как Ливерпуль, со своей четвёркой и футболом. В этом будет и её роль, а значит, всё не зря.

До конца дня Лена составила два объявления. Одно – с приглашением на работу. Другое – с приглашением на встречу в ДК, где можно будет узнать все подробности. Вечером она удовлетворённо выключила компьютер и вычеркнула из календарика за 2011 год ещё один день. Когда она вышла на улицу, синего мотоцикла уже не было.

Глава 13

На следующий день Ванёк подкатил на кряхтящем уазике с трещиной на лобовом стекле, похожей на москита.

– Я думала, мы пешком пойдём.

– Ещё находимся сегодня, не волнуйся.

Лена по привычке, как в такси, залезла на заднее сидение.

– А чего это ты со мной не садишься? Брезгуешь?

– Всему своё время. Мы ещё не так близки.

– Ну, как хочешь. В городе смотреть нечего. Поедем сразу на кладбище, к япошкам.

– На кладбище?

Лене нравилось бывать на погостах, бродить среди аллей, вглядываться в лица на фотографиях, фантазировать, кем были эти люди, что они любили, от чего умерли. Иногда она думала, что так любит бывать на кладбищах, потому что сама и есть кладбище – планов, идей, желаний.

– Кладбон тут недалеко, километра три. А потом на маяк поедем.

Сиденье в уазике было продавленным, неровным, как будто сидишь на галечном пляже. Пару раз их подбросило на кочках, и Лена ударилась головой о крышу.

– Поосторожней на поворотах, Шумахер.

– Какой Шумахер, мать? Постучи по голове. Он же не человек уже, а так – овощ. А я ещё пожить хочу лет до трид-

цати.

– А сейчас тебе сколько?

– Двадцать три.

– А почему до тридцати?

– А нахрена больше-то? И так уже много повидал. Скучно.

– Ты вообще путешествовал куда-нибудь, мир видел?

– На Севере у нас был, в Южном был, в Японии на Ваккане, перевозил кое-что. Во Владик пару раз гонял, на материк.

– В Москве не был?

– Не, а чо мне там делать? В Макдональдсе я и во Владике пожрать смогу. Говорят, откроют через полгода. Ну, выходи, причаляли.

Лена буквально выпала из уазика в высокую траву. В прозрачной рощице между деревьев прятались несколько каменных стел с выбитыми иероглифами, внутри которых уже пророс мох. Лене захотелось провести по ним рукой. Вокруг памятников растительность была бережно выполота, рядом с одним на земле лежали три карамельки.

– А кто ухаживает за этими могилами?

– Так японцы и приезжают. Их у нас могильными туристами зовут. Мать рассказывала, что я как родился в 95-м, а в 98-м уже кризис бахнул. Так японцы привозили мешками, шмотки там, жратву, пелёнки. Вот и выжили. До сих пор помню эти леденцы, вроде и сладкие, но жгучие, с перцем. И фантики такие, с золотинками.

– А карамельки тоже японцы положили?

– Не, это наши уже принесли. Мы японцев с их земли выпнули, а они нам всё равно добро делают. Так что у нас женщины за их могилами смотрят, хоть как-то отплатить надо. Наши ведь сюда только в 45-м пришли. Потом тут все вместе жили, и русские, и японцы, в одних домах. А через год японцев на корабли посадили – и досвидос, в Японию отправили. Теперь это всё наше как бы.

Лена подумала, что есть у российского государства какая-то особая любовь к островам и полуостровам.

– Ну всё, погнали дальше, – перед тем как сесть в машину, Ванёк повернулся, вздохнул и перекрестился, – эту землю, кстати, тоже под ваш завод отдают. Так что скоро всё снесут здесь.

Настроение тотчас упало. Не лучшая новость за сегодня.

Они вырулили на дорогу вдоль реки. Хотя это и дорогой-то сложно назвать – так, две неровных колеи, поросших травой и кустарником. Машина подминала молодые березки, ныряла в канавы, неслась вперёд, как будто уазик был вообще неподвластен законам физики, он мог переехать, преодолеть любую преграду. Чёрная река справа, напоминающая расплавленную резину, выглядела устрашающе, казалось, что она затянет тебя быстрее, чем любое болото. Тонкие низкие осины обступили реку и как будто мешали ей вырваться на свободу, утащить на дно и уазик, и Лену, и её белые кроссовки. Ещё через десять минут они выехали к морю.

– Всё, здесь паркуемся. Дальше, как ты и хотела, пешком.

Лена только сейчас поняла, что за все эти четыре дня так и не поздоровалась с морем. Она вообще в Крюкове не ощущала себя на побережье, потому что привыкла совсем к другому – к набережным, пирсам, кафе, влюблённым парочкам. А не к ржавым кранам и контейнерам, сложенным друг на друга, как выцветшие детали “лего”. Вода меняла цвет от тёмно-синего у берега до розового у горизонта. Лена несколько раз вздохнула так глубоко, что от привкуса йода закружилась голова, захотелось разогнаться и бежать вдоль воды, пока лёгкие не сдавит железными прутьями.

– Как хорошо, Ваня, это лучший день за всю неделю, – она взяла камушек и запустила его по гладкой, еле подвижной поверхности моря. Но он сразу утонул.

– Смотри как надо, – Ванёк прицелился, и его галька сделала пять лёгких прыжков, оставив после себя ровные круги.

Они побрели у кромки моря, перешагивая через булыжники, похожие на яйца древних птиц, с розовыми и салатовыми пятнами мха. Через сто метров Лена почувствовала тошнотворный запах гнили – волна трепала края плотно набитого холщового мешка, который наполовину утопал в воде. Возле берега, все в пене и склизких водорослях, вперемишку с алюминиевыми банками, на боку болтались семь-восемьдохлых рыб.

– О, да тут рыбокопы, похоже, прошвырнулись.

– Рыбокопы?

– Ну, рыбнадзор. Так-то дядя Паша с ними обычно договаривается, что они в наши края без его просьбы не суются. Но, видимо, им скучно стало. Решили прокатиться. Вон мужики улов побросали.

– А дядя Паша – это кто?

– Да владелец рыбзавода нашего. Двоюродный брат Юли Михалны, кстати.

– А зачем рыбнадзор мужиков ловил? Они что – браконьеры?

– Конечно. У нас здесь каждый с детства в море ходит. А квоты эти на улов – просто смех, даже на уху не хватит.

– А дядя Паша зачем с рыбнадзором договаривается?

– Так завод наш и есть главный браконьер. Да и мужики местные все на него пашут. Он у них всю рыбу скупает за копьё, но и не обижает. Разрешает себе оставлять немного, на семью. Мужики не жалуются, какая-никакая стабильность.

– И что, все довольны? Никто не хотел там свое дело открыть?

– Кинуть дядю Пашу? К тебе в лучшем случае на следующий день рыбокопы ручные пришвартуются, а в худшем вон как Семёнов. Коптильню свою решил сделать. Через неделю ушёл за ягодой и не вернулся. Третий год даже костей найти не могут.

Лене стало не по себе.

– Может, вернёмся, а?

– Так почти дошли уже. Вон и маяк.

На пригорке Лена увидела чёрно-белую полосатую трубу. Рядом с ней – ржавый ангар, деревянный сарай и покосившийся забор. Вовсе не так романтично, как можно было представить. За забором увядшая трава доходила до пояса, под ногами валялись обрезки труб, бутылки, рельсы, погнутые рыболовные садки. По широким бетонным ступенькам они поднялись до комнаты, где раньше работал пульт управления маяком. Здесь ещё сохранились металлические щитки с тумблерами, вывернутыми стрелками, на полу – затоптанные листки, выписки, обложки журналов по учёту горюче-смазочных материалов. Воняло мочой.

– Маяк давно не работает?

– Лет семь уже.

– Странно, что ничего не растащили.

– Слишком далеко, в Крюкове и своего говна хватает.

Дальше нужно было подниматься по шаткой винтовой лестнице, которая старчески дребезжала от каждого шага. В центре смотровой площадки за сеткой-рабицей пряталась огромная лампа, разбитая сверху как яйцо, которое собираются съесть всмятку. Низкие перила перекосило, доски скрипели под ногами. Лена захотела поскорее вернуться на твёрдую землю. Вдалеке виднелся Крюков, зажатый с одной стороны языком залива, а с другой – мелкими сопками. Прямо перед ней раскинулось море. Оно не шумело, не разгоняло волны, а безвольно лежало, едва шевелясь. Тревога начала вытеснять спокойствие.

– Красиво, правда? – Ванёк как будто невзначай положил руку ей на плечи.

– Красиво, – Лена сделала от него шаг в сторону, – только я волны больше люблю, чем штиль.

– Да кто ж их не любит? У нас полгорода ходит смотреть на волны с пятиэтажный дом. В ноябре бывают, знаешь какие. Каждый год кого-нибудь смывает.

– И что, всё равно продолжают ходить?

– Ну конечно. На что тут ещё смотреть. Скучно, кинотеатра же нету.

Где-то вдалеке Лена заметила фонтанчик. Потом ещё один. А вслед за ним над водой показалось бревно.

– Ого, да это же кит! – Ванёк указывал рукой туда, где только что шевелилось “бревно”, – они вообще редко так близко подплывают.

Ещё через секунду раздвоенный хвост вырвался на поверхность и тут же скрылся из виду. С ума сойти, она только что увидела настоящего кита. Это была не бродячая собака, не кошка, даже не ёж, а самое большое млекопитающее на планете. Пусть не такое, как в детских книжках, вовсе не синее, с белоснежной улыбкой, а тёмное, бесформенное, едва заметное. Но от этого ощущение чуда только нарастало – она разглядела, ухватила, ей повезло. Лена надеялась, что кит опять подаст ей сигнал, но фонтанчиков больше не было. На обратном пути она снова и снова прокручивала в голове эти несколько секунд. Обязательно нужно будет вернуться сюда.

– Может, пивка попью?

– Не, Вань. Лучшее враг хорошего. Давай-ка лучше делом займёмся.

Они заехали в офис, и Лена отдала ему пачку объявлений о работе на стройке и встрече в ДК. Дома ей безумно захотелось позвонить Лёше и рассказать про кита. Просто рассказать про кита, конечно же, ничего кроме. Пару минут она колебалась, а потом рука сама потянулась и набрала одиннадцать цифр, которые Лена вспомнила бы и в глубокой старости. С каждым гудком она всё больше нервничала, но никто не брал трубку. Тогда она набрала ещё раз – опять ничего. За час позвонила четыре раза. Потом разрыдалась от жалости к себе и швырнула телефон о стену. Какая же дура.

Глава 14

– Понимаешь, архитектура – это текст. Это коммуникация. Вот смотри – два дома, какой тебе больше нравится?

Уже порядком опьянев, Лена стояла посреди Садовнической улицы и рассеянно смотрела не на застройку, а на своего нового парня. В одной руке он держал термос, а второй размахивал, указывая то на терракотовую сталинку, то на серую хрущёвку. Ей нравилась эта страсть. В термосе был не чай, а белое вино. Нехитрым приёмом с ними поделился гид Серёга. Переливаешь из бутылки и спокойно гуляешь по городу – во-первых, не нагревается, а во-вторых – никаких проблем с ментами.

– Глупый вопрос. Конечно, мне больше нравится сталинка. Там потолки высокие и вообще. Кому может нравиться хрущёвка?

– Мне! Не появилась бы хрущёвка, и не было бы никаких шестидесятников.

– Пфф. С трудом верится, что эта клетушка вообще строилась для человека.

– Вот именно, что для человека, а не для чекистов! Раньше люди жили в коммуналках. Всё время под колпаком. Все за всеми следят. Не понравилось соседке, что ты молодая и красивая, она взяла и кляuzu написала – ворует общественное имущество. Лампочки выкручивает в туалете. И всё,

привет, чёрный воронок, – Лёша слегка покачивался, но его глаза сверкали и брови выгибались, как бумеранги, – а теперь у семьи появилось своё, вот это вот жильё. Крошечное, но своё. Сиди себе на кухне, приглашай кого хочешь, твори. И никакая бабка со скипидаром не придёт.

– Да уж! Хрущёвка – мать свободы. А что не так со сталинкой?

– Как что? Неужели ты не видишь? Пышные арки, колонны. Они ведь на что намекают? Что советская власть была не тридцать лет, она была всегда. От начала веков. Буквально из античности выросла.

– Ну и что. Зато это красиво! Величественно!

– Лена, за любой архитектурой стоит человек. Идея человека. Люди, для которых строили этот дом, мне противны, – ветер трепал его чёлку из стороны в сторону, – все эти генералы, стахановцы, партийцы и прочие лизоблюды.

Ах, как он был хорош. Как вспыхивал в разговоре, как ловко пинал по тротуару скрюченную банку из-под пива. Лёша любил футбол. С восьмого класса он болел за московский “Локомотив”. Болел стоически, неся свой крест, как монах-схимник.

– Наши дровосеки опять продули.

– Кому на этот раз?

– “Арсеналу”.

– Продуть чемпиону Англии почётно.

– Лена, мы продули тульскому “Арсеналу”.

Она чувствовала, как боль в его голосе плещется через край.

– Слушай, “Локомотив” приносит тебе столько страданий. Почему бы не болеть, скажем, за “Баварию”?

Лёша посмотрел так, как будто ему предложили устроиться в немецкую разведку.

– Потому что в этом смысл настоящей любви, женщина.

Но главной Лёшиной любовью всё-таки была работа.

– Это же преступление против города! – первое, что он сказал в прихожей, вернувшись из командировки. – Они построили Набережную Брюгге!

– Угу. Ты голодный?

– На фоне панельных девятиэтажек! Ещё поставили памятник Грейс Келли. В Йошкар-Оле!

– Эй, ты куда в обуви?

Он прошёл в ботинках на кухню, продолжая спорить с невидимым оппонентом.

– Ну возьмите вы марийский орнамент, ну создайте уникальный стиль!

Поначалу Лёшина рассеянность казалась Лене милой, таким естественным багажом его таланта. Он появлялся в её ипотечной квартире и устраивал последний день Помпеи – извергал грязные носки, футболки, журналы, какие-то бейджи. Лена физически не выносила бардак, расставляла тарелки на кухне от большой к маленькой, а книги на полках по цвету и высоте обложек. Выправляла каждую складку на

покрывале. Он смеялся – в армии ты бы сделала карьеру, там культ заправленной кровати.

Лёша снимал квартиру вместе с партнёром по бизнесу. И вообще с трудом отделял личное и рабочее. Его телефон звонил в любое время суток. По утрам, ещё толком не открыв глаза, он спускал руку с кровати и пытался нащупать под ней крышку ноутбука. Но какое это имеет значение, если на свидание тебя зовут не в пиццерию, а в Юрьев-Польский, смотреть на храм домонгольской эпохи?

– Лена, ну разве это не чудо? Видишь резного слона над воротами? У него заячьи уши. Всё потому что зодчий никогда не видел слонов. Слышал, что у них большие уши, а какие именно – не знал.

Конечно, чудо. Рядом с ним оживали камни. Что уж говорить про Ленино сердце. Через год дела пошли в гору. Он стал ещё чаще пропадать в бюро. Появились какие-то “связи с Берлином”, потом с Лондоном. Лёша говорил, что мечтает покорить мир и плюнуть в историю. Или хотя бы в лица тем людям, которые построили театр *Et Cetera*. А Лена мечтала вместе ездить в отпуск и засыпать в обнимку.

Лёша позвонил уже за полночь.

– Ну, кажется, ты готова, – он произнёс это торжественно, с лёгким придыханием. Лена понятия не имела, к чему.

– Ты хочешь посвятить меня в масоны?

– Всё гораздо серьёзнее, Лена.

– Уж и не знаю, что думать.

– Пора тебе познакомиться с мамой.

Приехали. Нет, Лена, конечно, ждала этого момента. В конце концов, знакомство означало переход в новый регистр отношений. Но, положа руку на сердце, предпочла бы масонов. Лёшины родители давно развелись. Отец, физик, эмигрировал в Японию, когда Лёше было пять. Мать давала частные уроки французского.

– Я заеду в субботу, около четырёх. Будь готова.

– Угу.

– Слушай. Мне как-то неловко просить. Сделай хороший маникюр, ладно? Какой-нибудь нейтральный цвет.

– Ну, если это входной билет в твою семью...

– Звучит, конечно, тупо. Но мама всегда смотрит на руки.

– Не переживай. У моей тоже полно тараканов.

Одна мысль об ответном знакомстве вызывала ползучую панику.

С самого утра Лену мутило, ничего не лезло в рот. Она перерыла гардероб, чтобы выглядеть непринужденно, но эффектно. Поругалась с Макаром – на всех тёмных вещах серебрилась его шерсть. В конце концов выбрала светло-зелёный балахон из плотного льна. Он отлично подойдёт к ногтям цвета пыльной розы. Достала шерстяное пальто. С половины четвёртого кружила по комнате, боясь измять наряд. Но в назначенный час никто не приехал. Время, как жвачка, залипало на каждой минуте. Лена не выпускала телефон

из рук. Через десять минут попыталась дозвониться до Лёши – безуспешно. Может, он за рулём? Но и через полчаса ни ответа, ни привета. Лена уже подвинула стул, чтобы наконец-то сесть и выпить траурный стакан кока-колы, заложив первые складки на платье, но телефон неожиданно дрогнул. “Дружок, у меня нарисовалась встреча. Очень важная. Мама тебя ждёт. Я буду позже. Лови адрес”. Час от часу не легче. Лена собрала всю волю в кулак и заказала такси.

Лёшина мама жила на Смоленской, в доме XIX века с эркерными окнами и четырёхметровыми потолками. Рядом с церковью Святого Власия на Козьем болоте.

Лена медленно поднималась по лестнице, разглядывая пальмы в кадках, но сердце всё равно сменило темп с анданте на аллегро. Маргарита Ивановна встретила её у порога и поцеловала в щёку:

– А, Леночка? Заходите, заходите.

В квартире царил дружелюбный сумрак. Тёмные гардины из синего бархата ограждали жилище от всего, что творилось за окнами. В центре комнаты проступил круглый стол с ножками в виде Кома-ину, мифических собакольвов. В углу Лена разглядела фото-триптих – полуголый младенец, первокурсник ростом с букет гладиолусов, студент в конфедератке. Очевидно, Лёша. Она украдкой набрала послание: “Ты скоро?”

– Вы садитесь за стол, не стесняйтесь, – Маргарита Ивановна, не отрываясь, смотрела на Лену, – Алёша так быстро

всё решил. Насчёт нашей встречи. Уж не знаю, к чему такая спешка.

Её взгляд уперся в Ленин живот под балахоном. Платье явно включало зелёный свет для сомнительных интерпретаций. Лена инстинктивно положила руки на талию, натянув ткань по фигуре. Потом вспомнила, что захватила с собой коробку трюфелей. Хозяйка сдержанно кивнула и убрала её в сервант. Краем глаза Лена заметила, что там уже лежит штук двадцать таких коробок.

На стенах рябили абстракции и портреты. Человек на одном из них показался Лене знакомым – во фраке, с шёлковым бантом вокруг шеи и поворотом головы на три четверти.

– О, скажите, а это ведь Шаляпин?

Маргарита Ивановна вскинула тонкую подведённую бровь.

– Нет, Леночка, это мой прадед.

– Извините, очень похож, – Лена стушевалась.

У Маргариты Ивановны были пепельные волосы, собранные сзади шпильками, на всех пальцах, кроме мизинцев, по кольцу и такой же нос с горбинкой, как у Лёши. Помада нанесена с геометрической точностью, не смея и на миллиметр вырваться за линию губ. Лена случайно опустила взгляд на свои ноги и тут же по-балетному подогнула стопу – от носка на колготках потянулась перепончатая стрелка. Телефон по-прежнему молчал.

Маргарита Ивановна начала морщиться и с силой тереть

глаза. А потом небрежно покашливать в кулак.

– Простите, Алёша вас не предупредил?

– Не знаю даже, о чём.

А в голове мелькнуло – неужели дело в маникюре?

– У меня аллергия на духи.

Лена подскочила с места, готовая бежать на лестничную клетку.

– Я не знала. Извините, я тогда в другой раз... как жаль, я правда не знала.

– О, нет, нет. Я выпью таблетку. Не беспокойтесь.

Она степенно поднялась и вышла в коридор. Лена отправила Лёше еще один сигнал бедствия. Но снова вхолостую. Зато Маргарита Ивановна вернулась с шампанским. Запоевшая “Вдова Клико” могла легко поправить дело.

– У меня все воспитанники знают – ко мне ароматов не надеваем. Но вы могли забыть. Это нестрашно.

– Но ваш сын не говорил мне...

Маргарита Ивановна её перебила.

– Вам шампанское, надеюсь, можно?

– Да-да. С удовольствием.

– Вот. Ученики подарили.

Лена всерьёз разозлилась на Лёшу. Даже “Форт Боярд” – это командная игра. Тут ещё вопрос, что проще – сунуть голову в ящик с пауками или понравиться его матери.

– Ну а теперь, Леночка, расскажите мне про свою семью.

Ей пришлось вспомнить всех родственников до четвёрто-

го колена. Через полчаса хозяйка достала с полки свой семейный альбом и позвала Лену на диван.

– А вот это Алёше семь лет, он здесь выиграл конкурс “Золотой голос санатория «Смена»”. Вот здесь мы всей семьёй – в Индии. А вот это я в детстве.

На фотографии маленькая девочка лет десяти, приподняв юбку двумя щипками, стояла на фоне площади Гран-Плас в Брюсселе.

– Мой отец был дипломатом, мы таскались за ним по разным странам, пока мне не исполнилось пятнадцать.

– У вас, похоже, было очень счастливое детство.

– Это каторга, а не детство. Ты всё время заперт на территории посольства и не можешь никуда выйти без ведома родителей. В твоём классе учатся три человека, и те казахи.

Лена представляла каторгу по-другому. Первый раз она попала за границу уже студенткой. И даже разбитая Польша показалась ей раем.

– А как же дух европейской свободы, демократии? Вы так рано его узнали.

– Милая, да что там свобода и демократия. Европа – это йогурт на завтрак. Вот чего действительно не было в Союзе.

После заграничных фотографий Лена заметила старую карточку, на которой три человека в кирзовых сапогах обнимали друг друга за плечи и улыбались. А на фото подпись: “Отдыхающие. Евпатория, сентябрь 1941 года”.

– Кто это?

– Мой дед. Вот здесь, в центре.

– А кем он был?

– Генералом.

Лена как будто невзначай посмотрела на часы.

– О, вам уже пора? Очень жаль.

– Да, жаль. Только Лёша до сих пор не приехал.

– У него важные дела, вы должны понимать.

Но Лена не хотела этого понимать. По пути в прихожую она остановилась у серванта. Целую полку занял спичечный городок. Многоярусные башни, затейливые терема, мельницы, мосты и мостки.

– Это Алёша для меня склеил. В девять лет. И сказал – когда я вырасту, построю для тебя настоящий.

Лена улыбнулась.

– Это впечатляет. Я и половины не смогла бы придумать.

– Да, талант не брови. Если нет – не нарисуешь.

Настроение окончательно испортилось. Лена, подгибая носок, залезла в ботинки.

– Леночка, вы подождите. Я с вами выйду.

Она скрылась на кухне и вернулась с пакетиком крупы.

– Вы хотите птиц кормить?

– Да-да, голубей.

В лифте Маргарита Ивановна спросила.

– Завтра собираетесь?

– Куда?

– К Соловецкому камню, конечно. На “Возвращение

имён”.

– Ммм... я... может, если успею.

Когда вышли на улицу, Лёшина мама подошла к дворовой парковке и высыпала крупу на крышу сиреневой тойоты.

– Борюсь-борюсь с ними, сил никаких нет. Это наше место, семейное. Ещё мой дед здесь свою Волгу ставил.

Они распрощались. Уже перед собственным подъездом Лена последний раз позвонила Лёше. Начался дождь. Её шерстяное пальто промокло и стало вонять псиной. Решение в Лениной голове появилось без особых усилий. Оно ей не нравилось, но явно давило своей логичностью. Лена пыталась найти в нём брешь, но безуспешно.

Леша перезвонил в десять вечера.

– Извини, я всё пропустил. У меня были встречи, одна за одной. Готовим презу для инвесторов. Ты как вообще?

Лена хотела выпалить, что она, мягко скажем, не очень. Но закусила губу. Дыши спокойно. Четыре счёта на вдох, четыре на выдох.

– Нормально. Ты приедешь?

– Слушай, у меня сейчас ещё один скайп. Постараюсь быстро.

В половине второго он сидел на её кухне и вертел стакан с джином.

– Как мама?

– Я её чуть не угробила своими духами. Ты этого добивался?

– Ой, чё-ё-ёрт.

– Зачем ты нас вообще знакомил?

– Я подумал, что пришло время, – он опустил руку в карман пиджака, висевшего рядом на стуле, и что-то там нащупал. – Дружок, я понимаю, что ты злишься. Но я... просто выпадаю из реальности. Эта презентация. Она поможет нам ворваться в космос.

– Дело не в ней, Лёша. Кого ты обманываешь, это будет повторяться снова и снова. Я всё время одна.

Он молчал.

– Я не готова быть женщиной космонавта. У меня не хватит сил.

Тишина заполнила кухню, как отравляющий газ. Ни один из них не мог пошевелиться. Минуту или больше. Дыхание перехватило. Даже кот замер на подоконнике у горшка с фикусом. Лена сама не ожидала, что скажет это так резко. Она боялась, что сейчас начнётся долгий и вязкий разговор, но всё закончилось быстро, даже слишком. Лёша встал, как будто собирался что-то возразить, сделать последний маршбросок. Потом помотал головой, зажмурил глаза и медленно выдохнул. Он подошёл ближе, наклонился и на секунду прижал губы к её виску.

– Я знаю. Прости меня, – и добавил с улыбкой: – Остаемся друзьями?

Лена усмехнулась.

– Конечно, нет.

Глава 15

К собранию всё у Лены было готово – Ванёк сообщил, что город уже в курсе, придут даже немощные старушки и дети в ползунках. Из Южно-Сахалинска прислали новые колонки и микрофон, Ирина и Марина уже накрыли поляну в ДК – чай, печенье, бутерброды с сыром. Лена приготовила бланки для заявок на работу, листовки, буклеты. Из офиса она выходила с лёгким сердцем и тяжелой пачкой бумаг. Наконец-то дело сдвинется с мёртвой точки. У входа опять стоял нарядный мотоцикл. Лена сочла, что это хороший знак, посмотрела на своё отражение и улыбнулась – кое-чего не хватает. Она поставила на землю пакеты, достала помаду и наклонилась над боковым зеркалом, чтобы добавить боевой раскраски.

– Хотите угнать мой мотоцикл?

Лена дёрнулась от испуга. Сзади стоял парень из соседнего кабинета, в чёрной кожаной куртке с красными лампасами. Ростом, может, на пару сантиметров выше Лены, но раза в полтора шире в плечах, коротко стриженный. Его внушительный нос сразу привлекал внимание, он был как будто слегка скошен вправо.

– Нет, просто зеркало ворую.

– Тогда без проблем. Их каждую неделю воруют. Уже привык.

– А вы что, прямо из Питера на нём сюда ехали? – Лена кивнула на номера.

– На ней, – он похлопал мотоцикл как боевую лошадь, – к сожалению, нам с Дусей пришлось лететь на самолёте.

Они немного поболтали. Лена рассказала, чем занимается. Любитель *Black Sabbath*, Антон, оказался инженером какого-то редкого оборудования, до холодов хотел объездить всё побережье и вообще давно мечтал здесь поработать. В Крюкове он останется на пару месяцев, а может – на год, как карта ляжет.

– И что, вы даже не знаете, сколько тут пробудете?

– А какая разница? Я живу моментом, а сейчас он прекрасен. Поел хорошей рыбы, говорю с красивой женщиной, – он улыбнулся и приблизился к Лене, отчего у неё вспыхнули кончики ушей, – вот только женщина немного промахнулась с помадой.

Лена ещё раз опустила к зеркалу и увидела, что от неожиданности провела горизонтальную черту под носом. Она попыталась стереть, но след всё равно остался. Надо прийти в ДК пораньше, чтобы всё отмыть.

– Так, мне уже пора бежать.

– Подвезти?

– Не сегодня, – Лена вырядилась на собрание в узкую юбку и шпильки.

– Ладно, пока, расхитительница зеркал. Ещё увидимся.

Собрание начнётся через сорок минут. Ирина и Мари-

на сделали одинаковые причёски, начесали чёлку, закрутили крупные локоны и залили их лаком до плотной корки, по которой Лене хотелось постучать пальцем. Зашла Светлана Гарьевна, узнать, всё ли в порядке. В зале на первом ряду уже сидели несколько старушек и пили чай из пластиковых стаканчиков – они сняли верхнюю одежду, но остались в шالях и шапках-ракушках. Ещё две копошились у столика с едой, накладывали в салфетки печенье с горкой и быстро рассовывали по карманам. Народ постепенно подтягивался. Зашёл Коля, водитель, с которым Лена ехала в Крюков.

– Привет, подруга, где тут у вас наливают?

– У нас только чай.

– Ну и как с вами разговаривать тогда? – он натянул улыбку, обнажив золотую коронку. – Ладно, шучу. Хорошо выглядишь, кстати. Заходи за книжкой.

Коля протиснулся во второй ряд, прихватив бутерброд. К нему тут же подседа Марина и что-то зашебетала.

Без пяти шесть приехала Юля Михална, с мужчиной в коротких брюках и усами-подковой, как у Мулявина из “Песняров”. Его представили Лене как мэра города. Следом за ними влетел Ванёк. Мест в зале уже не было, печенье закончилось двадцать минут назад, люди недовольно шептались.

– Что-то я начинаю волноваться, Вань, – Лена всегда побаивалась выступать, а тут чувствовала, что её начинает бить крупная дрожь, – вдруг меня помидорами закидают?

– Какие помидоры? Ты цены-то на них видела? Тебя ско-

рее крабами закидают.

Лена засмеялась и стало легче. Ванёк встряхнул её, как тренер тормозит боксёра перед боем.

– Ладно, не дрейфь. Я рядом. Если что – побежим. Быстрые ноги пинка не боятся.

Пора начинать. Лена одёрнула юбку и поднялась на сцену по боковой лестнице, подошла к микрофону, постучала по нему, чтобы проверить звук. Он ответил глухим “пхы-пхы”.

– Уважаемые крюковцы, минуточку внимания!

– Крюковчане! Никакие мы не крюковцы, надо было лучше готовиться! – мужик в брезентовом плаще решил защитить идентичность горожан.

– Не перебивай девчонку, пусть скажет, – вступилась бабулька с первого ряда.

– Извините, крюковчане, – Лена сбилась и искала глазами Ваньку. Он ободряюще кивнул. – Компания “Нефтепромрезерв” приглашает вас на интересную работу. Мы обеспечим вам достойный заработок, удобный график, официальное оформление.

– Это скокаво? – низкий женский голос гремел из последних рядов.

– Что?

– Платить скока будете? Вот у меня брат в Москву на стройку уехал, штукатуром. Так там ему шестьдесят тыщ платят. А у вас скока?

– Ну, это от квалификации зависит, от сложности работ.

В зале поднялся недовольный шум. Кто-то крикнул Лене:

– Ну, ты не юли. Прямо скажи.

Лена заглянула в свои таблицы.

– Средняя зарплата штукатура – тридцать тысяч в месяц, на руки.

У сцены начался даже не шум, а рёв.

– Мы что, люди второго сорта, что ли?

– Сами на эти гроши поживите.

– Поди в туфлях таких не походишь с зарплатой в тридцать тыщ.

Лена посмотрела на свои лаковые лодочки от *Marc Jacobs*. Даже бабки начали возмущённо размахивать руками, как будто сами собирались работать на стройке. Лена растерялась. Она попыталась сгладить ситуацию.

– Но зато вы будете жить дома, отпуска, больничные – всё официально.

Гомон не унимался. На сцену поднялась Светлана Гарьевна и отодвинула Лену от микрофона:

– Дайте человеку закончить. Что за базар вы тут устроили. Позорище.

Её, на удивление, послушали, и зал покорно затих. Лена рассказала о том, кого и зачем ждут на стройке. Дыхание постепенно пришло в норму. Ноги больше не тряслись.

– Может, у вас есть какие-то вопросы?

– У меня есть не вопрос, а обращение к землякам, – с места поднялся мужчина в очках, вассермановском жилете с

карманами и венцом тёмных волос вокруг лысины.

– Андрей Ильич, покороче только, – Светлана Гарьевна взяла на себя роль модератора, а потом шепнула Лене: – Это наш краевед.

– Они же все захватчики, оккупанты, кровавое государство. Как в сорок пятом году пришла сюда армия, на Карафуту. Так и сейчас. Мы всё это проходили уже. А история наказывает за незнание уроков, – он не говорил, а, скорее, завывал, как Евгений Евтушенко перед стадионом. – Землю нашу заняли под стройку. А там лес, девственный, там мы с детства грибы, ягоды собираем. А теперь что? Вас всех хотят как рабов использовать. Используют и выкинут.

– Спасибо, Андрей Ильич, ещё вопросы есть?

– Светлана, а ты человека не затыкай, он всё правильно говорит. Я-то сама вот что спросить хотела. Вы нас часом не потравите здесь? У нас и так в каждой семье – раковые. А вы ещё тут со своим заводом.

– Правильно, правильно. Травитесь там в своей Москве сами. К нам-то что приехали? Радиацию разводите, – в дискуссию вступили женщины со средних рядов.

– А я вот за то, чтобы был завод. К нам на открытие, может, Путин приедет? Вы что, Путина не хотите? – высокая дама в фетровом берете поднялась с места и демонстративно упёрла кулак в бедро.

– Путина-то мы хотим. Мы не хотим, чтобы у нас тут как в Чернобыле – собаки с двумя головами по дорогам бегали, –

немолодая блондинка махнула на соседку полной рукой.

– Михална, да что ты несёшь? Бред беременной медузы. А Путин как приедет, нам и дороги сделает. А то что – стыдобища. Машины едут – дороги объезжают.

Светлана Гарьевна кивнула Лене, что надо это всё заканчивать, а то так и до утра просидеть можно.

– Уважаемые крюков... крюковчане! Большое спасибо, что пришли. Вон там на столике лежат анкеты и ручки. Все желающие могут их заполнить и приходить с понедельника на собеседование. Будем очень вас ждать.

Камуфляжная река участников собрания потекла из дверей. Все громко разговаривали. Кто-то останавливался возле анкет и буклетов. Со стола с печеньем всё смели, даже лишние стаканчики и салфетки. Лена сошла со сцены и опустилась на стул, сняла туфли. Подошла Юля Михална:

– Елена, спасибо вам за встречу. Вы ко мне не зайдёте на той неделе? Обсудим парочку моментов. Организационных.

– Зайду, конечно.

Подсел Ванёк.

– Ну, видишь, не так страшен чёрт, как его малюют. Я видел, что мужики наши расхватили анкеты.

– Угу. Ну, мало ли для каких целей.

– Проводить тебя?

– Нет, не надо. У меня ещё дела здесь, – Лена, конечно, соврала.

Марина и Ирина убежали домой, а Лена продолжала си-

деть и смотреть в одну точку. Её как будто выпили через трубочку и с шумом затянулись напоследок.

– Ну, чего вы расстроились? – Светлана Гарьевна протянула ей кружку чая. – Идите домой, всё образуется. Вот увидите, они ещё в очереди к вам стоять будут. А сначала всегда так. Всё новое в штыки.

Ну что ж, остаётся надеяться. Лена спустилась по лестнице ДК и погрузилась в пряную темноту октября. Кричали чайки. В воздухе были намешаны запахи моря, пыли и уже прелой травы. На улице не было ни души. Вдруг она услышала за спиной шорох гравия. Лена свернула на соседнюю улицу. Ошибки быть не могло – вслед за ней медленно ехала машина. По спине пробежал холодок. Что же делать – бежать, кричать или остановиться?

Машина затормозила, и из неё, судя по всему, вышли двое. Лена ускорила шаг, перешла на бег. Сзади тоже побежали. Ей хотелось обернуться, но это слишком большая роскошь. Кто-то с силой дёрнул её за запястье:

– Стой!

Лена начала извиваться и выкручивать руку. Из темноты буркнули:

– Мы просто поговорить хотим.

Свет фонаря выхватил длинного жилистого парня, у которого на шее блеснула жирная змейка цепи. Он отпустил её руку, и боль волной докатилась до кончиков пальцев. Она нащупала в кармане ключи.

– Побежишь – будет хуже.

Сзади медленно двигалась полная фигура, как будто перекатывалась по ночной дороге:

– Ну, что ты бегаешь здесь? Хотели бы что с тобой сделать, у подъезда бы встретили, и всё. А так на центральной улице, в безопасном месте. Пойдём в машину поговорим, – колобок оказался мужчиной с гладким широким лицом и редкими еле заметными бровями.

– В машину не пойду, – Лена проверяла пальцами в кармане, какой ключ из связки острее.

– Ладно-ладно. Пару слов тебе скажу. А то ты тут шныряешь, что-то крутишься. И папикам своим передай, – колобок перевёл дыхание, – вы возить на свой завод кого угодно можете, хоть пингвинов с Антарктиды. Но мужиков местных не трогайте, ясно? Это мои мужики, они на меня работают. И перебежчикам я житья не дам.

Лена поняла, что перед ней стоит сам дядя Паша, директор рыбзавода.

– Крепостное право отменили уже. Где хотят, там и будут работать, – всё это вырвалось у неё случайно, против собственной воли.

– А ты, как я посмотрю, грамотная, историю любишь? А я вот литературу люблю. Знаешь, как у Гоголя в “Мёртвых душах”? Всё, что ни видишь, – всё это моё. И даже весь этот лес, и всё, что за лесом, – всё моё, – он подошёл вплотную и флегматично произнес: – И ты сейчас, шмакодявка, тоже

моя. Захочу и задушу тебя своими руками.

В ушах зашумело. Стало страшно даже сделать вдох, не то что ответить.

– Ладно, расслабь булки. Шучу. Мы же культурные люди. Разговоры высокие ведём. Я думаю, ты поняла меня. Хозяевам своим передашь, – он кивнул дылде с озлобленным лицом, – пойдём, Саня.

Они развернулись и зашуршали к машине. Потом объехали Лену и мигнули аварийкой – вежливо прощались.

Номинация Поэзия. Первое место

Иван Купреянов

Сборник стихотворений

* * *

Не страшно, скорее – противно
смотреть на пустеющий мир.
Налей, Антонина Крапивна,
в стаканчик, замытый до дыр.
Мы виделись мельком и прежде —
четыре ли раза ли, пять...
Я вырос до той безнадёжды,
когда это можно считать.
Но, впрочем, не надо о тщетном,
давай о посёлке одном,
где пах оглушительным летом
огромный жасмин за окном.
Як-40, як пёсик, задирист,
утробен Ил-76.
Когда самолёты садились,
стекло начинало свистеть.
В каком восхитительном соре

я жил до прошествия лет!
И можно сидеть на заборе,
и это почти интернет...
Налей, Антонина Крапивна,
начисли, плесни, нацеди.
Таинственно, конспиративно
налей. А потом уходи.
Руками своими не трогай,
красивую пыль не стирай.
Я жил под небесной дорогой,
я знаю, как выглядит рай.

* * *

Завибрировал мост, и трамвайный звонок
между двух берегов защемило.
Подари мне прозрачный холодный денёк,
чтобы таял во мне до могилы.
Не в коллекцию, нет. На асфальте ничья
нарисована линия мелом.
Я скроил бы денёк из обрезков старья,
только хочется новый и целый.
Деловитый рабочий с шуршащим мешком
копошится. Совместно со всеми,
словно в комнате с падающим потолком,
я упёрся в пространство и время.

Вот старушка, вот голубь колотит крылом,
и старушка к нему благосклонна.
Голубь – жадная птица, отрывисто в нём
исчезает обрывок батона.
Потерпи, все мы будем нигде и везде.
Замечательно, тоже мне – новость.
Я сейчас – пузырёк в бесконечной воде,
осознавший свою пузырьковость.

* * *

Оделся, вышел – там какой-то Фет:
прозрачный день, приятная прохладца,
всеобщий праздник и физкульт-привет,
и звуки множатся, и лучики дробятся.
Не осень, а сплошное ар-нуво.
И я смотрю на это охренело.
Насколько ж трудно, чтоб из ничего —
и твердь, и небо!

* * *

От плоского ветра пустыни времён
по горлу, шуршащему сухо,

бредут пилигримы, спуская дары
в Норвегию вольного брюха.

Пыхтит паровозик сквозь арку в скале —
пузато, напористо, гордо;
дворовые тролли гоняют в хоккей
в коробке замёрзшего фьорда.

Раз в год Муми-тролль из соседней норы
зайдёт перекинуться шуткой.
Раз в год перекур в неразгаданный сон,
и жуткая жуть в промежутке.

* * *

Ты зубы не скаль, упрекая
в старушечьем скрипе жильё.
Россия, товарищ, такая,
какой ты услышишь её.
Что мусорный шелест с экрана?
Что цац каблучков антрацит?
Закатного неба мембрана
над полем вспотелым гудит...
Растянуто лает собака,
как будто бы из-под воды.
Видать, награждают баскака

медалью за взятие мзды.
Россия, товарищ, такая.
Такая, но это не всё.
Беззубый баскак, обтекая,
поймёт: и ему хоросё.
А ты лучше думай о лесе,
он звóнок, рождественски бел.
И вспомни военные песни,
которые дедушка пел.

* * *

Сейчас позволь к тебе прижаться ухом,
послушать, будто радио соседей,
как сердце на параде марширует,
победу одержав в войне любви.
Посмотрим скандинавское кино,
вот прямо в этом зеркале посмотрим.
Вот прямо будем долго посмотреть,
ты очень там удачна в главной роли.
Я мягкий, словно тот гиппопотам,
набитый синтепоном и Синатрой.
Теперь их набивают Моргенштерном
(такого я не стал бы покупать).
Потом был снег, пространные пространства,
прохожие (неважно для сюжета).

И мы идём, собаками ботинок
обнюхивая свежий гололёд.
На выставке проветриваться будем,
где главные художники эпохи
граничат с гениальностью по морю,
в нейтральных водах добывают сельдь.

* * *

Двукопейка волшебная родом из СССР,
земляки мы с тобой, и я тоже немного колдучий.
Не купаться могу на заливе претензий и ссор,
не дышать ламинарией, камушков пяткой не мучить.
Побережье полно хлопотливыми залпами птиц,
у холодной губы – чебуречных белеют нарывы.
Я тобой не платил, я не смог бы тобой заплатить,
двукопейка моя, чешуя от разделанной рыбы.
Некто в шапочке вязаной смотрит с тебя на меня,
а не глобус в колосьях, которому больше не светит.
Я люблю. Это сложно. Но всё остальное – фигня.
Коммунизм наступил, почему-то – в отдельном поэте.

* * *

На тарзанке тарзанке
я качался качался,
и скрипела скрипела
надо мной высота
девяносто шестого,
девяносто седьмого,
девяносто восьмого.
Школота школота.
Тут монтажная склейка.
Первый курс универа.
На экзамен экзамен
я несу чертежи.
Минус двадцать четыре
и ажурная пена
по губам у восхода.
Покажи покажи.
Тут монтажная склейка.
Тут ажурная шейка —
и духами, и телом.
Укушу укушу.
На кровати кровати
превращения чудо
из служанки служанки
в госпожу госпожу.
Не обидно обидно,
не досадно досадно.
Всё проходит проходит,
кроме вечного “днесь”.
Хнычет кресло-качалка

(тут монтажная пена).
Вот и метка на карте:
“Вы находитесь здесь”.

* * *

В карантине ждёшь волшебной грани,
за которой “выйдем на плато”.
Сколько дряни, сколько милой дряни
по карманам старого пальто.
Жаркий трепет, колкие мурашки,
мёрзлый март и мёрзлое “пока”
превратились в мятые бумажки,
липкий почерк крошек табака.
Где-то в прошлом, на случайной вписке,
девушка-беспечные-шаги
пальцами постельной пианистки
складывает сердце из фольги.

* * *

Неведомо откуда, неведомо куда
течёт-проистекает гортанная вода.
В селе родился мальчик, назвали – Соломон.

Всю зиму воздух бился о колокольный звон,
пространство наполнялось волокнами стекла...
Парнишка рос красивым, как птица родила.
Пока всем людям снился один и тот же сон,
своим четвёртым летом проснулся Соломон.
Взметнулся, засмеялся – и тут же снова спать.
Вечерней рощей пахла уютная кровать.
Когда ему от рёду пошёл десятый год,
летучая зараза в селе побила скот.
За домом за последним, где отцвела ирга,
торчали из оврага рога, рога, рога...
Роскошно, равнодушно, всегда и навсегда
течёт-проистекает надменная вода.
Пятнадцать Соломону. К источнику приник
в училище духовном, среди шершавых книг.
Проваливаясь глубже в уютный общий сон,
в семнадцать лет поехал в безбрежный город он.
Был город беспощаден, как перпендикуляр,
но чудную ошибку там повстречал школяр.
Сначала были вздохи и прочие блага,
а после, много позже, – рога, рога, рога.
И это провалилось однажды в никуда.
Течёт-проистекает стандартная вода.
Сквозь белую бумагу просвечивает сон.
Не вовремя родился прекрасный Соломон.

* * *

Перевёрнутой чашей была в этом летнем платье.
Апельсиновой долькой, тающей в реагенте.
И хрустальным глазом в морщинистом, злом пирате.
Ничего не осталось, кроме картинок в ленте.
Когда у пошлости окончательно сядут батарейки
и кальмары полетят над Москвой протяжными косяками,
когда построятся с помощью циркуля и линейки
крепкие мальчишки с выбритыми висками,
приходи тогда в закрывшийся бар на Хрустальном.
Постучишься сердцем, три раза, тебе откроют.
Заходи, и тогда мы начнём изучать детально
в животах друг у друга пространства лужковских строек.

* * *

Ладони плавали в карманах
(привет, родная, как дела?) —
в пакете так живая рыба
для новогоднего стола.
Ни рассказать, ни поделиться
восторгом, жутью — да ничем.
Про то, что есть живая птица,

молчал. А то, что на ночь ем,
стираю, глажу, выступаю
в театре, к папе захожу,
что боль уже совсем тупая —
так это ясно и ежу.

На шее вздрагивала жила,
что называется, в пандан.
Жена одежду мне сложила
в большой лиловый чемодан.
Ладони плавали в карманах,
и говорила голова
ненастоящими словами
про настоящие слова.

* * *

Утюжки просит мягая сорочка,
влюблённость просит подписаться маем.
Мы ничего не знаем про щеночка:
по-видимому, он непознаваем.
Искали все, и вовсе не для вида,
не зная мира, счастья и покоя, —
в диапазоне от Эпименида
до Жижика не нашего Славоя.
Так много слов – заумных, точных, хлёстких
сказала эта звёздная аллея,

а я готов орать на перекрёстках,
что наступила Эра Водолея.
Я вспоминаю. Нет, я торжествую!
Я существую! *Vici! Vidi! Veni!*
Когда башку – лохматую, кривую —
кладу тебе (ты помнишь) на колени.
Кладу башку, и сердце скачет-скачет.
Есть этот миг. Другого нет. И точка.
Но, может быть, и это не щеночек,
а только отражение щеночка.

* * *

Вино притягательно, будто война
в иных модернистских изводах,
пока собирают судьбу твою на
китайских астральных заводах.
На первых ступенях духовных очей
написанное безусловно.
Ни синего мрамора клубных ночей,
ни ситного мрака церковных.
Посеешь лавстори – пожнёшь общепит,
но даже и это посеешь.
А где-то французская булка грустит,
а где-то хрустит Ходасевич.
Бумажный скелет бесполезен весьма,

вот разве – показывать пришлым.
Луи Буссенар, Александр Дюма,
Михайло Михайлович Пришвин.

* * *

На праздничном торте ландшафты милей,
чем на запеканке Карпаты.
Здесь чешут бугристую кожу полей
копателей серых лопаты.
Крошится глазурь ледовитая – хрусь!
Детинец мерещится, Кремль,
когда поднимается Древняя Русь
из толщи лилового крема.
Берёзовый дым кособоких хибар
и банные сочные девки.
Копатели свой собирают хабар,
колышется знамя на древке.
Имбирные всадники едут в закат
в иной, не кондитерской неге.
И каменный бог шоколадки “Кит-кат”,
и половцы, и печенег.
Где Д. Мережковский увидел свинью,
где чудилась Блоку невеста,
реальную сущность скрывает свою
изнанка слоёного теста.

Стряхнуть этот сахарный морок нельзя,
копатели роют траншеи.
И ласково режут друг другу князя
съедобные сдобные шеи.
И я понимаю про грозную Русь:
мы любим её не за ту лишь
секунду, в которую сладкое кусь.
И свечки горят – не задуеть.

* * *

Две иголки, пара ниток. Проще нет продеть сквозь ушки.
Больно умными, пожалуй, стали швеи-простодушки.
Есть инструкция простая, но они не попадают,
символический напиток восхищённо потребляют.
Скажем так, столу напиток прямо перпендикулярен.
То ли Гинзбург, то ли Гинзберг, то ли Лев, а то ли Аллен.
То ли Айзек, то ли айсберг. Через год и он растает.
Подростковые макушки Заратустрой зарастают.
Слава труженикам славным, не вальяжным, а
прилежным,
собирающим ракеты... и валежник? И валежник.
Как сказал один подросток, в синем небе звёзд до чёрта
(ни одной из канцелярий речь его неподотчётна).
Что услышит, что увидит в эту дивную погоду,
если выйдет истеричка из себя по QR-коду?

Манька, Ванька, Трамп, Собянин – все застыли в трансе
неком.

Если б я поэтом не был, я бы стал бы человеком.

* * *

Девятнадцатым веком пахнуло
из дубовой утробы стола.
Безупречная дева-акула
от стены до стены проплыла.
Пожелтевшая хрупкая пресса,
самоварный непарный сапог.
Люди склонны не чувствовать веса
наступающих страшных эпох.
Молодое пока молодое,
а уже ведь случился надлом,
замаячила над слободою
безупречная дева с веслом.
Керосиновый пьяница зыркал
сквозь стеклянную жирную муть.
В готоваленке бронзовый циркуль —
чтобы круг бытия отчеркнуть.

В менестрельствах сидят менестрели,
вспоминают, как жили в Удельной
и сквозь минус шестнадцать смотрели
на кудлатые ноздри котельной.
Как чертили по инею замки,
как мечтали о том и об этом,
уходя за разумные рамки,
не умея мечтать о конкретном.
Пробудись, о конец девяностых!
Серебром на ресницы мне брызни!
О, седая берёза в наростах!
О, подборка “Наукаижизни”!
Пробудись, обрастая по новой
тем же мясом туманной идеи.
В электричке до “Станцияновой”
новой магией я овладею...
Но драконам на горе и йетям
не доехать туда, не дотопать.
Между тем человеком и этим
вот такая вот (жест) хитропропасть.

* * *

На Воробьёвых безупречно,
пустынный берег аж звенит.
Прекрасен склон, прекрасна речка,
асфальт прекрасен и гранит.
Ни пиджакряков женихацких,
ни ледящих тротуар,
в смешных трико, в миндальных касках
велосипедствующих пар.
В трудах разнообразных Ленин
народам указал пути.
Такой простор для размышлений,
куда бы мысленно пойти.
Гундосит одиноко триммер,
холмам равняющий виски.
Неустановленный Владимир
благословляет Лужники.

* * *

В пространстве между тьмой и светом
вспухают главные дела.
А вот чудовище из шкафа.

А вот – художница сидит.
Она – творец в густых потёмках
на разделительной черте.
Она – одна из невесомых,
она теней имеет две.
В бедро упёрлась левой тенью,
а тенью правой держит кисть.
Рисует в сумерках картину,
и ночь не смеет наступить.

* * *

Розовый лотос – сон Махариши.
Мёртвые кошки – грозные мыши.
Грязные мыши, грузные мыши.
Запах замазки. Дачные крыши.
Смыты потоком неторопливым
дачные сотки с “белым наливом”.
Новое тело – новое дело,
Родина нас отпускать не хотела.
Будущий Джонни с будущим Билли
солнце в Нью-Йорке похоронили.
То ли ватрушка, то ли подушка —
между развалин скачет зверушка.
Всё повторяют новые виды.
Вот архимеды, вот пирамиды.

Смуглый товарищ у аппарата.
Бхагавадгита. Махабхарата.

* * *

“Поколение системных ошибок”.
А давайте нас так называть.
Развалился союз нерушимых.
В этот год мне исполнилось пять.
Было детство – такое, как было.
А теперь уже молодость – фьить!
Офигеть. Просветите дебила:
я не знаю, как правильно жить.
Ни о чём ваши Пруст и Набоков.
А воскресная школа – о чём?
Там однажды мне после уроков
засветили в висок кирпичом.
Я не знаю, с тех пор я подрос ли?
Нет, не чувствую, стал ли правей.
Больно много красивого после —
и любовей, и прочих любвей.
Очень просто всё: раз – и готово.
И не счистить грехов, и не счесть.
Много вкусного, мало святого.
Но хотя бы какое-то есть.
Берег этот – не то чтобы круча.

Круча – это на том берегу,
где слова “Беловежская Путча”
крепко в детском засели в мозгу.

* * *

Весёлый Роджер, грустный штурман,
семья акул навеселе.
Всё представимо, всё фактурно.
И это бунт на корабле.
Сидите тихо, пассажиры,
не выходите из кают,
пока стреляют канониры,
пока хрипят, пока поют.
Тортуга, девки, гонорея,
стеклянный глаз, ноги протез.
Скрипит натруженная рея
от веса боцманских телес.
За грабежи, не за покупки,
шальную любит жизнь пират.
...А капитан в дырявой шляпке
плывёт в торжественный закат...
Уже погасли эполеты,
а вот уже фонарь погас.
Дремучий век. Экватор. Лето.
Как будто это не про нас.

* * *

Наверху – бушующая прелесть,
а внизу – кипящая пыльца.
Молний нет, а жаль, они б смотрелись
переходом в золото свинца.
В бурю – верю. В бурю – в смерть не верю.
Дребезжат небесные слои,
словно в этой детской атмосфере
оживают мёртвые мои.
Я ищу, и я же повторяю:
Не найдёшь и снова не найдёшь.
Нахожу и сразу же теряю.
Просто дождь, обычный сильный дождь.
И течёт бесформенная масса
из разлома тютчевской грозы.
Золотое пальмовое масло
и другие ценные призы.

* * *

В кормушке птицы грохотали,
морозом пахло, январём.

Меня, трёхлетнего, катали —
на быстрый “Аргамак” сажали
и восхищали снегирём.

Я сильно после вспомнил это —
внезапно, словно в-ямку-бух.

Был центр города, и лето,
протяжный холод кружек двух.

Когда дела идут как надо
и возраст возле тридцати,

какая всё-таки услада,
награда, песня *Olvidado*,

в себе такое-то найти!

О аллилуйя! Круто! Круто!

И ощущение волны!

Моменты радости как будто
друг с другом хитро скреплены

(моменты горя, кстати, тоже,
но — не об этом, не сейчас).

Здесь август, мясо, вилка, ножик.

Мороз весёлый шубу ёжит,

и дышишь как бы про запас,

и липнут к солнечным цукатам
волокна веток, ватный снег.

И лёд скрипит под снегокатом
на весь последующий век.

Теллурия – страна огромных женщин,
страна шаманок в беличьих мехах,
рыжих женщин с памятью поколений.
Когда тебе встретится теллурийка,
не спрашивай её о смерти.
Она может ответить,
но ты не спрашивай.
Засыпая в объятиях теллурийки,
ты и так увидишь,
как проносится вереница прекрасных лиц.
Вот её бабушка,
бабушка бабушки,
бабушка бабушки бабушки.
До бесконечности.
Теллурия – страна каменных знаний,
величественных ответов.
Если ты встретишь теллурийку в юности,
как встретил я,
не совершай ошибку,
не спрашивай её о смерти.
Не спрашивай хотя бы в первую ночь.
Теллурийка войдёт и закроет дверь
изнутри.
Ты не сможешь ей не поверить,

ей – всем этим женщинам,
из которых сложились века.
Полёту размашистой птицы.
Холодному шёпоту гор.
Теллурия – страна первобытной музыки.
Гигантский маятник солнца
создаёт эту музыку
в воздухе, которым больно дышать.
Этой музыкой больно дышать.
Теллурийки —
ноты, которыми пишется партитура.
Не спрашивай теллурийку о смерти.
А если всё-таки спросишь...

* * *

Вьётся вьюга над водою,
вихри снежные крутя.
Мертвецов родных не стою —
без однако, без хотя.
Никогда я не поверю
в их зарытые глаза,
хоть эмоция потеря —
хоть секреция слеза.
Что вы, грёбаные черти,
изгибаетесь дугой?

Заболоцкий знал о смерти
больше, чем любой другой.
Вьюга тише, тише, тише,
отзови чертей своих.
Кто ещё другой напишет
про моих усопших стих?
Вьюга мылится за ворот,
пробираясь наугад.
Лучший вид на этот город —
восемнадцать лет назад.

* * *

Московская осень окрасит листья
раздрызганным цветом положенным.
В морозце волнующем встретишься ты,
как будто орешек в мороженом.
Такая эпоха подвижная: глядь —
как будто и не было года.
Холодные нити раздвинув, гулять
мы будем, и будет – погода.
Последние станут тянуть корабли
гнусявые, долгие нити.
В расплывчатой, вежливой дымке вдали —
кристаллики Москоу-сити.
Ты будешь как солнце, как брют за края,

взволнованная, настоящая.

И слишком уж синяя куртка твоя,
из бубликов состоящая.

Так будет. И ты не забудь, опьяни
до звона, до резкого взлёта.

В конце-то концов, лишь подобные дни
действительно стоят чего-то.

* * *

Разлипается сон, проявляется полка.

Если птицы включились – до рассвета недолго.

Между мной и не-мной возникает граница:
между тем, что приснится и что не приснится.

Я пытаюсь, пытаюсь ухватить это нечто,
сам в себя осыпаясь, как цемент или гречка.

Это сильная точка, в ней рождаются страхи,
в ней – ушедшие люди, работающие птахи.

Я хочу объяснить этим птицам и людям,
что они – это важно, и важнее не будет.

Но всегда исчезает эта сильная точка,
осыпается гречка, осыпается ночка.

Невозможная плотность секунд наступает,
и часы на пропеллере стрелок взлетают.

Длится июнь сероглазый прекрасным летом
года живых – и нескоро до года мёртвых.
Не угадать, что останется монолитом —
что унесёт постепенно водой и ветром.
Лица смешаются с практикой преддипломной,
а имена и фамилии не поладят.
Можно забыть людей, а погоду помнить,
чтобы потом из неё проступали люди.
Город во мне срастается стоязыкий
из голосов любви, голосов досады.
Шины машин производят такие звуки,
словно в стакане бранятся вода и сода.
Вот бесконечный мост, бестолковый зонтик,
всё расплывается, нужен восстановитель.
Там, где, по сути, точно должна быть кто-то,
только вода и ветер, вода и ветер.
Не исчезай или вместе со мной исчезни.
Я загадал желание на ресничке.
Вечный июнь отражается в круге жизни,
вечно бранится дождь со стоглазой речкой.

Хорошо ходить, создавая ногами шорох,
обводить дотошно контурные скрижали.
Так шуршали крылья ангелов тех, которых
с журавлями вместе в Индию провожали.

Закрывайте двери, пожалуйста, ведь иначе
в этот храм шуршащий доносится унца-унца.
Вспоминаешь тут же: поддатые тоже плачут,
и особенно громко плачут, когда смеются.

Просто лето кончилось – и никаких вопросов.
Лето просто кончилось – и никаких ответов.
лето кончилось просто кончилось лето просто
просто кончилось лето кончилось просто лето

Номинация Проза. Второе место
Ислам Ханипаев
Типа я. Дневник
суперкрутого воина
Повесть

Пятница. Делать уроки для слабаков

– Тебе нужны какие-нибудь вещи! – сказал раздосадованно Крутой Али.

– Какие вещи? – спросил я.

– Ну такие, чтобы ты сразу злился. То есть вспомнил их – и сразу злой!

– С ходу?

– С ходу!

– Как Халк?

– Да, точно, как Халк или лучше как я. Я бы выстегнул Гасана-Вонючку.

– Тебе легко говорить. Ты суперкрутой воин.

Я пощупал рукой новоявленный синяк под правым глазом. Это место побаливало, но не так сильно, как могло показаться со стороны, ведь драка завершилась только минут

пять назад.

– Ай! Сильно видно?

– Пока он просто красный, но, судя по моему чемпионскому опыту бесконечных драк с разными врагами, этот фингал станет синим.

– А потом?

– Жёлтым, зелёным, фиолетовым, – пожал плечами Крутой Али.

Я доверяю мнению Крутого Али, потому что он опытный уличный воин, но, вообще, у меня тоже неплохой опыт. Я тоже типа часто дерусь. В школе все крутые часто дерутся, и я тоже не отстаю. Если бы в нашей школе был рейтинг драчунов, я был бы точно в десятке! Махмуд, Анвар, два Маги, Заирбек, Зубастик, Ася, которая ходит на карате, Наби – её брат (он тоже ходит на карате), Велихан и я. Ну, Муртуз, Гасан-Вонючка, Марат, Саид, Умар... Да блин! Ну, я точно был бы на двадцатом месте или даже выше! Так-то я веду список всех драк, которые случаются у нас во втором классе, и иногда пишу третий класс тоже, а то откуда знать, с кем придётся делить поле брани.

– Крутой Али.

– Чё?

– Почему место, где дрались в древности, называли “поле брани”?

– Ты откуда это узнал?

– Учительница так сказала. А ещё в фойе висит картина

“Поле брани... чёта... чёта...”.

– Наверно, это ошибка. Там “поле брѳни” должно быть.

– Ты чѳ? Серьезно?

– Нет, откуда мне знать. Мы называем это “местом помахатьсѳ”. Типа “Идѳм, там есть место помахатьсѳ”. Щас ещѳ говорят “зарубиться”: “Если тебе что-то не нравится, мы можем зарубиться один на один за школой”. Есть ещѳ плохие слова, но я их не говорю.

Я остановился, потому что вспомнил о том, что типа мама увидит синяк и опять захочет прийти в школу. В прошлый раз мне удалось еѳ кое-как отговорить. Но в прошлом году она целых три раза приходила разбираться, почему я так часто прихожу домой с синяками. Ей не понять, что для таких, как я, очень важно делать то, что мы любим. А мы любим драться и побеждать, а потом опять драться. Так делают все воины, и Крутой Али тоже, и я тоже должен быть таким.

– Крутой Али!

– Чѳ?

– Типа мама узнает, что меня побили.

– Тебя не побили! – крикнул на меня Крутой Али, так что после его крика у меня в левом ухе свистело еще несколько минут. – Их было много. Пять или... или двадцать пять. Или миллион, я не помню.

– Я дрался один на один, – выдохнул я разочарованно.

– Это ты так думаешь! Ты же не видел, что происходило вокруг, а я там был и всё видел. Сколько у тебя глаз?

– Два.

– А сколько их там стояло?

– Пять? – спросил я, посчитав в уме.

– Я точно уверен, что их там было не меньше ста, но даже если пять, это была психологическая атака. Они отвлекали тебя от Гасана-Вонючки. Они кричали всякие обзывания на тебя, чтобы ты смотрел в их сторону, пока Гасан-Вонючка пытался тебя побить. Это всё было заранее запланировано. А ты видел портфель Человека-паука у Саида?

– Ага.

– Все знают, что Человек-паук – твой любимый герой, поэтому этот Саид принёс его, чтобы ты отвлекался на портфель.

– Точно, – удивился я.

– Меня слушай, я опытный воин. Это был их план, они знали, что у тебя только два глаза.

– Тогда ты должен был мне подсказать!

– Я пытался! Но ты не видел мои сигналы. Я делал так! – Крутой Али начал показывать на свои глаза указательным и средним пальцем и потом на мои. – Тебя отвлекал дурацкий портфель и обзывания. Не волнуйся. Когда дерёшься с подлыми врагами, такое бывает. Я привык, я дрался с тысячами врагов, всегда побеждал, но это же я.

– Гасан-Вонючка! – буркнул я и опять остановился. Начал оглядываться. Мы шли вдоль Собачьего парка, отличное место для драки. Отличное поле брани.

– Ну чё? – спросил Крутой Али.

Я вошел в кусты, сломал старую ветку дерева коленом два раза (третий не получилось) и вернулся на тротуар.

– Я когда злой, мне надо что-нибудь ломать, – произнёс я и добавил: – Это я только что понял. Когда я буду злой, мне надо будет что-нибудь ломать, типа чтобы все видели. Ударить ногой мусорку или... или ветки ломать, как сейчас. Ты слышал мощный звук? Такой хтыщ!

– Слышал.

– Круто?

– Круто. Лучше бы кости твоих врагов, но и маленькая веточка сойдёт. Насчёт мамы...

– Типа мамы, – поправил его я.

– Типа мамы. В прошлый раз она сказала, что придёт жаловаться в школу, если ещё раз увидит меня с синяком.

– Репутация... – выдохнул я себе под нос. Меня бесит, что репутация так важна.

– Да, репутация – это важно, – многозначительно сказал Крутой Али. – Если она придёт в школу, это конец. Скажешь ей, что вступился за девочку, мамы это любят. И выиграл.

Я согласился. Это звучит логично. А потом он добавил:

– А девочка тебя поцеловала, и все это видели. Чётко?

– Ты чё?

– Ладно, насчёт поцелуя не говори, в остальном всё так: защищал девочку, выиграл. Вопросы?

Я помотал головой. Хороший план. У Крутого Али всегда

есть план. Хорошо, что мы лучшие друзья.

Я пришёл домой и закрылся в своей комнате. Типа брат может прийти в любой момент, а типа мама придёт только после шести. Крутой Али сидел под окном. Он вообще никогда не заходит в дом, потому что он уличный воин. Я хочу быть на него похожим.

Я подошёл к зеркалу, чтобы изучить боевую отметину. Линейка уже была наготове.

– Третье октября, – объявил я, включив диктофон на телефоне. – Подрался с Гасаном-Вонючкой. Проиграл.

– Это была ничья, – влез Крутой Али, заглядывая в окно второго этажа.

– Я был внизу, он был наверху! – разозлился я, но скорее на себя, чем на Крутого Али.

– Хорошо, проиграл так проиграл, – пожал плечами Крутой Али. – Тебе надо принять поражение и стать сильнее!

– Великие воины не принимают поражения! Ты же не принимал!

– Я не проигрывал, – он опять пожал плечами. Бесит.

– Не сравнивай нас. Ты великий воин, а я только начинаю свой путь воина. Итак, результат – синяк четыре сантиметра в ширину, три в высоту, под правым глазом. Крутой Али!

– Чё?

– Есть разница между синяком и фингалом?

– Не-а.

– Хм, “фингал” круче звучит. Как думаешь?

– Да.

– “Фингал”... Причина драки – моя нереально крутая крутость. Нет, просто нереальная крутость, которой завидуют все в классе. Общий результат неутешительный.

Я вынул свою таблицу разборок и записал результат в нищю. Получилось три победы, семь ничьих и шесть поражений (но это нечестно, у меня только два глаза. Примечание: психологическая атака количеством. Надо что-то с этим делать на будущее). Но я только начинаю. Пока только три месяца прошло, как я решил стать крутым воином. Так что это не в счёт. Это просто тренировки.

Я решил, что скажу типа маме, что это не задиры, а я вступился за Амину, и скажу, что победил, это не считается за враньё. Когда хочешь сделать хорошее, врать можно. Я хотел защитить Амину, это хорошо, значит, так можно сказать.

– Что думаешь, Крутой Али? – Я показал ему последние записи в “Дневнике Воина”.

– Потом можно, если что, извиниться. Извинения детям всегда прощают. Сколько тебе уже?

– Восемь.

– Да, тебе ещё можно врать и потом извиняться, – кивнул он с пониманием дела.

Я убрал боевой архив обратно в шкаф и отжался пять раз. Неделю назад я отжимался три раза, а теперь пять. Я настроен серьёзно. Я должен быть готов, когда судьба меня позовёт делать великие и крутые дела.

Ближе к вечеру пришла типа мама. Она спросила, как прошли уроки, я ответил, что нормально, но я знал, что она заметила синяк. Это значит, что мы ещё вернемся к этому разговору. Придётся рассказать, что это результат “исключительно джентльменского поступка” (так сказал мужик из рекламы духов для мужчин). Думаю, типа мама меня похвалит за то, что я вступился за честь девушки. Женщин легко обмануть. Я вообще суперкрутой мастер обманывать, но я не обманываю просто так. Только иногда. Вообще редко, тем более что на кону была моя репутация. Учебный год начался месяц назад. Это мой шанс начать новую жизнь и показать, что я изменился за время летних каникул. А я и так изменился. Я ещё решил встать на путь воина и в тот момент познакомился с Крутым Али!

– Кушать-ку-ку-кушать! Кушать-ку-ку-кушать! – объявила на всю квартиру типа мама. Я вышел из комнаты с недовольным лицом. Пусть не думает, что я голодный. Великого воина нельзя никуда заманить вкусной едой. Только славной битвой. Славной битвой на поле брани. Я сел за стол и подумал, что эта кухонька скоро станет для меня маленькой, когда я стану воином. А ведь в квартире живут ещё типа брат Ахмед и типа мама. Зачем она вообще готовит еду в такой маленькой кухне? Почему мы не переезжаем в нормальную большую квартиру?

– Ку-ку-ку! А, ты тут, – сказала она, увидев меня. Ходьба в стиле ниндзя под названием “Шёпот листьев” – моя новая

техника, меня недавно научил Крутой Али.

– Шелест лучше, – сказал, высунув лицо из окна, Крутой Али. Я согласился.

– Итак, великий воин... эм... Ты определился с героическим именем? – спросила типа мама.

Я пожал плечами прямо как Крутой Али. Я совсем недавно отказался от своего старого имени, потому что подумал, что если начинать с чистого листа, то нужно новое и суперкрутое имя.

– Не понимаю, почему тебе не нравится Артур? Очень даже героическое имя. Король Артур, круглый стол, все дела. Не круто? Это вполне себе крутой мужик. Артурчик?

Я промолчал. Нельзя отзываться на имя, от которого ты отказался. Мы услышали барабанный стук в дверь.

– Вот тебе и вовремя! – обрадовалась типа мама. – Открой, пожалуйста.

Я открыл дверь, Ахмед вошёл домой.

– Артуруидзе, – поздоровался типа брат.

– Не называй его так, это не его героическое имя, – влезла типа мама.

– Ты ещё не решил? – поднял бровь Ахмед.

Я не ответил и вернулся за стол.

– Руки мыть, за стол садиться, вкусно покушать, меня поцеловать, вопросы? – продолжала типа мама. Она всё время улыбается и шутит. Бесит.

– Всё понял, – Ахмед, помыв руки слишком быстро (за

это время микробы не умирают, я уверен), прыгнул за стол, попутно чмокнув типа маму в щёку (между нами десять лет, а он ведёт себя как ребёнок. Бесит). – Что у нас?

– Макарохи по-флотски, безымянный воин заявил, что с этого дня не кушает ничего, кроме мясной еды. Бери с него пример.

– Серьёзно? А что не так с овощами? – спросил он.

Я собирался ответить, но типа мама опять влезла:

– Ну, это еда для слабаков. Мясо рулит. Только не варёное – оно невкусное.

– А мощный бульон? – спросил типа брат.

– Не, – покривил я ртом.

– Как это так? От немясных вещей решил отказаться, а бульон тут при чём? Спроси у каждого серьёзного мужика, бульон – это сила. И варёное мясо – сила. О, у меня новый вариант! “Арчибальд”! Как тебе?

– Тупость, – буркнул я.

– Согласен. “Артурио”?

– Тупость.

– “Артурян”?

– Тупость.

Типа мама поставила на стол тарелки.

– “Артуриан”? Это не армянское – типа из «Властелина колец». Король эльфов Артуриан!

– Тупость.

– “Артуроид”? Это как робот. Робот-воин, не?

Типа мама, достав сметану, села за стол.

– Тупость.

– Хватит, – влезла она. – Других тем, что ли, нет? «Артурин», как тебе? – они оба засмеялись, но простым людям не понять. Пусть смеются, а я буду говорить только по делу или вообще вечно молчать. Мне понравилась мысль вечно молчать. Со всеми буду вечно молчать. Пусть вместо меня говорят мои кулаки.

– Ты не должен молчать со своим сенсеем, – заметил Крутой Али.

– Кроме тебя, – ответил я Крутому Али, а потом ответил типа маме: – Тупость.

– Я пыталась. Найти себе геройское имя – сложное дело, как оказалось. Прогугли, – она пожала плечами.

– Загугли, – поправил её типа брат и спросил: – А как ты будешь учиться в школе, если ты отказался от имени?

– Они не узнают. Смысл секретного воина в том, чтобы никто не знал его хода мыслей, – ответил я суперскрытно.

Типа брат выставил рот рыбой и молча согласился, переглянувшись с типа мамой. Я на секунду подумал, что они что-то задумали против меня, какой-нибудь заговор, но потом они вместе кивнули. Кажется, теперь он понял всю серьёзность ситуации с именем.

– Ты крут, кумиж, – сказал он.

Я задумался над кумижем. Жумик. Умжик. Кимуж. Мужик... Он думает, что я совсем дурак и не понимаю его шиф-

ровки?

– Кумиж? – спросила она.

– Женщина, тебе не понять мой секретный шифр, – добавил Ахмед и подмигнул мне. Это ему не понять, что я всё понимаю. Ракуд. Дукар. Акдур.

После ужина я ушёл от этих детей в свою комнату. Я решил, что надо хорошо продумать план побега из дома, когда судьба позовёт великого воина. Я подошёл к окну и посмотрел вниз. Второй этаж. Не так уж высоко, но и не так уж низко. Крутой Али стоял у окна, только с улицы. Мы как раз стали одного роста.

– Крутой Али, что будет, если я выпрыгну из окна?

Крутой Али посмотрел себе под ноги.

– Я думаю, что ты выживешь, но ходить не сможешь.

– Думаешь, лучше канат из одежды или типа парашют?

– Ты хочешь круто или как лох?

– Круто.

– Тогда тебе нужен правильный момент. Надо дожидаться высокой машины. “Газель” дяди Махмуда пойдёт. Он проезжает четыре раза в день у тебя под окном. Или мужик, который продаёт соленья во дворе, или который молочник, или который привозит хлеб в магазин рано утром. Не забудь выкрикнуть что-нибудь крутое.

– Что например? “В бесконечность и даль”? “Банзай”? Или “Эхе-хей”? – я перечислил наиболее известные мне варианты.

– Оставь эти детские кричалки! – гаркнул он. – Ты живёшь в Дагестане. Для таких случаев тут уже придумали свой крик. Все кричат “ииииуууу”.

Мне не очень нравится “ииииуууу”. Я часто слышу его из машин с громкой музыкой, которые едут по Махачкале. Ночью очень часто. Вчера, когда я шёл со школы домой, они крикнули “ииииуууу”, когда проезжали рядом с нашей новой суперкрасивой учительницей английского языка. А ещё “ииииуууу” постоянно кричат в наших дагестанских роликах. Наверно, это круто. Я достал свой “Дневник Воина” и записал туда “Научиться «ииииуууу»”.

– Шанс выжить? – спросил я, выглянув из окна ещё раз. Здесь нужен серьёзный подход.

– Писят на писят, – пожал плечами Крутой Артур. Он слишком крут, чтобы знать, что это значит. Поэтому он придумывает цифры, я уверен.

Остаток дня я потратил на то, чтобы сделать уроки, хотя знаю, что если я решил быть крутым, то должен перестать делать уроки. Все самые крутые в школе не делают уроки. И Анвар, и Мурад, и Гаджи, и Гасан-Вонючка, и Азиз, и другие. Хотя Азиз начал делать уроки, он больше не крутой. Нельзя учиться хорошо и быть крутым. Это несовместимые вещи. Несовместимые вещи называются оксюморонами или исключениями. Никто не хочет быть тупым исключением. Вчера в крутом историческом фильме главный герой сказал: “Ради великой цели мы должны совершить эту

великую жертву!”, а потом их всех убили. Вот и я подумал: ради великой цели (стать крутым и по возможности злым воином) я должен пожертвовать школой. Надо пожертвовать всей обычной жизнью. Я уже начал жертвовать. Я дал обет безбрачия. Это значит, я никогда не женюсь на Аминь. Но мне себя не жалко. Жалко Аминь, потому что у неё никогда не будет крутого мужа.

Вообще, делать уроки мне нравится, мне нравится делать вещи, которые мне нравятся. Я люблю гулять, люблю учить новые боевые стили (вчера я изучил кунг-фу, стиль змеи), люблю делать уроки (но я скоро должен перестать), люблю говорить крутые слова. Типа “типа”. Когда говоришь “типа” в любом предложении, это уже круто, но типа мама и типа брат не поэтому. Они “типа”, потому что они по-настоящему мне не мама и не брат. Мою маму убили, так что я должен готовиться к великой судьбе воина. Может, я даже когда-нибудь смогу отомстить за неё.

– Когда плачешь, поворачивайся, чтобы никто не увидел, – подсказал Крутой Али.

– Хорошо, – сказал я и повернулся.

– И платок носи, чтобы вытирать сопли.

– Хорошо.

Я заканчивал домашнюю работу, когда в комнату вошла типа мама. Я даже её не услышал. Мне надо тренировать свой слух. Я не уверен, но есть вероятность, что секретная техника “Шелест листьев” передаётся по генам. Хотя она мне

и не мама.

– Что делаешь, зайчик? – спросила она и села рядышком. Я успел закрыть “Дневник Воина” и спрятать его.

– Не называй меня так, – ответил я.

– Извини, я всё ещё не привыкла, что ты уже вырос.

“Ты и не видела, как я рос! Не притворяйся, мы с тобой знакомы только два года, ведёшь себя, как будто ты меня родила!” – подумал я, но сказал... ничего не сказал.

– Можно, пока ты не определился с новым именем, называть тебя просто Артур? Временно.

Я кивнул. Воин должен иногда проявлять милосердие.

– Ну и что у тебя? Математика?

– Уже закончил.

– Молодец.

Мы немного помолчали. Я делал вид, что занят чем-то важным. Она смотрела то в окно, то на меня. У неё грустный взгляд всегда, когда она не улыбается. Я не люблю такие моменты. Лучше бы она была обычной. Не шутила и не грустила.

– Слушай, зайчик, ой, то есть Артур, мне неудобно, но я хочу спросить у тебя кое-что.

– Да, я подрался, я заступился за девочку и выиграл, – сказал я спокойно, как будто я делаю так каждый день. Я и так делаю так каждый день. Дерусь (не заступаюсь за девочек). Крутой Али показал мне из окна “класс”.

– Ух ты, за девочку? – усмехнулась типа мама, как будто

это великое дело и уже надо выбирать галстук для свадьбы.

– Да, но я дал обет безбрачия, – жёстко отрезал я.

– Да, да, помню. Это я не забуду, мой маленький безымянный воин, который в восемь лет дал обет безбрачия, – сказала она, чмокнула меня так быстро, что я не успел применить защиту. – Извини, не удержалась. Ну, как гласит великая мудрость: “Перед любым великим делом надо закончить школу и сдать ЕГЭ на пять”. Я пошла, спокойной ночи. – Она пулей вылетела из моей комнаты.

– Крутой Али!

– Чё?

– Есть такая великая мудрость?

– Не-а, она всё врёт.

Я всегда знал, что взрослые врут. Они думают, что мы не знаем, когда они врут. Когда я буду взрослый, я не буду врать детям. К чёрту Деда Мороза, Гарри Поттера, аистов и капуста. Я сразу расскажу, откуда всё берётся. И дети, и подарки.

Суббота. Я люблю ходить в школу, и это проблема

На следующий день я опять пошёл в школу. По дороге я вспомнил мои вчерашние мысли про крутые слова и решил дальше их обдумывать. Есть много крутых слов, которые пока у меня не получается говорить, но это дело привычки. Чем больше говоришь, тем легче. Это как с матом. Если хочешь говорить плохие слова, надо их часто говорить. Но Крутой Али сказал, чтобы я не учился говорить плохие слова, потому что “тебе за это дадут по башке, а ещё ты мусульманин. Мусульмане не ругаются матом”. Я ответил: “А крутые пацаны в классе тоже мусульмане, но говорят плохие слова”, а он мне ответил: “Они – олени. Ты не олень”. Я ответил: “Понятно”. Я не матерюсь. Я не олень.

– Эй, Крутой Али, какое слово самое крутое из всех?

– Из вообще всех или из тех, которые тут говорят, в этой яме?

Ямой он называет “это место”. А “этим местом” он иногда называет место, где мы стоим, а иногда Махачкалу, а иногда Дагестан. Это правило для любого, кто хочет быть крутым и злым. Мы должны называть место, где живём, ямой. Я сразу получил доказательство, что становлюсь из-за “ямы” крутым. Учительница дала нам тесты, и в вопросе “Назовите республику, в которой вы живёте” из вариантов “Дагестан”,

“Татарстан”, “Башкортостан”, “назвать другое место” я указал “яма”. Мне поставили двойку. Потом классная руководительница звонила типа маме. В классе многие смеялись, когда узнали, а некоторые показывали на меня пальцем и говорили “дурак”. Меня похвалили Анвар, Мурад и Гаджи, самые крутые и плохие пацаны в классе, а Гасан-Вонючка взбесился из-за того, что всем понравилось то, что я сделал. Как я и сказал, крутость зависит от оценок.

– Крутой Али!

– Чё?

– Какое крутое слово ты знаешь вообще из всех?

– “Атомный” или “ядерный”. Это крутое слово везде. Если какие-нибудь президенты спорят и кто-нибудь говорит “ядерный”, остальные все кидают задний, – сказал уверенно Крутой Али.

– А что значит “кинуть задний”?

– Зассать, испугаться, дать дёру, ну ты понял. Ты даже не должен слышать про это слово, понял?! – закричал вдруг Крутой Али. Я могу его понять. Злой воин его уровня не захочет даже слышать слово “испугаться”.

– Понял. А какое крутое слово тут?

– Сейчас, – Крутой Али задумался и, пожав плечами, ответил: – Жиесть. Жиесть – слово, которое нужно всем. Оно важнее даже, чем “иииииуууу”.

– А чем “уцишка”?

– Чем “уцишка” тоже. И чем “хищник”. Его можно добав-

лять к любому предложению в любом месте, и оно всегда звучит чётко. Вот смотри: “Вот ты в натуре жиешь!” Видел? В любом месте.

– Жиешь – это да-а-а... – протянул я, восхваляя это слово. Я уже давно пытаюсь говорить “жиешь”, но это слово пока звучит из моего рта тупо. У всех вокруг это получается легко и естественно, но я раньше не говорил “жиешь”, а теперь научиться тяжело, это как родной язык. Мама учила меня говорить, но у меня плохо получалось, её убили, и теперь меня никто не учит, и я не могу говорить. А крутые слова – другое дело. У меня есть учитель – Крутой Али. – Жиешь. Жиешь. Жиешь. А что оно значит, если точно?

Крутой Али пожал плечами. Он не знает слова, которые говорит, ему нельзя знать их смысл, потому что он крутой, и поэтому он сказал:

– Тебе не нужно знать смысл, ты должен просто говорить. Правило 46! Записывай!

Я быстро вынул “Дневник Воина”. Когда Крутой Али провозносит новое правило, я должен быть всегда наготове. Это очень важный момент.

– Готов?

– Ага.

– Пиши: “Правило воина 46: крутой и злой боец...” Тебе больше нравится боец или воин?

– Оба.

– Пиши “воин”. Итак: “Крутой и злой воин может гово-

ритель без причины разные слова и не обязан знать смысл этих слов!” Записал?

– Ага.

– Запомни это правило. В жизни будет много случаев, где тебе надо будет говорить вещи, чтобы их говорить, не только “жиеть”, но и целые предложения! Например, например... Вот, смотри.

Крутой Али показал мне через дорогу. Там пять-шесть студентов шли вдоль дороги и бросали друг другу скрученные трубочкой тетради, как в регби, и смеялись на всю улицу.

– Круто? – спросил Крутой Али.

– Круто, – автоматически ответил я, пытаюсь разглядеть скрытый смысл крутости.

Один из пасов пролетел над головами ребят прямо на проезжую часть. Самый высокий и, как мне показалось, самый быстрый из них выбежал на дорогу за тетрадями и поймал их, едва не приземлившись на капот машины. Старик-водитель опустил окно и сказал слово, которое мне нельзя говорить. В ответ они предложили ему замолчать, тоже используя нехорошее слово, и убежали.

– Вовремя, – обрадовался Крутой Али наглядному примеру. – Видел, как он поймал тетради?

– Ага.

– Как бы ты его похвалил?

– “Молодец”? “Чётко”? “Круто”? – спросил я нерешитель-

но. Я знал, что тут не всё так просто.

– Если бы ты был лохом, ты бы сказал “молодец”, ещё скажи “хороший мальчик”. Ты должен сказать новое модное выражение: “В натуре ты пушка!” Понял?

– Какая пушка?

– Никакая!

– А где пушка, я не понял?

– Вот именно, я же сказал, правило 46, прочитай вслух.

Я опять достал тетрадь и прочитал правило:

– “Крутой и злой воин может говорить без причины разные слова и не обязан знать смысл этих слов!”

– Теперь понял?

– Ага.

Я зафиксировал полпути до школы ровно на остановке. Я знаю это, потому что считал шаги: семьсот пятьдесят шагов – половина пути, ещё семьсот пятьдесят – и я в школе. Быстрым шагом можно дойти за тринадцать минут тридцать секунд, обычным шагом – примерно за двадцать минут. Кстати, я иду в школу не потому, что я должен ходить в школу. Я сам решаю, что мне делать, и я решил ходить в школу, потому что типа мама мне не разрешает бросить её. Я спрашивал позавчера. Это одна из моих серьёзных проблем: если ты хочешь быть крутым, ты не должен любить ходить в школу. Поэтому я начал придумывать вещи, из-за которых я не люблю школу. Я должен приходить в школу с плохим настроением и уходить с хорошим. “Школа – это тюрьма” –

вспомнил я одно из первых правил Крутого Али.

– Перемены? Я не люблю перемены, – сказал я.

– Перемена – это хорошо. Это возможность кого-нибудь побить, – ответил Крутой Али. У него на всё есть ответ. Он крутой.

– Ах да, – я вспомнил, что всё ещё не придумал вещи, которые должны меня сразу злить, чтобы я мог сразу разозлиться и подраться как настоящий воин. Злой воин и даже плохой. Если я буду злиться, то смогу напасть даже на слабых, если они на меня посмотрят не так. Или так. Или вообще посмотрят. Или вообще всё что угодно. – Я не люблю школу за вонючие парты, – вдруг вспомнил я.

– Почему?

– Ты же их видел, Крутой Али, они сломанные, разваливаются, краска падает с них, они кривые, на них пишут всякие гадости. Я хочу нормальные парты.

– Нормальных парт нет ни в одной школе этой ямы, – сказал уверенно он, вероятно, имея в виду Махачкалу. – Ты поменял уже три школы, тебе хотя бы раз попалась нормальная парта?

– Нет.

– А ты видел, чтобы у кого-нибудь когда-нибудь при тебе была нормальная парта в любом из классов любой из школ?

– Нет.

– Тогда чё ты пристал к партам?

– Ты видел, что нарисовано у меня под партой?

– Ты.

– Что «я»?

– Под твоей партой нарисовали тебя, и у тебя во рту всякие гадости.

– А ещё?

– “Артур чёрт”.

– Я это уже стёр. Там вообще много чего пишут. Даже про Амину, а она мне нравится. Меня бесят эти парты. Я сразу злюсь.

– Из-за них или из-за надписей?

– Я вообще с тобой не разговариваю! Тебе легко говорить, ты вообще в парты не помещаешься. Тебе надо на полу сидеть, чтобы нормально помещаться за партой. И вообще никто ничего плохого о тебе не писал на партах и тебя не рисовал, потому что ты крутой и все тебя боятся, Крутой Али! Они меня бесят. Я не хочу ходить в школу, чтобы сидеть за этими партами.

Я вообще разозлился, и мне понравилось, что у меня получилось разозлиться. Но я вспомнил, что со временем некоторые вещи перестают меня злить. Мой лучший друг после Крутого Али – это Расул. Он сидит сзади меня. Раньше он меня злил, потому что он самый умный в классе, но потом мы сравнили наши оценки и решили, что я второй самый умный после него. Он больше меня не злит. Ещё меня злила Амина, я дёргал её за косички три или четыре раза, а потом я в неё влюбился и решил, что она больше меня не злит, и

это проблема. Из-за неё, а ещё из-за моего лучшего друга я люблю ходить в школу. А ещё из-за природоведения, и ИЗО, и чтения. Блин!

Пока мы шли, Крутой Али переворачивал машины по моей просьбе, побил несколько человек и ограбил два магазина. Я подумал, что это неплохая профессия для меня в будущем. Я могу стать ограбителем. У всех должна быть работа: и для злых, и для добрых. Ограбитель – работа для злых. Как пират. Как обманщик-вор-ниндзя-убийца. Как учитель физры. Я думаю, все учителя физры в школе были крутые и злые двоечники. Я не хочу быть учителем физры, я хочу быть ещё круче. Ограбитель – это круче учителя физры.

– Нужно что-то более злое, чем парты, Крутой Али, – подумал я, потому что представил в голове гигантские весы и на одну чашу поставил Амину, Расула, природоведение и ИЗО, а на другую плохие парты. Хорошего было явно больше, поэтому мне нужно что-то, ну очень сильно меня злящее, иначе не получится возненавидеть школу.

– Артур, привет! – прозвучало у меня из-за спины. Вприпрыжку меня нагоняла Амина. Я вспомнил о том, что дал обет безбрачия. Уже три месяца как. Когда её вижу, всегда об этом вспоминаю.

– Привет.

– Ты идёшь по этой улице?

– Ага.

– Вы же раньше шли с мамой через парк, – заметила Ами-

на. Я не могу признать тот позорный факт, что меня весь первый класс и начало второго типа мама не отпускала в школу одного. Две недели назад я смог её уговорить, и это серьёзный этап в моём становлении воина. Я становлюсь самостоятельным и, выходя каждое утро один в школу, репетирую, как однажды уйду из дома навсегда, когда судьба меня позовёт. Крутой Али говорит, что как любому настоящему воину мне придётся сразиться с каким-нибудь монстром. Моего монстра зовут Баха, и однажды мы встретимся. И раз уж в школу теперь я хожу один, мне приходится звонить типа маме три раза в течение своего пути. Когда дошёл до школы утром, когда вышел со школы после уроков и когда дошёл до дома. Но это оправданная жертва. А ещё мне больше нельзя идти через парк укороченными тропинками. Приходится идти сперва вдоль одной людной улицы, потом другой. И вот спустя две недели одиночных походов в школу мы встретились с Аминой.

– Теперь я хожу сам, – ответил я гордо. – Я раньше провожал маму на работу.

– Поня-я-ятно, – протянула она, задумавшись о своём. Амина хорошая. Позже она рассказала мне, что знала, что типа мама меня провожает до школы и что я должен звонить типа маме три раза. Амина тоже звонит маме три раза, и это всё было подозрительно, пока я не узнал, что наши мамы (моя – типа) работают в одной больнице и они вместе придумали этот план слежки за нами.

Некоторое время мы молча шли в школу. Я люблю молчать, но, когда рядом с тобой идёт кто-нибудь, молчать нельзя. Надо говорить всякие интересные вещи, рассказывать истории, шутить шутки. Но я не шучу, потому что воин не должен шут...

– Артур, – вдруг сказала она.

– А?

– Девочки рассказали, что ты вчера подрался из-за меня с Гасаном, – сказала она и слегка отвернулась. “Ого”, – подумал я. Крутой Али неодобрительно покачал головой. Это не очень хорошо для репутации, когда все знают, что ты заступаешься за девочку. Джентльменствовать надо скрытно. Видимо, кто-то проговорился из пацанов или сам Гасан-Вонючка начал всем рассказывать про драку. Он тот ещё болтун.

– Не-а. Я вообще часто дерусь. Всегда. Я хожу по улице и ищу с кем подраться, – ответил я. Крутой Али одобрительно кивнул головой.

– Он сказал про меня нехорошие вещи в мальчиковской раздевалке, а потом ты его позвал подраться после уроков. Ну, так говорят. Наверно, они всё врут. Да?

“Я дал обет безбрачия”, – подумал я и ответил:

– Пусть говорят. Ещё, наверно, говорят, что он меня побил.

– Ага, – еле слышно сказала она.

– Это я просто устал тогда после физры, и вообще я на-

ступил в ту скользкую лужу, которая рядом с абрикосовым деревом за школой. Знаешь эту лужу?

– Ага.

– Вот там я упал. Из-за лужи и из-за обуви. А потом я ему сказал “давай завтра ещё”, ну, сегодня уже, а он сказал, что больше не хочет. Как трус, – завершил я свою речь. Крутой Али даже похлопал меня по плечу. Амина, кажется, улыбнулась и больше мы не говорили, пока не дошли до школы, а когда дошли, она сказала:

– А давай после уроков вместе домой пойдём.

– Хорошо, – сказал я, и она убежала, а я смотрел ей вслед, размышляя о том, что обет безбрачия можно перенести и начать с десяти лет, но Крутой Али мне не разрешит. А ещё стало очень жарко, так что даже сердце забилось быстро. Я слышал про изменения климата, у нас даже на стенде висит карта температуры мира, и она вся покраснела от жары, и теперь я тоже покраснел. Дурацкая жара.

До начала уроков ко мне подошёл Гасан-Вонючка с другими пацанами и сказал: “Будешь сегодня махаться?”, я собирался согласиться, но Крутой Али посчитал их всех, и оказалось, что их четыре человека. Крутой Али указал пальцами сперва на свои глаза, потом на мои и потом показал “четыре”. Опять психологическая атака количеством, мне пришлось отказаться, хоть я и мог их всех побить. Потом я хотел его толкнуть, но отвлёкся, и он толкнул меня первым. Они ушли, а я смотрел на них, так что последний взгляд остался

за мной. Никто не может выдержать мой взгляд. На прошлой неделе это был главный урок, который мне преподавал Крутой Али. Он называется “Техника боевого взгляда”. Это когда ты идёшь во дворе, на тренировках и в школе и смотришь всем в глаза, чуть-чуть опустив голову, как будто что-то скрываешь, и напрягаешь брови, как будто солнце светит в глаза. И потом ходишь так. А если есть капюшон, то его тоже накидываешь и смотришь на всех. Это очень важно, чтобы все понимали, что со мной нельзя шутить. Я иногда стараюсь его применять. Пока что перед зеркалом и даже сам себя боюсь. Я очень крутой перед зеркалом.

– Ну, кто у нас там следующий? – спросила учительница и заглянула в журнал. – Хотите по журналу или по желанию? Журнал – раз! Журнал – два! Журнал – три! Султанов.

Гамид встал из-за парты. По взгляду мне показалось, что он выполнил задание.

– Итак, кого ты выбрал своим героем?

– Доктор Стрэндж... – скомканно выдавил из себя он.

Класс разочарованно выдохнул, а учительница сказала:

– Ещё один... Ну, давай, читай про своего супергероя. Халк уже был, Железный человек тоже.

Гамид трясущимися руками взял в руки своё сочинение и начал читать:

– Я выбрал своим героем супергероя из “Марвел” Доктора Стивена Стрэнджа. Это очень крутой маг, который получил свои силы, потому что он попал в аварию, потому что смот-

рел в телефон, вместо того чтобы смотреть на дорогу, когда он был за рулём. Машина упала в пропасть, и у него из-за этого испортились руки. Потом он поехал в Камараж...

– Что? – переспросила учительница. – То есть куда поехал?

– Камараж... Камдараж... Кармагандаж... – ответил Гамид. Кто-то в классе его подправил – “Камартадж, дурак”. Он продолжил: – Короче, он поехал в одну древнюю страну, нашёл там древнего учителя, и она научила его, как делать магические вещи, и он стал защищать землю, как остальные мстители. Всё.

– Молодец, Гамид, какой у него характер? Чем он тебе так понравился?

– Характер? Ну, он такой крутой... и умный, ваще чёткие вещи делает там... Ну... он останавливает время, делает его назад-вперёд и там ещё создаёт всякие телепорты и в любое место может попасть, и ещё у него есть летающий такой живой плащ...

– Так, хорошо, – учительница устало взялась за лоб. Я подумал, что мог бы рассказать в тыщу раз круче про доктора Стрэнджа, хотя он даже не мой любимый герой. Мне нравится Тор и Железный человек и ещё Вдова и Капитан Америка, а любимый – Человек-паук, но не эта тупая Капитан Марвел. Ваще не понимаю, кому...

– Ау-у-у, Артур, ты с нами? – спросила учительница.

– Он в своих облаках, – сказала Ася, и весь класс поче-

му-то засмеялся. Тупая шутка, и Ася тоже тупая. Хотя она лучше всех знает математику. Математика тоже тупая.

– Я говорю, что из рассказа Гамида мы поняли, что, когда сидишь за рулём, надо смотреть на дорогу. Твоя очередь. О ком твоё сочинение?

Я встал из-за парты и взял свой листок. Вначале я думал, что напишу про Хабиба Нурмагомедова, но его выбрали уже три пацана и ещё Гасан-Вонючка. Хотя если все крутые берут Хабиба, то и я должен так делать, но в общем опять получилось, что я исключение. У меня и так есть свой герой.

– Его зовут Крутой Али.

– Крутой? Крутой Али? А фамилия?

– У него нет фамилии, это просто Крутой Али.

– Ну ладно... Читай про... Крутого Али, – сказала он и улыбнулась остальным ребятам, и все захихикали. Вообще-то про учителей нельзя говорить плохие вещи, но из-за неё надо мной все посмеялись, поэтому она тоже тупая. Учителя не должны шутить про учеников, чтобы остальные над нами смеялись.

– Мой герой Крутой Али. Мы познакомились несколько месяцев назад, когда со мной никто не хотел дружить. Крутой Али подошёл и сказал “салам”, а потом мы подружились. Крутой Али самый крутой из всех моих друзей.

– У тебя вообще нет друзей, – сказал кто-то сзади, и все опять посмеялись. Тупой класс.

– Крутой Али знает о мире больше всех. У него всегда

есть на всё ответ. Он разбирается в людях и даёт мне разные советы. Крутой Али очень крут. Хотя и не считает себя умным, но он очень умный и ещё самый сильный. Сильнее, чем тупой доктор Стрэндж. – Не знаю, зачем я сказал это и ещё посмотрел в сторону Гамида. Он показал мне средний палец, спрятав руку под партой. – Мне повезло, что я нашел такого друга, потому что настоящих друзей бывает очень мало. У некоторых вообще не бывает друзей, и я хочу, чтобы у всех был такой хороший друг, как Крутой Али. Всё.

– Очень хорошо, – сказала учительница. – Молодец. У тебя очень хороший друг. – Я решил, что она больше не тупая. – А где живёт Крутой Али? Он твой сосед?

– Не скажу, – ответил я и сел на своё место.

– Спасибо, брат, – сказал Крутой Али и пожал мою руку. Он сидел на полу рядом со мной. Как я и говорил, когда он садится на пол, он как раз достаёт нормально до моей парты.

Мне понравилось это сочинение на тему нашего героя. Во-первых, потому, что я смог узнать о многих своих одноклассниках. Надо знать слабости своих врагов. Это великая китайская мудрость. Когда кто-нибудь рассказывает про себя что-нибудь, надо внимательно слушать, чтобы потом знать, как победить этого человека. Из всего класса наверно половина выбрала своим героем какого-нибудь супергероя. Или какого-нибудь героя из мультиков. Я понял, что они просто тупые дети и герои их тупые и детские. Только Спанч Боб нормальный, и Амина выбрала его своим героем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.